

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ-1982

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

ЗАДАЧИ СОСТАВЛЕНИЯ ТЮРКСКИХ АРЕАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ АТЛАСОВ

Тюркская диалектология и диалектография располагают значительным количеством трудов по конкретным языкам и сравнительно-историческими работами по отдельным группам тюркских языков. Однако уже назрела необходимость создания обобщающих диалектологических исследований по историческим (племенным) ареалам диалектов огузского, кыпчакского, карлукского, уйгурского и других типов тюркских языков. Это особенно важно сделать в связи с тем, что исследователи оперируют такими понятиями, как огузские, кыпчакские или карлукские черты и особенности того или иного явления фонетики, грамматики или лексики конкретного языка в тех или иных системах и подсистемах различных уровней языка или диалекта. В то же время те же огузские, кыпчакские или карлукские и другие языки и диалекты исследуются не в полном объеме, а в условных географических границах, например, только Поволжья и Урала, или Кавказа, или Средней Азии, Сибири и т. д., то есть в границах, не совпадающих с зонами распространения соответствующих исторически сложившихся языковых и диалектных групп.

Исследования по географическим ареалам (Поволжья и Урала, Кавказа, Средней Азии, Сибири и т. д.) возможны в плане изучения главным образом взаимодействия, интерференции между указанными выше диалектами и языками огузского, кыпчакского, карлукского и уйгурского ареалов, в то время как сами эти ареалы пока еще точно не установлены как в географическом отношении, так и в плане выявления характерных для этих ареалов дифференциальных и интегральных системных (связанных) изоглосс, точно определяющих характерные особенности упомянутых и других языков.

В связи с этим часто наблюдается некоторая абберация в определении отношений тех или иных явлений и фактов разных уровней языка к различным исторически сложившимся племенным особенностям.

История формирования тюркских языков, а также соответствующих диалектных систем, характеризуется последовательным развитием различных родоплеменных объединений, из числа которых наибольшее влияние на формирование современных тюркских языков и диалектов оказали болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский и уйгурский

союзы¹. Каждый из этих племенных союзов оставил в языках и диалектах следы своих специфических особенностей, согласно которым в настоящее время и производится членение всех тюркских языков на соответствующие группы и географические ареалы. Наиболее устойчивые и характерные системные сочетания этих специфических особенностей или признаков сохранили языки и диалекты перечисленных выше болгарского, кыпчакского, карлукского, уйгурского и огузского ареалов².

Булгарский ареал, локализованный в Поволжье, составил группу из двух древних — болгарского и хазарского — языков и одного современного — чувашского языка с характерными для данного ареала адстратными включениями соседних финно-угорских языков, а также влиянием иранского субстрата.

Кыпчакский ареал, представленный языками: карaimским, крымско-татарским, кумыкским, карачаево-балкарским, татарским, башкирским, ногайским, казахским, каракалпакским, киргизским, кыпчакскими диалектами узбекского языка и южными диалектами алтайского языка — со своими специфическими и общими для всех кыпчакских языков чертами, с характерным воздействием маргинальных адстратных языков: славянских, иранских, кавказских, финно-угорских и монгольских.

Карлукский ареал, охватывающий часть Средней Азии и Восточный Туркестан (современный Синдзян-уйгурский автономный район Китайской Народной Республики), представленный узбекским (карлукские диалекты) и уйгурскими языками с их специфическими общими чертами и воздействием в Западном Туркестане — иранских языков, а в Восточном — китайского языка.

Уйгурский ареал, географически охватывающий часть Восточной Сибири, представлен следующими языками: тувинским, якутским, тофаларским (тофским или карагасским), хакасским, чулымским, шорским и северными диалектами алтайского (ойротского) языка, также со своими специфическими общими чертами. К адстратным и субстратным языкам, оказавшим значительное влияние на языки уйгурского ареала, относятся монгольские, палеоазиатские и финно-угорские языки.

Огузский ареал, границы которого охватывают Малую Азию, часть Балканского полуострова, Южную Молдавию, Азербайджан, Туркмению, Северные районы Ирана, некоторые районы Ирака и Сирии, представлен языками: азербайджанским, турецким, гагаузским, туркменским, диалектами балканских тюрков, диалектами азербайджанцев и туркмен Ирана, Ирака и Сирии, огузскими диалектами узбекского языка. Он также характеризуется и специфическими, общими для указанных языков чертами.

Кроме того, на формирование языков огузского ареала значительное влияние оказали адстратные и субстратные иранские, славянские, арабские, а также греческий языки, а позднее — и западноевропейские.

¹ См.: Н. А. Баскаков. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. — Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964; *его же*. Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского диалектологического атласа. — «Советская тюркология», 1972, № 5; *его же*. Эволюция формирования некоторых типов диалектных систем тюркских языков. — В сб.: «Лингвистическая география, диалектология и история языка». Ереван, 1976, стр. 5—20; *его же*. *Zones marginales et aires dans l'évolution des langues turques*. — «Acta Orientalia Hungaricae», Tomus XXXII, Fasc. 2, Budapest, 1978.

² См. подробнее об этом: Н. А. Баскаков. Процессы ареальной интеграции в истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1980, № 4.

Огузский ареал, отличающийся специфическими фонетическими, грамматическими, а также общими лексическими особенностями, кроме основных перечисленных выше языков: азербайджанского, турецкого, туркменского и гагаузского, характеризуется наличием множества различных диалектов, либо относящихся к диалектной системе одного из этих языков (азербайджанского, турецкого, или туркменского), либо диалектов, отношение которых к какому-либо из основных огузских языков еще не установлено. Последние языки и диалекты принадлежат различным этническим группам и племенам огузского происхождения, проживающим главным образом в Сирии, Иране, Ираке и Афганистане.

Так, например, К. Кулиев, изучивший племенной состав тюркского населения на территории Северного Ирана и составивший специальную карту расселения этих племен, установил их отношение к таким крупным туркменским племенам и родам, как: 1) йомуды (роды: Джафарбай, Нуралы, Атабай, Даз, Акатабай, Адрак, Зимур, Бахелке, Яралы и др.); 2) Геоклены (роды: Крык, Карабалкан, Аджан-каджик, Ель-Янги, Дадурга, Джан-Курбанлы, Кел, Кызыл, Каи и др.); 3) Нахурлы; 4) Теке; 5) Ата и др., составляющим около 35000 кибиток с общим количеством жителей 200000 человек.

Язык этих племен и родов ждет своих будущих исследователей-диалектологов, причем сами родовые названия указывают на соответствующие диалекты, уже изученные туркменскими тюркологами.

Однако более тщательное исследование диалектов и языков именно таких изолированных от основной массы носителей языка этнических групп, как туркмены или азербайджанцы в Северном Иране, представляет огромный интерес с точки зрения истории данных народов и их языков, их этногенеза и связей с древними огузскими племенами и другими тюркскими народностями.

До сих пор остаются недостаточно изученными также многочисленные азербайджанские и туркменские говоры на территории Армянской ССР, Грузинской ССР, и на территории РСФСР, в частности, в Дагестане.

Вместе с тем данные изолированных языков и говоров огузского ареала могли бы раскрыть исторические процессы развития всех тюркских языков и в том числе основных огузских: азербайджанского, турецкого, туркменского, гагаузского и диалектов крымско-татарского и узбекского языков, а также установить этногенетические связи этих языков с древними огузскими племенами и другими тюркскими народностями.

На обширной территории Закавказья, в северо-восточных областях Турции и Иранского Азербайджана, в Сирии, Ираке, Афганистане (кроме территории Азербайджанской ССР и Туркменской ССР) проживают многочисленные племена и этнические группы населения, говорящие на разнообразных диалектах азербайджанского и отчасти туркменского языков.

Особый интерес среди огузских племен и этнических групп представляют племена: «терекеме» или «карапахи», «каракоюнлу», «баят», туркменские племена: «баиндир», «игдир» и «имрели», известные под общим названием «чепни», до сего времени совершенно не изученные. Все эти, а также многочисленные другие тюркские племена, живущие на данной территории, несомненно, являются потомками древних огузских племен, входивших в сельджукский и другие племенные союзы и проделавших великий путь от берегов Сыр-Дарьи до Ирана, Кавказа, Малой Азии и Балканского полуострова. Позже они стали этническими

компонентами таких народов, как азербайджанцы, туркмены, гагаузы, турки и другие тюркские народности, генетически связанные с огузами.

Некоторые общие сведения об огузских племенах этой территории мы находим в работах: Крайлича и Равлига³, А. Вамбери⁴, Масуда Гехана⁵, Н. Ф. Яковлева⁶, А. Ф. Ляйстера и Г. Ф. Чурсина⁷, К. Каракашли⁸, Али Риза⁹, Ф. Кёпрюлю¹⁰, а об их языке — в специальных диалектологических словарях¹¹ и в некоторых специальных исследованиях, например, И. Эккмана¹², Х. Зубейра¹³ и др. исследователей языков и диалектов населения Иранского Азербайджана — С. М. Шапшала¹⁴, В. Ф. Минорского¹⁵, Г. Дёрфера¹⁶ и др.

Наибольший интерес для истории огузских языков и, в частности, азербайджанского, турецкого и туркменского, представляют этнические группы с самоназваниями: «карапахи» или «терекеме», «каракоюнлу», «дюнбюллю» или «чарыхчи», «качары», «туркмены», «айрумы», «баяты», «афшары», «кашкайцы», «халаджи», некоторые материалы по языку которых собраны (по многим из указанных диалектов) турецкими диалектологами¹⁷, а по афшарам Афганистана — Л. Лигети¹⁸ и по халаджам В. Ф. Минорским и Г. Д. Дёрфером.

Некоторые из перечисленных этнических групп находятся, как уже отмечалось, и на территории Советского Союза, главным образом в Армянской ССР, Грузинской ССР и Азербайджанской ССР. Причем диалектные особенности их языка остаются до настоящего времени не вполне изученными. К последним относятся «каракоюнлу», «качары», «айрумы» (или «шахсевены»), «баяты» и «афшары», живущие на территории Азербайджанской ССР, и «карапахи» или «терекеме», проживавшие ранее в Ахалцихском и Ахалкелекском районах Грузии и ныне переселившиеся в Ошский район Узбекистана, а также живущие ныне в Зангезурском, Басаргечарском, Калининском и других районах Армянской ССР.

³ *Krayliç ve Ravliğ. Türkmen aşiretleri. İstanbul, 1834, стр. 164—172.*

⁴ *H. Vambéry. Das Türkenvolk. Leipzig, 1885.*

⁵ *مسعود کیهان. جغرافیایی مفصل. تهران ایران. ۱۳۱۱/۱۸۹۳.*

⁶ *Н. Ф. Яковлев. Языки народов Кавказа. Тбилиси, 1928—1929.*

⁷ *А. Ф. Ляйстер и Г. Ф. Чурсин. География Кавказа. Тбилиси, 1929; их же, Этнография Кавказа. Тбилиси, 1930.*

⁸ *К. Каракашли. Об айрумах. Известия общества обследования и изучения Азербайджана, VIII, Баку, 1929.*

⁹ *Ali Riza. Cenupta Türkmen oymakları, I, İstanbul, 1931—1932; II—III, Ankara, 1933; IV—V, Adana, 1934—1939.*

¹⁰ *F. Köprülü. Oğuz etnolojisine dair tarihî notlar. Türkiyat mecmuası; I, стр. 198—205.*

¹¹ *I. Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi. I. İstanbul, 1939; II—1941; III — 1947; IV — 1951; V. Index, Ankara, 1957; VI. Folklor söz'leri, Ankara, 1953; 2. Türkiye'de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü. I. Ankara, 1963; II — 1965; III — 1968; IV — 1969; V — 1972; VI — 1972.*

¹² *I. Eckman. Terekeme ağzında — mamaca ekli fiil şekline dair Azerbaycan Yurt Bilgisi. IV. 37, 1954.*

¹³ *H. Zubejr. Afşar Türk ağzlarına dair Türk yurdu, I. İstanbul, 1928.*

¹⁴ *H. S. Szapszal. Proby literatury ludowej Turkow Azerbajdzanu perskiego. Kraków, 1935, XIII.*

¹⁵ *W. Minorsky. The Turkish Dialect of the KHALAJ Bulletin of the Society of Oriental and African Studies, 10, London.*

¹⁶ *G. Doerfer. Khalaj materials. Indiana University publications. Uralic and Altaic Series vol. 15. Bloomington, 1971 (дана библиография).*

¹⁷ *Полная библиография дана в кн.: А. П. Векилов. Турецкая диалектология, Ленинград, 1973.*

¹⁸ *L. Ligeti. Sur la langue des afchars d'Afghanistan. — «Acta Orientalia», t. VII, Fasc. 1—2, Budapest, 1957.*

Планомерное изучение диалектов этих районов Армении и Грузии по существу только начато. Известны исследования грузинских и армянских диалектологов-тюркологов: Н. Н. Джанашия, изучившего особенности верхнецалкинского говора¹⁹, Е. В. Гуднашвили, исследовавшего особенности языка нижнецалкинских турок²⁰, В. Т. Джангидзе, изучившей дманисский говор азербайджанского языка²¹ и З. М. Велиева, описавшего говоры азербайджанского языка в Басаргечарском районе Армянской ССР²².

В 1952 году во время пребывания в Калининском районе Армянской ССР нам удалось познакомиться с особенностями азербайджанских диалектов народности «терекеме» или «карапапах», живущих в районе села Калинино (бывш. Воронцовка) в селениях Кара-Иса, Эвлю, Иль-Мазлу, Союз-Булах, Кызыл-Шафах, Сарйар, Демюрчиляр, Кара-Кала и Кызыл-Даш.

Поводом к поездке в этот район послужило желание уточнить название народности «карапапах» или «карапах», как называют себя сами карапапахы, весьма близкое по форме и смыслу к этническому названию «каракалпак» и самоназванию «каралпак».

Интерес этот еще более усилился после выдвинутой некоторыми турецкими исследователями теории об общем происхождении этих народов и идентичности названий «карапапах», «каракалпак» и старого этнонима «черные клобуки», часто упоминавшегося в русской историографии.

Однако записи текстов и диалектологические наблюдения над языком «терекеме» или «карапапахов», а также сохранившиеся у этой народности родовые названия и этнографические особенности уже сейчас позволяют заключить, что «каракалпаки» и «карапапахы» в этногенетическом отношении так же далеки друг от друга, как и общеплеменные объединения кыпчаков и огузов, и что совпадение самоназваний их — «каракалпак (каралпак)» и «карапапах (карапах)» является случайным²³.

Как удалось выяснить путем опроса некоторых представителей этой этнической группы, «терекеме» или «карапапахы» исторически относятся, по-видимому, к тем огузским племенам, из которых позже образовалась народность азербайджанцев и турок; в настоящее же время они считают себя как по языку, так и по происхождению азербайджанцами. Что касается названий «терекеме» и «карапапах», то первое представляет собой собирательное название, данное им персами и обозначает арабское множественное число (تر كمه) от слова *тюрк.* (تر ك), второе же название «карапапах» является прозвищем, данным этим прежде кочевым племенам турками, видимо, по такому внешнему признаку,

¹⁹ Н. Н. Джанашия. Особенности верхнецалкинского турецкого говора. Тбилиси, 1954.

²⁰ Е. В. Гуднашвили. О некоторых глагольных формах в нижнецалкинском турецком наречии. — «Труды Института языкознания Академии наук Грузинской ССР», Тбилиси, 1957, стр. 219—235.

²¹ В. Т. Джангидзе. Особенности дманисского говора азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс., Баку, 1955; *её же*. Грузинские лексические элементы в дманисском говоре азербайджанского языка. — «Труды Института языкознания АН Грузинской ССР», Тбилиси, 1957, стр. 237—242.

²² З. М. Велиев. Говоры азербайджанского языка Басаргечарского района Армянской ССР. Автореф. канд. дисс., Ереван, 1955.

²³ Н. А. Баскаков. Карапапахы и изучение их языка. — «Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР», № 65, М., 1964.

как ношение ими черных меховых шапок (рараһ), (обычай, частично сохранившийся в настоящее время).

В Турции «карапапахами» (кагарараһ) чаще называют оседлую часть этого племени, живущую в районах Карса и Ахиска. Название же «терекеме» относится к кочевникам того же племени. В Турции существуют и другие названия, или вернее прозвища этого племени, данные турками. В числе последних наиболее часто употребляются следующие: «безбаш» (bezbaş), «гагаван» (gagavan) и «чинчават» (çinçavat). Среди «терекеме» или «карапапахов», живущих в районе Карса, существует также группа «мюрид» (mürid), представляющая собой скорее религиозную секту. Представители этой секты не составляют единой компактной группы и живут изолированно друг от друга в различных селениях «терекеме».

Затруднения с более полной характеристикой огузского ареала, как наиболее сложного, вызваны тем, что состав огузских диалектов и языков, равно как и состав их носителей и, в частности, различных племен, живущих за пределами Советского Союза, изучен слабее, нежели языки и диалекты других ареалов.

При определении указанных выше основных ареалов и отношения каждого конкретного языка или диалекта к исторически существовавшим древним племенным объединениям: булгарскому, огузскому, кыпчакскому, карлукскому и уйгурскому — решающими являются системные или комплексные изоглоссы.

Системные изоглоссы с большей достоверностью раскрывают исторические связи диалектов между собой и исключают случайное объединение отдельных явлений, возможное при использовании только несистемных изоглосс. Состояние монографического изучения диалектов тюркских языков позволяет определить их основные лингвогеографические ареалы; последними являются: Огузский ареал — границы которого по существу определяются юго-западной зоной их локализации, Кыпчакский ареал — северо-восточной зоной, Булгарский ареал — северо-западной зоной, Карлукский ареал — юго-восточной зоной и Уйгурский ареал — северной зоной; намечены также и маргинальные зоны внутри и между каждым из основных ареалов.

Одной из современных задач лингвогеографического исследования тюркских языков является, таким образом, уточнение границ этих ареальных и маргинальных зон и распространения соответствующих языков и диалектов, а для этого необходимо составить соответствующие зональные или ареальные исторические диалектные атласы.

При составлении ареальных исторических диалектных атласов возникают следующие основные проблемы²⁴:

1. Уточнение характерных для каждого ареала основных системных комплексных изоглосс, определяющих специфику данного ареала по всем основным уровням языка: фонетическому, грамматическому и лексическому.

2. Установление дополнительных изоглосс, определяющих генетические межареальные связи, например, огузских и кыпчакских языков, или огузских и карлукских и др.

3. Определение специфических изоглосс, характеризующих групповые связи языков между собой внутри данного ареала, например, кып-

²⁴ Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, Л. А. Покровская, Э. В. Севортян. О подготовке диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза. — «Вопросы языковедения». М., 1966, № 3, стр. 3.

чакско-булгарских, кыпчакско-половецких и кыпчакско-ногайских языков внутри кыпчакского ареала и т. д.

4. Определение специальных изоглосс, характеризующих специфику конкретных языков в составе каждой группы и каждого ареала.

5. Констатация границ распространения системных ареальных и системных групповых изоглосс конкретных языков, а также изоглосс, определяющих субстратные и адстратные явления для каждого данного ареала.

6. Установление маргинальных зон с характерными явлениями интерференции межареальных, межгрупповых и межязыковых изоглосс.

До составления ареальных исторических диалектных атласов должна быть проведена значительная подготовительная работа, строго координированная с задачами составления как общетюркского диалектологического атласа Советского Союза, так и национальных атласов.

Совершенно очевидно, что набор изоглосс для ареальных атласов будет иным, чем для общетюркского и национальных атласов; поэтому в процессе подготовки следует учитывать материал исследований по истории тюркских языков и работ, посвященных диалектам современных языков.

Специфическими особенностями должна отличаться и сетка пунктов сбора материала на определенной предварительно установленной территории.

Наконец, особые задачи стоят также перед составителями ареальных диалектных атласов при подготовке ими вопросника, определяющего все указанные выше изоглоссы.

Успешное разрешение всех поставленных выше задач составления ареальных исторических атласов позволило бы исследователям тюркских языков с большей определенностью соотносить все явления тюркских языков с соответствующими древними языками тюркских племенных объединений, уточнить существующие классификации тюркских языков, а также иметь объективный исторический материал для различного рода ареальных, сравнительно-исторических и историко-типологических исследований.

Перед тюркологами—исследователями диалектов, стоит задача разработки принципов составления конкретных ареальных исторических диалектных атласов для каждого из сложившихся ареалов.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Э. А. УМАРОВ

ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРСИДСКИХ ФАРХАНГАХ

Тюркологический материал сохранился не только в тюркских письменных источниках, но и в иноязычных письменных памятниках, в частности персидских¹. В таджикско-персидских фархангах (словарях), например, зафиксирован богатейший лексический материал тюркских языков, изучение которого, несомненно, представляет исключительно большой интерес. По предварительным данным тюркская лексика наиболее богато представлена в следующих особенно значительных персидских словарях, созданных в период XIV—XIX веков².

1. «Сихах-ул-фурс» («Истинные персидские слова») составлен в 1327 году в Тебризе. Автор — Мухаммад ибн Хиндушохи Нахчевони. В словаре 2300 слов³, куда частично входит и тюркская лексика.

2. «Шарафномаи Ахмади Муньяри» («Книга славы Ахмада Муньяри») составлен в 1473—1474 годах. Автор — Иброхим Кивоми Форуки. В фарханге слова располагаются в алфавитном порядке и «в конце каждого раздела приводятся тюркские (чагатайские) слова»⁴.

3. «Тӯҳфат-ус-саодат» («Подарок счастливой судьбе») составлен в 1510—1511 годах. Автор — Махмуд бин Зиёуддин Мухаммад. Состоит из 32 глав. В словаре кроме персидской лексики «представлены арабские и тюркские слова»⁵.

4. «Муайид-ул-фузало» («Помощник ученых») составлен в 1519 году. Автор — Мухаммад ибни Лоди Дехлави. Словарь состоит из 28 глав и имеет подраздел тюркских слов⁶.

5. «Луғати Ҳалимий» («Словарь Халими»).

Рашидий в своем словаре «Фарханги Рашидий» указывает на существование персидско-тюркского словаря «Луғати Ҳалимий» созданного в 1511 году. К сожалению об этом словаре пока мало сведений⁷.

¹ Тюркская лексика представлена не только в описываемых словарях, но и в других толковых и переводных словарях таджикского и персидского языка (фарси). Однако в связи с тем, что о лексике фархангов имеются лишь отдельные публикации; мы решили пока ограничиться ими. В дальнейшем, несомненно, будут изучаться и другие словари языка фарси, включающие тюркскую лексику.

² В. А. Капранов. «Луғати фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии. Душанбе, 1964, стр. 5—27.

³ А. Воҳидов. Аз таърихи луғатнависии тоҷику форс. Самарқанд, 1980, стр. 13.

⁴ С. И. Баевский. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Выпуск 4. Персидские толковые словари (фарханги). М., 1962, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 17.

⁶ Я. Сатибалдиев. Толковый словарь персидского языка «Муайид-ул-фузало» Мухаммада бен Лада. — «Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук», 1957, № 3, стр. 45—52.

⁷ Х. Аҳадов. «Фарханги Рашидий» ҳамчун асари лексикографӣ. Душанбе, 1981, стр. 20.

6. «Мадор-ул-афозил» («Орбита ученых») составлен в XVI веке. Автор — Файз ибни Асад-ул-Уламо Алишер Ас-Сирхинди Раъфат. Автор в предисловии сообщает, что при составлении словаря им были использованы тринадцать словарей, в том числе «словари фарси, дари, пехлевийские и тюркские»⁸. Арабские слова отмечены пометой «айн» (ع), персидские «ф» (ف), тюркские «т» (ت).

7. «Кашф-ул-луғат ва ал-истилоҳот» [«Раскрытие (значений) слов и терминов»] составлен в конце XVI века Абдурахимом ибни Ахмад Сури Бихори. В словаре содержится большое количество тюркских слов, в том числе и тюркская ономастическая лексика. Тюркские слова автор выделяет пометой «т» (ت)⁹.

8. «Латоиф-ул-луғот» («Тонкости слов») составлен в 1622—1623 годах. Автор — Абдулатиф ибни Абдулло Кабир. Отличительная особенность этого словаря заключается в том, что если слово относится к двум языкам, например, тюркскому и персидскому, составитель ставит помету *تو* — тюркско-персидский¹⁰.

9. «Баҳори Аджам» («Словарь Бахора») составлен в 1739—1740 годах. Автор — Тикчанд Баҳор. Словарь включает более 20000 словарных статей. В словарь, помимо таджикско-персидских слов, «включены также арабские, тюркские и индийские заимствования»¹¹.

10. «Бурҳони котеъ» («Решающий довод») составлен в 1652 году в Индии. Автор — Мухаммад Хусайн ибни Халаф ат Табризи ал мутахаллис ба Бурҳон. Словарь состоит из 29 глав. В нем кроме таджикско-персидских слов встречаются «также заимствованные из тюркских и других языков»¹².

11. «Фарҳанги Рашидӣ» («Рашидов словарь») составлен в 1653—1666 годах. Составитель — Абдурашид ибни Сайид Абдулғафур ат Таттави. В этом словаре при раскрытии значений таджикско-персидских слов часто приводятся и тюркские эквиваленты¹³.

12. «Чароғи ҳидоят» («Светильник праведного пути») составлен в 1734—1735 годах. Автор — Сирожиддин Али. Словарь состоит из 30 глав, почти во всех главах приводятся тюркские слова.

13. «Шамс-ул-луғат» («Солнце словаря») составлен в 1805 году. Автор неизвестен. В нем наряду с арабской и персидской лексикой встречаются тюркские слова. Они отмечены пометой «т» (ت)¹⁴.

14. «Ҳафт қулзум» («Семь морей») составлен в 1815 году. Автор Ғазиддин Ҳайдар Бодшохи Ғази. В словаре 22709 слов и выражений. При раскрытии значений слов автор приводит их тюркские соответствия¹⁵.

15. «Ғиёс-ул-луғот» («Гиясов словарь») составлен в 1827 году. Автор — Мухаммад Ғиёсиддин ибни Жалолиддин ибни Шарафутдин. В словаре 17537 слов и выражений¹⁶. По предварительным данным в нем встречается около 800 тюркских слов.

⁸ В. А. Капранов. Указ. раб., стр. 12.

⁹ А. Воҳидов. Указ. раб., стр. 29.

¹⁰ В. А. Капранов. Указ. раб., стр. 17.

¹¹ А. Сангинов. Словарь «Баҳори Аджам» и его лексикографическая характеристика. Автореф. канд. дисс., Душанбе, 1973, стр. 7.

¹² В. А. Капранов. Указ. раб., стр. 17—19.

¹³ Ҳ. Аҳадов. Указ. раб., стр. 36.

¹⁴ А. Воҳидов. Указ. раб., стр. 45.

¹⁵ Там же, стр. 46.

¹⁶ Там же, стр. 47.

Фахри Каввос», «Рисолаи Насир Ахмад», «Фарханги Фирдоуси». Источник же староузбекской лексики словаря пока неизвестен.

Судя по некоторым данным, можно с известной долей вероятности предположить, что автор записывал тюркскую часть словаря на основе устной разговорной речи.

Лексическое содержание словаря. Основную часть лексики составляют слова, повседневно употреблявшиеся в обиходе и в быту. Тематически их условно можно разбить на ряд групп:

- а) название животных: گوز-سفن 'олень', گاوسفر 'корова';
- б) название растений: پیازسقاں 'лук', سیرسرمق 'чеснок';
- в) название частей тела: ناخن-ترناق 'ногти', گردن-بوین 'шея';
- г) название предметов домашнего обихода: پیمانہسفر 'чаша', 'кубок', پلته-تیر 'топор';
- д) числительные: هشتادسکن 'восемьдесят', چهار-تورت 'четыре';
- е) название строительных материалов: خشت-گیربیج 'кирпич';
- ё) название небесных тел: اسمان-کوک 'небо', ستاره-یلدوز 'звезда'.

Принципы толкования. Ибрахим Бадриддин при переводе тюркских слов на персидский язык использует в основном эквивалентный метод: سفر-گاؤ 'корова', تود-تتر 'верблюжонок', توز-نمک 'соль'. Часть слов в словаре переводится описательно: آغا-برادر بزرگ 'старший брат', خاتون-غروس خوب و نازک 'красивая и нежная невеста'.

При раскрытии значений ряда слов автор использует восточную лексикографическую помету مقابل 'антоним': سانجش سانجش-قابل تنن لشکر — 'антоним слова «войско»'.

Если слово общеизвестно, то в соответствии с тогдашней традицией Ибрахим Бадриддин ставит помету معروف 'известно'. Например, при слове ترمتى составитель словаря ставит помету جانواری معروف 'известное всем животное'.

Подача вариантов слов. В словаре фонетические варианты слов снабжены пометой نیز گویند 'еще говорят': ایجکونیز گوینر اچکو

Как видно из примера, слово «коза» в то время произносилось двояко — и с ی, и без него: اچکو и اچکو

Раскрытие значений слов. Составитель словаря старался довольно четко разграничить значения слов. В словаре в основном встречаются однозначные слова, однако имеются и многозначные:

- اشیج — 1. 'котел'; 2. 'невеста';
- اوزنش — 1. 'душа'; 2. 'тело'; 3. 'голова';
- اوکو — 1. 'бык'; 2. 'обезьяна';
- آجغ — 1. 'горький'; 2. 'кислый'; 3. 'соленый'.

Согласно традициям восточной лексикографии в старых словарях омонимы не разграничивались, и поэтому не удивительно, что некоторые омонимы приводятся в качестве отдельных частных значений многозначных слов.

Как видно из общей характеристики одного фарханга, изучение тюркской лексики, включенной в персидские словари, может дать тюркологам интересные языковые факты, свидетельствующие о тесных социально-экономических и культурных связях между народами — носителями тюркских и персидского языков в регионе Средней Азии, Ирана, Афганистана, Индии. Все эти словари особенно ценны тем, что они

созданы на обширной территории Индии, где издавна в тесных контактах с многочисленными народами Индии проживали и тюркоязычные народы. Письменные памятники этого региона в тюркологическом плане изучены еще недостаточно. Выделение тюркской лексики и изучение лексикографических принципов, которых придерживались составители словарей, даст ценный материал по исторической лексикологии и диалектологии тюркских языков.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Е. И. МАШТАКОВА

ЧЕТЫРЕ «РЕМЕСЛЕННЫХ» ПОЭМЫ БЕЛИГА

«Городская литература», к которой относились и сочинения о людях из ремесленной среды, имела в Турции к XVIII веку свою историю, хотя и не очень долгую. Истоками этого жанра, видимо, следует считать шехренгизы. Автором одного из самых первых сочинений такого рода в турецкой литературе был поэт Месихи (1470—1512/13), талантливое сочинение которого «Возмутители городского спокойствия», воспевавшее Адрианополь и его ремесленников, вызвало волну подражаний¹. Вслед за этим шехренгизом (а, возможно, одновременно) появилось произведение в том же роде Зати (1471—1546/47), посвященное этому же городу и его ремесленникам. Жанр стал особенно популярен в XVI веке. В настоящее время известно около 50 турецких шехренгизов².

Складывавшиеся в ту эпоху общественные отношения выдвигали перед литературой задачу прославления городов как жизненно важных для страны центров концентрации населения, а следовательно, и развития торговли, искусств, ремесел. Нередко значительная часть шехренгиза представляла собой панегирик городу. В литературно-эстетическом плане это обогащало опытом поэтического описания реального места действия и реальных людей. Расширялись языковые возможности поэтов, порой использовавших в рамках «классического» стиха профессиональную лексику и диалектные особенности речи своих персонажей, что поддерживало наметившуюся тенденцию к упрощению литературного языка, со временем окрепшую в творчестве некоторых турецких писателей.

Белиг, унаследовавший ряд традиций жанра шехренгиза, способствовал своим творчеством их развитию в новых общественных и литературных условиях. За два с лишним века, прошедшие со времени создания шехренгиза Месихи, определенным образом изменилось отношение к самому объекту описания. В XVIII веке город больше не нуждался в литературном утверждении своей значимости. Уже завершался феодальный период истории Турции³.

¹ См.: Е. И. Маштакова. Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе (XIV — XVII вв.). М., 1972, стр. 112—134.

² А. S. Levend. Türk Edebiyatında Şehr-engizler ve Şehr-engizlerde İstanbul. İstanbul, 1958.

³ М. С. Мейер. К вопросу об изменениях в структуре и составе правящего класса Османской империи в XVIII в. — «Проблемы истории Турции». Сборник статей. М., 1978, стр. 55.

К XVIII веку ремесленная прослойка стала играть заметную роль в турецком обществе, в котором зрели предпосылки будущих перемен. Искусные мастера, изготавливавшие различные изделия (часто и торговавшие ими), составляли уже значительную часть населения, прежде всего в больших городах и, конечно, в столице.

Ремесленники принимали все более активное участие в жизни общества, особенно в периоды обострения социальных конфликтов, таких, например, как мощное восстание городских «низов» Стамбула (1730) под руководством Патрона Халиля. И хотя восстание было относительно быстро подавлено, «люди ремесла» показали свою силу; властям уже приходилось с ними считаться.

В традициях средневековой литературы было также прославление именитых горожан. Многочисленные панегирики султанам и представителям знати продолжали создаваться и в XVIII веке. Однако они уже не вносили в литературу ничего нового и часто имели эпигонский характер. Образы же героев из ремесленных кругов таили в себе для турецкой литературы обаяние новизны.

В собрание стихов (диван) Белига входят такие произведения как «Книга сапожника», «Книга банщика»⁴, «Книга брадобрее» и «Книга портного» («Kefşger-nâme», «Nâm-nâm-nâme», «Berber-nâme», «Хайят-nâme»), что само по себе уже необычно. Время создания этих произведений неизвестно. И о самом авторе сохранились весьма скудные сведения, причем наиболее достоверные содержатся в тезкире Рамиза (XVIII в.).

Мехмед Эмин, принявший литературный псевдоним «Белиг» («Красноречивый»), родился в Морее (на Пелопоннесском полуострове, ныне — территория Греции), по одним сведениям, в Енишехире⁵, по другим — в Лариссе⁶. Вся его жизнь прошла в этих краях. Он служил кадием в глухой провинции, много бедствовал и скончался в Старой Загоре, что на побережье Эгейского моря, в 1172 году хиджры (1758/1759 г.). В юности он бывал в Стамбуле, где, по всей видимости, пытался получить признание как поэт. Известность пришла к Белигу только после смерти. Его традиции были развиты (правда, не в прямой форме) следующим поколением турецких писателей. Оригинальность его творчества особенно ценили просветители эпохи Танзимата и среди них Шиннас и Намык Кемаль⁷.

Поэмы Белига о сапожнике и баннике, о брадобрее и портном в большинстве работ по истории турецкой литературы лишь упоминаются без какого-либо анализа и дефиниции. Между тем еще Э. Дж. Гибб интересовался этими сочинениями⁸. В них ученый смог увидеть то, что позволило ему назвать Белига новатором и создателем «нового варианта поэмы»⁹; он же дал комментированный перевод на английский язык «Книги банщика» и «Книги портного». Известный чешский востоковед Ян Рипка в краткой статье¹⁰, предпосланной переводу на французский язык «Книги сапожника», представил ее как определенный этап в развитии турецких литературных национальных традиций. Ученый рассма-

⁴ Буквальный перевод «Книга о бане», но содержание поэмы, да и эпитет при главном слове — *dilsuz* — противоречат этому.

⁵ F. A. Tansel. *Belîğ*. — *İslâm Ansiklopedisi*, t. II, cüz 17, İstanbul, 1943, стр. 488.

⁶ E. J. Gibb. *A History of the Ottoman Poetry*. T. IV, London, 1905, стр. 117.

⁷ F. A. Tansel. Указ. раб., стр. 489.

⁸ E. J. Gibb. Указ. раб., стр. 117—133.

⁹ Там же, стр. 120.

¹⁰ Jan Rypka. *Le Kefşger-name de Beligh*. — *Casopis pro moderní filologii*, Ročník XXIX, č. 2, стр. 169—174.

ривал поэму в свете тенденции «туркизации», характерной для литературы того времени. Это же тяготение автора к «национальной культуре» в предмете изображения и в самом языке сочинений кратко отметил и В. М. Коджатурк¹¹. Ф. А. Тансель в энциклопедической статье¹² указала на оригинальность поэм Белига, характеризующихся живыми наблюдениями и юмористическими описаниями. Следует отметить, что еще Э. Дж. Гибб обратил внимание на традиции шехренгиза¹³, получившие развитие в «Книге сапожника».

Известный итальянский турколог Алессіо Бомбачи, как нам кажется, без достаточных оснований возражал против отмеченной Э. Дж. Гиббом и Я. Рипкой связи поэм Белига с традициями шехренгиза. Он видел прямую зависимость «Книги банщика» от традиций «банных стихов», например, Физули и Зати¹⁴.

Все сказанное названными исследователями, однако, не раскрывает значения «ремесленных» поэм Белига в свете основных особенностей переходного периода в истории турецкой литературы (от средневекового типа к новому).

Четыре «ремесленных» поэмы Белига написаны размером *ремель*, в стихотворной форме *мюседдес* вида *тердж-и бенд*; три сочинения имеют по девять строф, а «Книга брадобрея» — одиннадцать¹⁵.

Единообразно начало поэм, кроме «Книги сапожника». Ясным ранним утром молодой ремесленник выходит из дома и направляется в свою лавку или мастерскую. Далее автор описывает героя за работой.

Профессиональная принадлежность героя определяет образную систему и, в известной мере, лексику каждой из поэм. Ремесло служит основным средством характеристики персонажей, а не только внешним атрибутом их деятельности. Автор показывает своих героев как людей определенной профессии с присущими им привычками и повадками. В этом нашли проявление и новое эстетическое качество, и новая тенденция в литературе.

Так, брадобрей предстает натурой деятельной. С самого утра он хлопочет в своей цирюльне, и его искусная работа вызывает живое одобрение посетителей¹⁶. Мастер переговаривается с ними, отпускает шуточки, изрядно позирует. Сознывая власть своей красоты, молодости и мастерства, брадобрей даже покрикивает на присутствующих¹⁷, и те стараются его умилостивить. Однако, он, оказывается, вовсе «не желал, чтобы ради него закладывали свою голову. Возможно, он доставлял им удовольствие, если брал себе немного золота и серебра»¹⁸. Просматривается некоторая индивидуализация характера персонажа, что уже само по себе достойно внимания в историко-литературном плане.

Но вот хлопотливый день ремесленника кончается. Все завершается мирной картиной: посетители потягивают кофе и вздыхают, «словно влюбленные», глядя, как их кумир уходит¹⁹.

¹¹ V. M. Kocatürk. Türk Edebiyatı Tarihi. Ankara, 1964, стр. 516.

¹² F. A. Tansel. Указ. раб., стр. 489.

¹³ E. J. Gibb. Указ. раб., стр. 121.

¹⁴ A. Bombaci. Il bello al bagno. — «Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli», Nuova Serie, v. XIV, Napoli, 1964, стр. 44—47.

¹⁵ В работе использовано издание «Дивана» Белига (دیوان بلیغ) 1842/1843 г., где интересующие нас поэмы опубликованы на стр. 19—26.

¹⁶ «Berber-nâçe», X, 1. Здесь и далее при ссылке на оригинал сочинений Белига римскими цифрами обозначается номер строфы, а арабскими — номер бейта.

¹⁷ Там же, VIII, 1.

¹⁸ Там же, II, 3.

¹⁹ Там же, XI, 1—3.

«Книга брадобрея» наиболее, так сказать, событийная.

Внешний портрет героя строится, в основном, по законам средневековой эстетики. Используются стереотипные сравнения и метафоры, нередко появляется стандартизованное метафорическое замещение образа героя, например: брадобрей — это кипарис, гиацинт, бутонуустый, сияющая полная луна, уста его — лал (рубин) и т. д. В этих же традициях обыгрывается профессия героя и тогда возникают «взоры-бритвы» и «стрелы ресниц, как обоюдоострые ножи», но здесь определения как бы теряют свою абстрактность, оживляются намеками на профессию героя. Для создания его образа используются названия специфических предметов ремесла, профессиональных приемов брадобрея. Причем герой действует во вполне реальной обстановке. Перед читателем возникает сама лавка со всеми ее атрибутами²⁰.

Новым для литературы того времени были и детализации антуража героя и достоверность обстановки.

Подобными же особенностями интересна и «Книга о банщике отзывчивом» («Намтпāt-nāme-i dilsuz») ²¹. Здесь, как и в «Книге брадобрея», описан весь день молодого ремесленника, занятого своим делом. Человек показан в привычной ему обстановке, в кругу профессионально необходимых вещей, просматриваются подробности быта и обычаев. По этим стихам можно представить себе устройство турецкой бани со всеми ее особенностями и деталями. Внешность банщика отвечает идеальным представлениям о красоте, типичным для средневековой поэзии: благоухающие гиацинтом длинные волосы, белоснежная кожа, румянец, заставляющий сверкать стекла. И следует совершенно практическое умозаключение: «Тот красавец — награда: в баню сыплются монеты» ²². С уходом банщика заканчивается и поэма: «Тот луноликий исчез, словно огонь, а баня осталась остывать» ²³. Как ни мало сюжетных ходов использует автор, действие уже продолжаться не может: нет движущей пружины, нет героя, вокруг которого строится повествование.

«Книга портного, ранящего сердца» («Хайят-нāме-i dildüz»), пожалуй, еще менее событийна. И здесь начало то же: красавец-портной рано поутру отправляется в свою лавку на базаре. Там представлены все необходимые для его ремесла предметы: ткани, иголки и нитки, ножницы, а также разного рода одежда. Автор, называя все эти и другие предметы, имеет в виду не только их функциональное назначение, но и стремится использовать их в целях описательных, для сравнения и т. д. Так, в стихах встречаются выражения «ткань красоты» и «ткань тайны», взоры героя сравниваются с ножницами, грозящими бедой (хотя в подобном контексте обычнее «взоры-кинжалы» «взоры-мечи»).

Облик портного нарисован в традициях средневековой поэзии: он луноликий, сребротелый, с тонким станом. Его ресницы подобны «оперенью для стрел, печально смотрящих» ²⁴; здесь «стрела» (tir), устойчивое метафорическое замещение понятия «взоры», получает определение по основному смыслу и должно означать «печальные взоры», но «оперение» (jelek) относится к метафоре «стрела» в прямом значении слова: «оперение» это ресницы, чем поддерживается реальное содержание фразы. Однако jelek также означает и «жилет», что соотносится со

²⁰ «Berber-nāme», VI, 3.

²¹ Здесь эпитет dilsuz переводим в его персидском значении, что ближе к содержанию поэмы и придает заглавию иронический оттенок.

²² «Намтпāt-nāme», IX, 2.

²³ Там же, IX, 3.

²⁴ «Хайят-нāме», III, 1.

специфической профессиональной окраской лексики этой поэмы. Многоплановость значения стиха вполне в духе средневековой поэзии. Наряду с этим встречаются слова, словно бы вырвавшиеся у собратьев героя по ремеслу:

«От нитки до иголки все без ума [от тебя]»²⁵.

«Книга сапожника [сочиненная] Белигом, да будет милость Аллаха над ним» («Kefşger-nāme-i Belîy rahmetul-l-lahî») написана скорее в виде монолога, посвященного сапожнику; частично она обращена в форме прямой речи непосредственно к самому герою. Здесь нет сюжетных ходов или описания жанровых сценок в ремесленной лавке, как в трех других поэмах, нет последовательного повествования. Сочинение начинается с выразительной аттестации юноши:

«Тот кокетливый изящный сапожник дотошен [в работе],

В своем ремесле он не холодный сапожник — артист»²⁶.

Портрет как таковой не занимает автора. Он беглыми штрихами рисует облик обычного средневекового героя: луноликий, его брови — пожвы для взоров-кинжалов²⁷ и т. п. Белиг, скорее, хочет рассказать о какой-то конкретной личности с ее своеобразной манерой поведения и отношения к окружающим, в частности к заказчикам и покупателям. И вырисовывается фигура своевольного красавца, уверенного в своей власти над людьми. Поэт высказывает личную обиду на него за невнимание, оперируя атрибутами ремесла героя:

«Он выбрасывает меня, словно старые паучи»²⁸.

Белиг и здесь вводит в ткань поэмы приметы ремесла героя, например, колотушку для размягчения кожи, подковки для подошв, банные сандалии и др. Используется еще один предмет из этого ряда, в контексте приобретающий двойную значимость:

«Сколько бы ни было во время сраженья ожесточенных гневом людей,

Противники всегда подгоняют дела под одну колодку»²⁹.

Вольное поведение юного сапожника вызывает вроде бы неодобрение поэта:

«Не волнуй нас поведением ринда.

Плохи дела: тобой заинтересовались окружающие»³⁰.

Довольно неожиданно возникает этот мотив ринда — гуляки и жизнелюба, бунтующего против некоторых стеснительных для него догм ислама.

В поэмах изредка встречаются отголоски суфийских идей, а скорее всего — суфийской образности. Поэт, например, советует юноше: «Приходи к людям сердца, не сторонись их!»³¹. Иногда находим непосредственное упоминание суфия:

«С помощью хырки и чалмы суфием просто не становятся»³². Есть и прямое обращение к аскету (zâhid), открывающее суфийские по духу строки:

«Эй, захид, если ты стойкий человек, откажись от богатства

Вместо атласа и расшитого шелка надень на себя шкуру»³³.

²⁵ «Хайят-наме», II, 1.

²⁶ «Kefşger-name», I, 1.

²⁷ Там же, I, 3.

²⁸ Там же, II, 1.

²⁹ Там же, III, 3.

³⁰ Там же, II, 3.

³¹ Там же, II, 2.

³² «Хайят-наме», VII, 1.

³³ «Kefşger-name», VI, 2.

А следом идет явно ироническое высказывание, имеющее откровенно пренебрежительный оттенок:

«Наверно, ты и в мечети и в молельне пребываешь под одеялом?

Ты не можешь пройти в одежде, да и паучи твои тоже износились».³⁴

В поэме эти суфийские отзвуки воспринимаются скорее как дань литературной традиции: они имеют относительно малую внутреннюю связь с сутью произведения, и то, пожалуй, лишь в нескольких бейтах³⁵. Вообще Белиг в своих поэмах не слишком много философствует.

Иное у Месихи. Именно в этом смысле интересны вступительная и заключительная части его шехренгиза, занимающие более половины поэмы. Здесь автор высказывает свои взгляды на мир. Чаще всего в форме пародийной молитвы он говорит о своем отношении к некоторым догматам религии, опасно шутит, решается на высказывания едва ли не вольнодумные, что, однако, никак не означает, что он атеист. Эти страницы служат своеобразным обрамлением 47 миниатюрных портретов адрианопольских красавцев, сообщая изображаемому картинкам легкую юмористическую окраску³⁶.

Подобное отношение к героям заметно и у Белига. Напомним, например, уже цитированные строки о том, что красавец-брадобрей не желал, чтобы ради него люди жертвовали жизнью, но доставлял им «удовольствие», беря у них «немного золота и серебра». Сам же он ни в чем не был повинен: посетители по своей воле толпились в лавке. И поэт лукаво пишет:

«Разве этот юноша так уж вилял хвостом перед кем-нибудь?

Каждый пусть улепётывает или сам заботится о своей голове»³⁷.

В этих строках бросается в глаза просторечная окраска языка, использование арго, что вообще характерно для всех четырех поэм. Это же составляет одну из трудностей понимания текста и его перевода³⁸. Подобный стиль речи в юмористическом контексте — явление вполне закономерное. И в этом тоже сказываются давние турецкие литературные традиции³⁹.

И все же, сравнительно с Месихи, роль юмора в поэмах Белига менее значительна. Шутливая интонация или ироническая усмешка возникают лишь эпизодически.

Автор иронизирует над изнеженным клиентом банщика:

«И мочалка-то причинила ему страдания, и мыло его замучило»⁴⁰.

Поэт подсмеивается над кокетством прекрасного брадобрея, которого одолевают посетители цирюльни, и притворно ужасается:

«Когда я вижу, в каком он положении, у меня дыбом встают волосы.

Если и дальше так пойдет, боюсь кончится плохо»⁴¹.

Следуя давним традициям поношения врага, Белиг не без юмора называет соперника «задней лапой шайтана»⁴². Поэт иронизирует над господином проповедником: тот обучал юного друга, рассказывал ему о героических деяниях и так увлекся, что стал недимом⁴³ своего «соблазнительного» ученика. И вот финал:

³⁴ «Keşger-nâme», VI, 3.

³⁵ Там же, VI.

³⁶ Е. И. Маштакова. Указ. раб., стр. 120—123.

³⁷ «Berber-nâme», II, 3; использован глагол *çözülmek* — 'удирать, улепётывать, тикать'.

³⁸ Е. J. Gibb. Указ. раб., стр. 130; Jan Rycka. Указ. раб., стр. 170.

³⁹ Е. И. Маштакова. Указ. раб., стр. 119 и др.

⁴⁰ «Hamâm-nâme», V, 1.

⁴¹ «Berber-nâme», III, 2.

⁴² «Keşger-nâme», VII, 1.

⁴³ Недим — близкий друг, наперсник.

«Сбыл он все, что имел, принес в жертву красавцу.

А тот ушел, и не осталось в денежном ящике ни драгоценностей,
ни жемчуга».⁴⁴

Жанровые картинки, нарисованные Белигом, видимо, с натуры, показывают некоторые стороны турецкой жизни и быта того времени. Пусть изображаемый поэтом мир ограничен стенами бани и цирюльни, сапожной и портновской лавок, но они служили также местом отдыха, бесед и развлечений, здесь бывали «знатные и простые»⁴⁵.

Поэт должен был видеть проявления социального неравенства и другие противоречия жизни, однако он почти не отозвался на них. У Месихи больше откликов на социально значимые явления, но встречаются они в обрамляющей части произведения, а не в основной, представляющей собой галерею юных красавцев. У Белига же есть только четыре повествования о ремесленниках, но это «объемные» портреты людей, показанных в действии. Поэмы же не объединены какой-либо рамкой.

При всех значительных различиях сочинениям обоих авторов присуща одна общая черта, правда, выступающая у них с разной степенью интенсивности. Эротичность средневековой поэзии Ближнего Востока (особенно в ее суфийском «наполнении») общеизвестна. Она остро чувствуется и в шехренгизе Месихи. Принадлежность юношей из ремесленной среды к определенной профессии обозначается с помощью соответствующих атрибутов труда и быта (отсюда и специфическая образность этого месневи). Но прежде всего это юные красавцы, своим обаянием очаровывающие горожан. Указанный мотив проходит красной нитью через все ремесленные картинки, порой заслоняя все остальное.

Герои Белига тоже красавцы-ремесленники. Они живут в атмосфере влюбленности, создаваемой вокруг них клиентами, что придает специфическую образность поэмам. И все-таки при всей внешней схожести в поэмах Белига нет грубоватой откровенной эротичности, как в шехренгизе Месихи. Чувствуется: у поэта XVIII века это уже не самоцель, а своего рода дань традиции, поддерживаемой существовавшими в быту явлениями.

Основные различия поэм Белига и шехренгиза Месихи более глубоки. Они идут от разных творческих задач, которые ставили перед собой авторы. Поэт XVI века рисовал, видимо, с натуры конкретных лиц, названных по их именам собственным или отцовским, с указанием принадлежности юношей к множеству профессий. Получались плоскостные изображения в стиле обычной средневековой миниатюры. Каждая такая миниатюрная картинка занимает всего два-три бейта⁴⁶.

В поэмах Белига внешность героев не главное. Все четверо юношей обрисованы бегло по шаблонам средневековой поэзии. Но эти идеальные красавцы наделены Белигом приметам собственной манеры поведения, им приданы индивидуальные черты. Этим автор выходит за рамки стереотипа, заметна его попытка индивидуализировать героя, действующего в реальной обстановке, воспроизведенной с натуры. И эти жанровые зарисовки дают почувствовать живую турецкую действительность того времени.

Своеобразные «ремесленные» поэмы Белига своим новаторством имели большое значение для будущего турецкой литературы. Белиг использовал и развил традиции шехренгиза. Но у него были и более

⁴⁴ «Berber-nâme», V, 3.

⁴⁵ «Hammâm-nâme», I, 2: xâsle âm.

⁴⁶ Е. И. Маштакова. Указ. раб., стр. 118—119 и 204—205.

близкие предшественники. Это известный поэт Сабит (1650—1712). Два его небольших юмористических месневи «Книга о брадобрее» («Berber-pāne») и «Рассказ о ходже Фесаде» («Nikāye-i Hoža Fesad») являются зарисовками забавных, а порой — непристойных сценок из городской жизни. Народные пословицы, шутки и остроты органично вплетаются в живой разговорный язык, не чуждый вульгаризмов и вообще значительно отличающийся от высокого стиля письменной поэзии того времени. Между этими городскими новеллами в стихах и уже известными нам поэмами Белига прослеживается определенная связь⁴⁷.

Прославленный Недим (ум. в 1730 г.) в своих лирических стихах на «городские» темы продолжал языковые и стилистические искания Сабита, а также другого видного поэта Наби (1642—1712). Восторженно воспевая Стамбул с его праздничной жизнью знати в так называемую «эпоху тюльпанов», Недим в то же время откликнулся и на жизнь среднего городского сословия. В его поэзии появляются стихи, близкие к народным песням («шаркы»).

Традиции «городской» литературы получили продолжение в творчестве писателей следующего поколения. К ним принадлежал, например, придворный поэт Васыф Эндерунлу (ум. в 1824 г.), также создавший много стихов в стиле и духе народных песен. Новаторскими были два его тахмиса, представлявшие собой, по существу, одну бытовую юмористическую новеллу из стамбульской жизни⁴⁸.

В развитии «городской» литературы большую роль сыграла также повесть-путешествие Иззета Моллы (1778 или 1785—1829). Его «Страдания в Кешане» — это широкая картина турецкой провинциальной и столичной жизни первой четверти XIX века. Автор уделяет внимание не только «верхам», но и «низам» общества; показывает он и ремесленную среду⁴⁹.

«Городская» литература все более крепла, новые сочинения вырастали из опыта прошлого, на его традициях, повышалась ее роль в демократизации турецкой литературы, в развитии и перестройке ее языка и во многом другом.

Прослеживаемое в «ремесленных» поэмах Белига приближение поэзии к реальной жизни горожан, связь с национальными корнями (и в содержании, и в поэтическом языке), — все это отвечало наиболее важным тенденциям турецкой литературы XVIII века и способствовало ее поступательному развитию.

⁴⁷ E. J. Gibb. Указ. раб., стр. 119; V. M. Kocatürk. Указ. раб., стр. 515—516; Jan Rypka. Указ. раб., стр. 170.

⁴⁸ Е. И. Маштакова. Два тахмиса Васыфа Эндерунлу как сочинение турецкой «городской» литературы. — «Советская тюркология», 1980, № 6, стр. 12—19.

⁴⁹ Е. И. Маштакова. «Страдания в Кешане» Иззета Моллы. — «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова». Л., 1976, стр. 274—283.

ОНОМАСТИКА

Г. Ф. САТТАРОВ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ТАТАРСКОГО ИМЕННИКА

Лично-собственные имена, как и имена нарицательные, являются продуктом исторического общественного развития и несут в себе черты национальной культуры, национального самосознания, классового мировоззрения и этико-эстетических норм той или иной эпохи. В именах собственных нередко раскрываются такие стороны далекой истории народа, его обычаев, нравов, образа мышления, языковых реликтов, которые невозможно получить путем изучения исторических или собственно лингвистических материалов.

Антропонимическая система татарского языка формировалась в течение длительного периода в своеобразных историко-географических и лингвистических условиях. Поэтому она неоднородна по происхождению и времени возникновения. «Казанские татары, как и все другие народы, формировались из нескольких этнических компонентов. Основными, языконесущими компонентами были *казан кешесе* (казанцы, т. е. в основе своей потомки прежних булгар), которые представляли коренное население Казанского ханства, и *мишари...*, обитание которых в исторической литературе отмечено в Мещерской низменности и в других регионах со II века н. э.»¹.

Исторически сложившиеся внутрорегиональные и межрегиональные лингвогенетические и этнические связи и этнокультурные контакты поволжских татар как с соседними, так и с территориально отдаленными племенами, народностями и народами нашли непосредственное отражение и в антропонимиконе (то есть в именнике²) татарского народа.

В процессе общественного развития некоторые устаревшие лексические единицы выходят из употребления, а вместо них появляются новые слова. Однако, несмотря на изменения в активном запасе лексики, часть пассивного ее запаса — так называемые собственные имена — сохраняется в языке весьма долго как в устной речи, так и на письме. Об этом свидетельствуют сохранившиеся многочисленные имена людей и географические названия, которые по своей грамматической структуре и фонетическому облику являются древними и не функционируют в современном литературном языке. Раскрытие их первоначального зна-

¹ М. З. Закиев. Об истоках языка основных компонентов казанских татар. — В сб.: «Вопросы татарского языкознания», Казань, 1978, стр. 3.

² См.: Н. В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978, стр. 33.

чения, установление лексических номинаций и уточнение морфологической структуры, фонетических деформаций дают нам дополнительные сведения о составе словарного фонда татарского языка в прошлом.

На основе данных составленного нами «Словаря татарских личных имен», включающего в себя более 15 тысяч лексикографических единиц³, в татарском антропонимиконе⁴ можно выделить несколько этнолингвистических пластов.

I. **Общеалтайские личные имена** являются наиболее древними и общими личными именами или компонентами сложных личных имен во многих тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. В подобных личных именах наличествуют элементы древней лексики, относящиеся к алтайской эпохе: тат. *алтын* 'золотс', 'золотой', др.-тюрк. *altun* 'золото', 'золотой', в тунгусо-маньчжурских языках *алтан*⁵, монг. *алтан*, бурят. *алта(н)* 'золото'. Ср.: Алтын, Алтынбай, Алтынбэк, Алтынчура, Алтынбөртек, Алтынчэч — тат.; Алтан, Алтан Шагай, Алтан Хайша⁶ — бурятские; *Altun qaraq, Altun qara, Altun taj saqun, Altun tamqan* — древнетюркские личные имена; тат. *бай*, монг. *баян*, бурят. *баян* 'богатый', в тунгусо-маньчжурских языках *байан* 'богатый'⁷, др.-тюрк. *baj* 'богатый'. Ср.: Байчура, Байбуре, Байбарс, Байбулат, Байкотлы, Байбуга, Байарслан, Байтимер, Байтирэк, Байсылу — татарские; Баян, Баяндай — бурятские личные имена; *Vaj ara, Vaj buqa* — древнетюркские личные имена; тат. *арслан*, монг. *арслан(г)*, бурят. *арсалан*, маньчжур. *арсалан*, солонк. *арсала*, др.-тюрк. *arslan* 'лев'. Ср.: Арслан, Арсланбай, Арсланбэк, Арсланбикэ — татарские; Арсалан, Арслан-Жаб — бурятские личные имена; *Arslan balban, Arslan meñi, Arslan tegin* — древнетюркские личные имена; в диалектах татарского языка *буга*, др.-тюрк. *buqa* 'бык-производитель', бурят. *буха* 'бык', 'могучий, опромный', эвенк. *бука* 'бык'. Ср.: Буга, Бугаарслан, Акбуга, Исәнбуга, Алабуга, Байбуга, Тайбуга — татарские личные имена; Буха, Буханай — бурятские; *Aqa buqa, Esan buqa* — древнетюркские личные имена; тат. *тәкә* 'баран', *кәжә тәкәсе* 'козел', маньчжур. *тэхэ*, бурят. *тэхэ*, монг. *тэх* 'дикий горный козел'. Ср.: Тәкә — старотатарское; Тэхэ — бурятское личное имя; тат. Чулпан, монг. Цолман, бурят. Солбан(г), эвенк. Чолбан 'Венера' (планета). Ср.: Чулпан — татарское личное имя; Шолпан, Шолпанбай, Шолпанкул — казахские личные имена и т. д.

II. **Древнетюркский пласт**, составляющий основу общетюркских имен почти во всех современных тюркских языках: Айбарс (*ай* 'луна' + *барс* 'тигр'), Актимер (*ак* 'белый' + *тимер* 'железо'), Айбикэ (*ай* 'луна' + *бикэ* 'княгиня'), Аяз (*аяз* 'ясный', 'безоблачный'), Ишбирде (*иш* 'пара', 'чета', 'товарищ', 'друг' + *бирде* 'дал'), Үтәгән 'исполнил', 'выполнил', Сөендек (апеллятивное значение 'мы обрадовались'), Сыртлан (*сыртлан* 'гиена'), Котлытимер (*котлы* 'счастливый' + *тимер* 'железо'), Котлыбикэ (*котлы* 'счастливая' + *бикэ* 'княгиня'), Уразбэк (*ураз* 'счастливый' + *бэк* 'князь'), Килдеураз (*килде* 'пришло' + *ураз* 'счастье'), Котлыбөкәш (*котлы* 'счастливый' + *бөкәш*, от др.-тюрк. *bögä* 'герой', 'силач', 'богатырь') и т. д.

III. **Старотатарский пласт**. Большая часть татарского именника образована от общетюркских и исконно татарских основ. В них сохра-

³ См.: Г. Ф. Саттаров. Татар исемнәре сүзлегә. Казан, 1981, 256 стр.

⁴ Ср.: Н. В. Подольская. Указ. работа, стр. 33.

⁵ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков». Т. I. Л., 1975, стр. 33.

⁶ «Бурятские имена». — См.: «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965, стр. 84 и 92.

⁷ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. I, стр. 65.

нены многие элементы древней лексики, употребляемые как реликт в живой речи тюркских народов.

Старотатарские личные имена генетически относятся к древнетюркским (например, Ханбэх, Ханчура, Алпар, Актай, Каратай, Айсылу, Таңсылу, Акчура, Карачура, Чуракай, Тинчура, Ишбулды, Ишбуга и т. д.), болгаро-татарским [например, Албарс < *Алыпбарс (алып 'великан', 'исполн' + барс 'тигр')]. Туйбикэ (туй 'свадьба' + бикэ 'княгиня'), Чутай (от общеполгарского апеллатива čuta 'свет', 'луч'), Орым 'длинный', 'долговязый', Тутай 'цветок', Илбэк (ил 'страна', 'отечество', 'родина' + бэк 'князь'), Аппак 'очень белая', 'белолицая', 'белешенькая', Этрэч (этрэ 'худой', 'очень худой' + эч 1. 'ребенок'; 2. аффикс уменьшительности-ласкательности), Балкыш 'сияние', Алмас 'не возьмет', 'не унесет', Үлмэс 'не умрет', 'бессмертный', Туктар 'прекратится', 'прекращающийся', Байкара (бай 'богато' + кара 'смотри, гляди', перен. 'родись'), Пэрэу 'теленос', Тэмрэч (тимер 'железо' + эч 1. 'ребенок'; 2. аффикс уменьшительности-ласкательности)].

Боле подробно следует остановиться на болгарском мужском имени Канак, восходящем к исконно болгарскому апеллативу қапақ 'сметана', 'сливки', зафиксированному в XI веке Махмудом Кашгари⁸.

К данному названию восходят личные имена у многих древних тюркских и нетюркских народов и племен. Это способствовало возникновению антропонимической универсалии. Ср.: например, Нокы, нариц. 'сметана' — древнеудмуртское мужское личное имя; Сметана — славянское мужское личное имя; Гаймак, нариц. 'сметана' — азербайджанское женское личное имя; Клиймакчы, досл. 'тот, кто производит сметану' — гагаузское мужское личное имя и т. д.

Волжско-болгарское личное имя Канак в татарском селе Мулла иле (по-русс. Молвино) Зеленодольского района ТАССР сохранилось до наших дней, превратившись в семейно-родовое прозвище (патроним) Канак нәселе 'род Канака' и в образованную от него фамилию Канаков, которую носят в настоящее время 55 человек из этого древнего рода в селе.

Древнеболгарское личное имя или имя-прзвище Канак (принадлежность слова қапақ к болгарскому языку подтверждает и словарь Махмуда Кашгари) превратилось в Заказанье в название деревни Канак Елабужского района ТАССР и, законсервировавшись в антропотопониме как исконно болгарская лексическая единица, сохранилось до наших дней. Происхождение антропотопонима Канак невозможно объяснить на материале современного чувашского языка, хотя многие тюркологи считают его родственным и наиболее близким к лексике волжско-болгарского языка⁹, где татарскому каймак 'сметана', 'сливки' соответствует хайма¹⁰, а не қапақ, как у болгар.

В Башкирии в Ишимбаевском районе имеется башкирская деревня Канакай («Канакаевка»), а в Кугарчинском районе — Канакач («Канакачево»). Указанные антропотопонимы генетически восходят к волжско-болгарским мужским личным именам Канакай (канак 'сметана', 'сливки' + ай — аффикс звательной формы) и Канакач (канак 'сметана', 'сливки' + ач 1. 'ребенок'; 2. аффикс уменьшительности-ласкательности). Эти антропотопонимы в историко-лингвистическом аспекте наглядно подтверждают также мнение известного башкирского этнографа Р. Г. Кузеева о том, что этнонимический материал отчетливо показы-

⁸ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Т. I. Тошкент, 1960, стр. 365.

⁹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 234.

¹⁰ «Русско-чувашский словарь». М., 1951, стр. 699.

вает участие болгарского или, точнее, болгаро-мадьярского компонента на ранних стадиях башкирского этногенеза»¹¹.

Основная часть старотатарских личных имен восходит к кыпчакским (например, Агиш, Байиш, Сөөнеч, Сөөмбай, Сөөмбикэ, Килдебэк, Бирдебэк, Таймас, Таштимер, Ташбулат, Такташ, Байтуган, Иштуган, Ишбикэ, Аytuган, Байбүләк, Ишбүләк, Байтирэк, Иштирэк, Айдар, Таңбикэ и т. д.), небольшая часть — к огузским (например, Аслан, Кортай в южных тюркских языках *корт* 'волк' + *ай* — аффикс звательной формы, Делеш, Даиш и т. д.), и к монгольским (например, Бату, Сарман, Сайман, Сайхан, Нугай, Чаныш, Чыңгыз, Саин, Янгир, Морт, Мортай и т. д.) и другим именам.

Как видно, старотатарский пласт отличается неоднородностью именного репертуара.

В оредние века (X—XVIII вв.) значительное количество старотатарских имен было заимствовано соседними волжско-финскими (удмуртским, марийским, мордовским) народами¹².

В татарском антропонимиконе определенное место занимают пласты, заимствованные из разноструктурных языков: арабо-персидских, русских, западноевропейских и т. д.

IV. Имена, заимствованные из арабского языка: Габдулла, Габдрахман, Гарифулла, Хәбибулла, Шәрифулла, Гали, Гомәр, Госман, Сабир, Сабира, Асия, Зөләйха, Әмин, Әминә, Фатыйма, Хәдичә, Халисә, Фәйзрахман, Қамалетдин, Шәмсетдин, Шәмсениса, Әхмәт, Мөхәмәт, Мәхмүт, Кадыр, Қадыйр, Зиннәт, Сания, Рәмзия, Галия, Әлфия, Ләйлә, Садыйк и др. Арабские имена начали проникать в болгаро-татарский язык после официального принятия ислама в 922 году ханом Волжской Булгарии Алмушем. В большинство тюркских языков, в том числе и в татарский, арабские имена проникали, в основном, через посредство персидского языка.

V. Имена, заимствованные из персидского языка: Рәстәм, Рушан, Рушат, Бану, Гөлчирә, Баһман, Бәһрам, Гөлнара, Диларә, Зифа, Лалә, Гөлсинә, Маһи, Нияз, Сәрвар, Наһар, Гөлзадә, Шаһбаз, Шаһияздан, Пакизә, Гөлжинан, Жиһангөл, Жиһангир, Жиһанша, Әсфандияр и др.

С первой половины XIX века среди татар начинают особенно широко распространяться и активизироваться арабские и персидские мусульманские имена. Эту религиозно-реакционную тенденцию в татарской антропонимии создали муллы, получившие образование в бухарских схоластических медресе и ставшие опорой только что возникшей татарской буржуазии. Распространению данного явления способствовало и то, что до Великой Октябрьской революции имена новорожденным давали только муллы. Они усердно пропагандировали ислам и имена пророков и святых не только среди татар, но и среди соседних с ними народов. Составлялись и выпускались специальные именники и циркуляры для приходских имамов.

В начале XX века в татарской антропонимии возникает и развивается демократическая, прогрессивная тенденция. Суть ее выражалась в возобновлении обычая давать новорожденным традиционные, исконно татарские личные имена, а также арабские и персидские имена нерелигиозного содержания.

¹¹ Р. Г. Кузеев. Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир. — В сб.: «Ономастика Поволжья», 3. Уфа, 1973, стр. 21.

¹² Подробнее см.: Т. И. Тепляшина. Антропонимические модели пермских языков. М., 1978; Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. I, Йошкар-Ола, 1979; Н. Ф. Мошкин. Этническая история мордвы. Саранск, 1977.

В результате взаимопроникновения и тесного переплетения именных компонентов исконно тюрко-татарских и заимствованных арабских и персидских пластов и их компонентов в татарском языке в течение тысячелетия (начиная с X века) образовалось большое количество как мужских, так и женских гибридных сложных личных имен. Такие личные имена, достаточно полно и специфически отражая историко-культурные взаимоотношения татарского народа с народами Востока, сформировались по нижеследующим лексико-генетическим моделям:

а) «тюрко-татарский компонент + арабский компонент»: Ташмөхәмәт, Ишморат, Акназар, Тимергази, Котлызаман, Исәнгали, Илморат, Йөзлежамал, Котлыниса, Татлыбәнат, Миңлегаян и т. п.;

б) «арабский компонент + тюрко-татарский компонент»: Муллагол, Әмирхан, Фәезхан, Дәүләтбай, Мөхәммәтхан, Галимбәк, Нурсылу, Корбанбикә, Әсмабикә, Шәмсәсылу и т. п.;

в) «тюрко-татарский компонент + персидский компонент»: Ишһияз, Илморза, Тимерша (һ), Бижан, Миңлегөл, Сылужинан, Иркәбану, Айгөл, Илназ и т. д.;

г) «персидский компонент + тюрко-татарский компонент»: Дилүс, Жантимер, Жанбай, Шаһибәк, Шаһичура, Морзахан, Маһисылу, Жһанансылу, Гөлбикә, Гөлүсә, Гөлүс и т. д.

После принятия ислама в татарский антропонимикон проникла большая группа и арабо-персидских гибридных сложных личных имен, образованных по конструкции:

а) «арабский компонент + персидский компонент»: Гаделша (һ), Закиржан, Шакиржан, Гаделжан, Хәсәнша (һ), Камәрбану, Зәкиябану, Нурзадә, Фаягәл, Зөлфиназ и т. д.

б) «персидский компонент + арабский компонент»: Ниязгали, Шаһиморат, Ширгази, Ярмөхәммәт, Ярулла, Былбылниса, Бибинур, Бибижамал, Маһикамал, Маһинур, Ясминур и т. д.

VI. Имена, заимствованные из русского и через него из европейских языков.

В составе лексики современного татарского языка, заимствованной из русского и через него из западноевропейских языков, насчитывается также немало личных имен. Таковы: Светлана, Радик, Роза, Олег, Ким, Ренат, Марс, Марат, Венера, Лилия, Лена, Марсель, Виль, Вилия, Октябрь, Октябрина, Луиза, Флера, Роберт, Эмма, Эльза, Альберт, Рафаэль, Айвар, Альбина, Эльмира, Эльвира, Клара, Розалия, Ландыш и др.

VII. Новотатарские имена, появившиеся после Октябрьской революции.

Грандиозные изменения, происшедшие в социально-политической, экономической, научно-технической и культурной жизни татарского народа способствовали развитию родного языка, его словарного фонда, различных слоев лексики, в том числе и антропонимии. Состав последней заметно пополнялся как за счет внутренних ресурсов родного языка, так и заимствований. Появление неологизмов было закономерным явлением. Культурный подъем, обучение на родном языке, развитие советской демократии и другие факторы стимулировали создание новых имен, более коротких, легко произносимых, благозвучных с эстетической точки зрения. Таковыми являются: Илсәя, Илсәяр, Илдус, Дусил, Илүсә, Илтөзәр, Илшат, Илгиз, Илгизә, Илгизәр, Илнур, Илнура, Илнар, Илнара, Айнур, Айнура, Айзат, Айназ, Илназ, Алма, Гөлүсә, Гөлүс, Гөлчәчәк, Гөлһаз, Гөлһара, Гөлшат, Алсу, Гөлсу, Зирәк, Айзирәк, Илсылу, Айсылу, Гүзәл, Гүзәлия, Кадрия, Ләйсән, Ирек, Ләззәт, Иркә, Очкын,

Ялкын, Ташкын, Тамчы, Дулкын, Дулкыния, Айгөл, Наза, Миләүшә, Кояш, Чәчәк, Энже, Шатгөл, Көлөмсәр и т. д.

Как видно из приведенных примеров, большинство новотатарских личных имен в структурном отношении являются сложными, состоящими из двух компонентов. В качестве основных антропонимических опорных компонентов¹³ (или антрополексем) в подобных сложных именах выступают собственно-татарские или заимствованные из арабского или персидского языков слова. Например: Илдус (тат. *ил* 'родина', 'отечество', 'страна', 'государство'+перс. *дус* 'друг', 'приятель'), Айзи-рәк (тат. *ай* 'луна'+перс. *зирәк* 1) 'смышленный, сообразительный'; 2) 'даровитый, одаренный, мудрый'), Гөлүсә (перс. *гөл* 'цветок'+тат. *үсә* 'растет'), Айнур (тат. *ай* 'луна'+араб. *нур* 'луч', 'сияние', 'блеск'), Айзат (тат. *ай* 'луна'+араб. *зат* 'личность, особа') и т. д.

Определенное количество новотатарских имен образовалось от простых по структуре нарицательных слов, имеющих «красивую» или «благородную» положительную семантику: Гүзәл — из тат. *гүзәл* 'пре-лестный, изящный'; Ялкын — из тат. *ялкын* 'пламя'; Ташкын — из тат. *ташкын* 'разлив', перен. 'подъем'; Дулкын — из тат. *дулкын* 'волна'; Очкын — из тат. *очкын* 'искра'; Тамчы — из тат. *тамчы* 'капля'; Ирек — из тат. *ирек* 'свобода'; Иркә — из тат. *иркә* 'неженка, любимец'; Миләүшә — из перс. *миләүшә* 'фиалка'; Кояш — из тат. *кояш* 'солнце'; Энже — из тат. *энже* 'жемчужина'; Алма — из тат. *алма* 'яблоко'; Наза — из перс. *наз* 'прация', 'нега, ласка'; Ләйсән — из араб. *нисан* 'щедрость' (название апреля в сирийском календаре, месяца обильных дождей¹⁴), в татарском языке слово *ләйсән* (*ләйсән янғыры*) употребляется в значении 'первый весенний мелкий теплый грозовой дождь'¹⁵; Чәчәк — из тат. *чәчәк* 'цветок'; Ләззәт — из араб. *ләззәт* 'вкус, сладость', 'приятность, наслаждение, удовольствие'; Көлөмсәр — из тат. *көлөмсәр* 'улыбающийся, веселый' и др.

VIII. Искусственные имена, возникшие в результате имятворчества: Зариус (мать Зарифа, отец — Усман), Айдарина, Илдарина, Филсина, Рина, Рево, Люция, Нурсил, Нурис, Рафайс, Венер, Руслана и т. д.

Новообразования в антропонимической системе любого языка будут возникать и в дальнейшем: антропонимия, как и весь язык, находится в постоянной динамике, изменении, обновлении и улучшении. Все курьезные, неудачные личные имена со временем вытесняются из языка, а лучшие остаются в активном употреблении.

Итак, состоящий из восьми наславившихся в исторической последовательности этнолингвистических пластов, характеризующихся разновременностью и разноязычностью их происхождения, татарский именной в совокупности образует единую национальную антропонимическую систему, представляющую собой весьма сложную этно-лингвогенетическую мозаику. Она формировалась в результате длительного культурно-исторического и социально-лингвистического межъязыкового прямого или косвенного контактирования татарского языка и его носителей с другими тюркскими (древнетюркскими, болгарским, кыпчакским и др.) и нетюркскими (монгольским, арабским, персидским, русским и др.) языками и народами.

¹³ Подробнее об основных опорных компонентах сложных личных имен в татарском языке см.: Г. Ф. Саттаров, Р. Х. Субаева. Основные компоненты сложных личных имен в татарском языке. — В сб.: «Ономастика Поволжья», 4, Саранск, 1976, стр. 65—73.

¹⁴ См.: А. Гафуров. Лев и Кипарис (о восточных именах). М., 1971, стр. 211.

¹⁵ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 355.

Основную часть единиц антропонимической системы татарского языка составляют оригинальные, собственно татарские образования, и поэтому она всегда сохраняет свою национальную самобытность.

Наличие болгарского подпласта (содержащего значительное число личных имен), в старотатарском пласте татарского именника доказывает существование прямой антропонимической преемственности, связывающей болгарский и современный татарский языки.

Стратификация этнолингвистических пластов татарского именника и вскрытие факторов, под влиянием которых они складывались, имеет большое значение для изучения исторической антропонимии и этногенеза татарского народа.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. Г. АДМОНИ

СЛОЖНОСПАЯННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(ЗАМЕТКИ НЕТЮРКОЛОГА)

Отсутствие в тюркских языках (за некоторыми исключениями¹) структурно близких соответствий подчиненным предложениям индоевропейских языков — один из детально разработанных в тюркологии вопросов². Тюркские конструкции, функционально-семантически соответствующие индоевропейским подчиненным предложениям, а в структурном плане находящие параллели в других алтайских языках, тщательно изучены по многим отдельным тюркским языкам, а также в общетюркологическом плане, исторически и типологически, как в плане их построения, так и в плане значения входящих в эти конструкции компонентов.

Эти конструкции являются, в основном, структурами с глагольными именами, включая деепричастия, то есть структурами, лишенными как финитного глагола, так и суффикса, финитно выражающего предикативность, но с субъектом, порой стоящим в косвенном падеже. Тем самым эти конструкции структурно отличны от той части всего синтаксического комплекса, который соответствует главному предложению в индоевропейских языках и всегда стоит в конце всего комплекса.

¹ Исключения широко представлены, например, в азербайджанском, турецком, узбекском и особенно — гагаузском языках. См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 521—547; Л. А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978, стр. 69—89.

² См.: А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского языка. Ашхабад, 1943, стр. 66; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 247—252; В. М. Насилов. Глагольные имена в их развитии в тюркских языках. — В сб. «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 131; С. А. Соколов. Типология сложных синтаксических конструкций в турецком языке. — Там же, стр. 177—178; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 207—390; М. И. Черемисина. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1979; J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 800; K. Grönbech. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936, стр. 132 и след.; D. R. Fokos-Fuchs. Rolle der Syntax in der Frage der Sprachverwandschaft. Wiesbaden, 1962, стр. 57—116.

Краткий обзор литературы по данному вопросу содержится в указанных работах Н. З. Гаджиевой, стр. 16—20 и С. А. Соколова, стр. 141—142, а также в работе: А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, стр. 12. Мы не рассматриваем здесь специфические тюркские конструкции, в которых в зависимом комплексе с помощью форм глагола de 'говорить' вводится как бы прямая речь со структурой обычного предложения.

Приведем пример на материале казахского языка, взятый из книги М. И. Черемисиной: *Абай экеімен бірге Каркаралыда тургалы кеп кудер болды* 'С тех пор как Абай с отцом приехали (букв. приехав) в Каркаралынк, прошло много дней'³.

Подчеркивая специфически тюркский (или общеалтайский) характер этой конструкции, тюркологи определяют ее статус по-разному. Есть точка зрения, согласно которой данная конструкция является особой тюркской формой сложноподчиненного предложения. Так, например, П. И. Кузнецов пишет: «Конструкции с именами действия следует считать не развернутыми оборотами простого предложения, а специфическими придаточными предложениями тюркского типа»⁴. Однако преобладают концепции, подчеркивающие переходность, промежуточность этой конструкции, определяющие ее путем сопоставления с данными языков других типов или с фактами предшествующих этапов развития самих тюркских языков.

Очень показателен в этом отношении термин, предложенный Ж. Де-ни для обозначения зависимого компонента конструкции: «*Quasi proposition*», то есть «квазипредложение» (или «квазиподчиненное предложение»⁵), причем такое «квази» устанавливается, естественно, путем сравнения с «подлинными» подчиненными предложениями других языков. В развернутом исследовании Н. З. Гаджиевой зависимый компонент конструкции определяется как трансформация, возникшая из примыкания, то есть в свете сравнения с древнетюркским языком в его довольно отдаленном состоянии⁶. Такая характеристика обладает большими преимуществами вследствие своего историзма, а также потому, что Н. З. Гаджиева связывает возникновение исследуемой конструкции с действием общих структурных черт тюркских языков. Здесь указывается на явление общей топологической закономерности тюркских языков — постановки определения перед определяемым (уточнения перед уточняемым), а также на воздействие тюркского правила ставить, при наличии ряда однородных глаголов, финитный предикативный показатель только у последнего глагола⁷. Но все же и эта концепция не определяет реальное место исследуемой конструкции в строе тюркских языков, ибо отсылает нас к прошлым этапам развития этих языков, что отчетливо проступает в самом термине «трансформация». Следовательно, речь идет, в конечном счете, о «редуцирующей» теории⁸. Только редукция совершается в данном случае по направлению не к другим языкам, а к истории данного языка.

³ М. И. Черемисина. Указ. раб., стр. 12. Автор дает следующую характеристику этой конструкции: «Деепричастный зависимый оборот *тургалы* выражает начальную границу главного действия. У него нет показателя лица, но есть подлежащее — *Абай*. Что же перед нами: деепричастный оборот в простом предложении или ПЕ (предикативная единица. — В. А.) в составе сложного?»

⁴ П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на-ды и имен действия в тюркских языках. — В сб.: «Тюркско-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 71.

⁵ См. С. А. Соколов. Указ. раб., стр. 155. Автор отмечает, что такие зависимые компоненты с основным падежом «занимают в современном турецком языке особое синтаксически-промежуточное положение» (стр. 177—178).

⁶ Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 212.

⁷ См.: Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 277—302. Ср. также: Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 267.

⁸ О понятии «редуцирующей теории» см.: В. Г. Адмони. Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании. — «Вопросы языкознания», 1971, № 5, стр. 41—46.

Предпринимались — преимущественно в алтаистике — и попытки определить исследуемую конструкцию по ее отдельным структурным чертам. Так, для обозначения зависимых компонентов иногда употребляется термин «неконечные», поскольку они всегда предшествуют главенствующему компоненту⁹. Для той же цели применяются термины «подчиненный комплекс»¹⁰ и «зависимая предикативная единица»¹¹. Но все эти термины либо дают частичную характеристику обозначаемого явления, либо крайне неоднозначны.

На основании изложенного, нам кажется целесообразным, — отнюдь не подменяя своим анализом анализ тюркологический, но исходя из этого анализа, особенно из концепции Н. З. Гаджиевой, — взглянуть на проблему тюркских квази-предложений как бы со стороны, а именно — под углом зрения концепции грамматического строя языка не только как системы отношений, но и как системы построения¹². Не утверждая, что такой подход окажется плодотворным для тюркологии, надеемся, что он принесет определенную пользу в плане общей теории грамматики. Предварительно, однако, следует сделать два экскурса.

Прежде всего необходимо уточнить некоторые синтаксические понятия и термины.

Представляется необходимым применить здесь противопоставление парадигмы предложений цельных (ЦП) и парадигмы предложений элементарных (ЭП), причем простое независимое, самостоятельное предложение входит в обе парадигмы¹³. Под ЦП понимается предложение как относительно законченная единица высказывания, в графическом выражении от точки до точки. В качестве ЦП, составляя его парадигму — в рамках традиционной грамматики — выступают простое, сложносочиненное и сложноподчиненное предложения, а также период как скрещение сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. Что же касается ЭП, то им является простое предложение и все те части ЦП, имеющие структуру, в основных своих чертах подобную структуре простого предложения, хотя второстепенными чертами от него и отличающуюся. Эти структуры, обладающие предикативностью¹⁴, принадлежат к одному из существующих в данном языке логико-грамматических типов предложения¹⁵ и могут в тех же формах, что и простое предложение, распространяться второстепенными членами предложения. К ЭП относятся, составляя его парадигму, простое предложение, сочиненное предложение (как компонент сложносочиненного ЦП), главное и подчиненное предложения (как компоненты сложноподчиненного предложения) и вставное предложение (parenтеза).

⁹ М. И. Черемисина. Указ. раб., стр. 3.

¹⁰ В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 131.

¹¹ М. И. Черемисина. Указ. раб., стр. 20 и сл.

¹² См.: В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964, стр. 23—33.

¹³ См.: В. Г. Адмони. Синтаксический строй современного немецкого языка. Л., 1973, стр. 18.

¹⁴ Под предикативным отношением здесь понимается взаимонаправленная обязательная сочетаемость двух компонентов, обусловленная не семантикой лексем, а самой синтаксической направленностью сочетающихся компонентов. Предикативное отношение может существовать и в виде проекции, исходящей от одного из сочетаемых компонентов к другому, лексически в данном ЭП не выраженном, но наличных в контексте или ситуации. Предикативное отношение обычно сопряжено с категориями модальности и темпоральности, но не сводится к ним и не реализуется в них (см.: В. Г. Адмони. О предикативности. — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института», т. XXVIII, Л., 1957; стр. 23—44; *его же*. Синтаксический строй..., стр. 20—29.).

¹⁵ О понятии логико-грамматических типов предложения см. нашу работу «Синтаксический строй...», стр. 60—129.

Используя такую терминологию, суть рассматриваемого здесь вопроса можно выразить так: в тюркских (и вообще алтайских языках) компонент ЦП, соответствующий подчиненному ЭП индоевропейских языков, не имеет формы ЭП.

Однако, подобное различие не является безусловным. С одной стороны, как уже было указано, в некоторых тюркских языках встречается немало исключений, то есть зависимых компонентов в форме ЭП. С другой стороны, в индоевропейских языках встречаются структуры, обладающие некоторой близостью к тюркским формам. Этому будет посвящен наш второй экскурс.

Широко известны и в тюркологии не раз рассматривались в качестве параллелей к тюркским структурам абсолютные обороты индоевропейских языков¹⁶. Но кроме того, в последних подчиненные ЭП подчас характеризуются определенными различиями от простых ЭП¹⁷. Особенно примечательными представляются нам в этом плане некоторые явления немецкого языка.

Начиная с древневерхнемецкого, наблюдается тенденция к постановке финитной формы глагола в конце подчиненного ЭП или, по крайней мере, на позиции более дальней, чем второе место в предложении, между тем как в неподчиненном ЭП финитная форма глагола занимает обычно второе, и значительно реже (постоянно лишь в некоторых типах побудительных и вопросительных ЭП) первое место¹⁸. Таким образом, подчиненное ЭП начинает структурно отличаться от ЭП неподчиненного, хотя и не по своему составу (за исключением союзного подчинительного слова), но типологически. А кроме того, с XV века в письменных формах речи различие между подчиненным ЭП, введенным союзным подчинительным словом, и неподчиненным ЭП увеличивается. В подчиненном ЭП указанного типа начинает опускаться финитная форма служебного глагола (прежде всего *haben*, а затем и *sein* в перфекте и плюсквамперфекте, в форме состояния, и в конструкциях с *zu*+инфинитив, а также *werden* в пассиве), а частично и связочного глагола. Возникают названные нами «афинитными» конструкции типа *Ich wußte, daß er gekommen*, близкие к причастным и инфинитивным оборотам, которые, в письменных формах немецкого языка также начинают широко употребляться в последние столетия; в это же время возникает и оборот с абсолютным винительным.

Афинитная конструкция была чрезвычайно распространена в немецком языке, особенно в XVII веке. Есть тексты, в которых она господствует почти полностью. Затем она отступает и, начиная с середины XIX века, употребляется лишь спорадически, чаще в поэзии в соответствии с требованиями ритма и рифмы¹⁹.

¹⁶ См.: С. А. Соколов. Указ. раб., стр. 144—146.

¹⁷ См., например: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 372.

¹⁸ См.: В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963, стр. 61—65, 99—103, 129—132, 206—211, 310—320.

¹⁹ См.: В. Г. Адмони. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л., 1966, стр. 125—122; Н. Н. Семенов. Проблемы формирования нормы немецкого литературного языка. М., 1967, стр. 174—178; Л. Г. Жидовцева. Афинитные конструкции в немецкой художественной литературе XIX—XX вв. Автореф. канд. дисс., Л., 1977. Об общих вопросах структурной организации предложения на разных этапах развития индоевропейских языков см.: В. Г. Адмони. Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках. — «Вопросы языкознания». 1960, № 1, стр. 22—37.

Каковы же причины, вызвавшие появление афинитной конструкции подчиненного ЭП в немецком языке? Представляется, что движущей силой было стремление как можно резче выявить зависимый статус подчиненного предложения и тем самым сделать более спаянным все сложноподчиненное ЦП. Показательно, что афинитная конструкция возникает в канцелярских текстах, широко применявших такие сложноподчиненные ЦП, в которых число подчиненных ЭП порой достигало двух десятков и даже более. Требовались сильные структурные средства, чтобы спаять такое ЦП воедино. Несомненно, уже конечная позиция финитной формы глагола четко выражала зависимый статус подчиненного ЭП и необходимость его структурной ориентации, через посредство подчиненных ЭП меньших степеней — на главное ЭП. Но опускание финитной формы глагола усугубляло эту структурную недостаточность подчиненного ЭП, делало еще более явной невозможность его включения в речевую цепь без опоры на сложноподчиненный комплекс, то есть, в конечном счете — на главное предложение.

Такая гипертрофия средств структурного цементирования сложноподчиненного ЦП поддерживалась тем, что в немецком языке вообще имела тенденция к жесткой структурной организации синтаксических единств. Так, в неподчиненном ЭП при наличии сложных глагольных форм финитная форма глагола обычно стоит на втором (или первом) месте, а именная глагольная форма — в конце, образуя рамку, в которую заключен весь состав ЭП, за исключением его начального компонента (или даже весь состав целиком)²⁰. Стремление к четкой структурной организации свойственно и группе существительного в немецком языке. В частности, в ней существует тенденция к монофлексии, то есть к тому, чтобы снабжать весь ряд согласующихся компонентов группы лишь одним грамматически выразительным флективным показателем²¹.

Итак, стремление к строгой, сцементированной структуре развернутого ЦП, так ярко проявляющееся, как мы видели, в системе тюркско-го синтаксиса²², находит свое, пусть значительно более слабое, выражение и в системе индоевропейских языков, которые также обладают синтетическим, хотя и совсем иным, строем, нежели тюркские языки. Следовательно, речь идет о структурах, которые не привязаны накрепко к строю одной определенной языковой семьи, а имеют общетипологическое значение. Попытаемся определить статус этих структур.

Под давлением тех или иных факторов в разных языках (или группах языков) может возникнуть тенденция к тому, чтобы в развернутых ЦП, включающих ряд предикативных отношений, при наличии основного, центрального, оформить зависимые предикативные отношения в максимально несамостоятельном виде, как можно более плотно включая их в ЦП. Поэтому зависимые предикативные отношения начинают оформляться здесь не как структуры, близкие к структуре простого ЭП,

²⁰ О рамочной конструкции немецкого предложения, а также об отступлениях от нее, см.: «Синтаксический строй...», стр. 305—314.

²¹ См.: «Синтаксический строй...», стр. 213—219; В. Г. Адмони. Монофлексия. — В кн.: «Историко-типологическая морфология германских языков». Т. III, М., 1978, стр. 3 — 65.

²² С такой спаянностью тюркских синтаксических единств переключается и строгая фонетическая организация тюркского слова, проявляющаяся в сингармонизме гласных. Любопытно также, что в тюркских языках монофлексия широко распространена не только в группе существительного, но, как уже отмечалось со ссылкой на тюркологические работы, и в группе глагола: при наличии ряда однородных глаголов только последний глагол получает финитный показатель (см.: Б. А. Серебрянников, Н. З. Гавжица. Указ. раб., стр. 278).

а в значительно измененном виде. Это делает особенно очевидной коммуникативную недостаточность таких структур, то есть невозможность их употребления в речи без опоры на полноценное ЭП, являющееся главным в сложноподчиненном ЦП.

В языках, где подобное иноструктурное²³ выражение зависимых предикативных отношений²⁴ представляет собой лишь побочное, второстепенное явление, а господствующий способ выражения таких отношений — подчиненные ЭП, в своих основных чертах сходные с простыми ЭП, эти иноструктуры воспринимаются как обороты, абсолютные конструкции и т. п. Но в тех языках, где иноструктурное выражение зависимых предикативных отношений является решающим (или даже единственным) способом включения в ЦП зависимых предикативных отношений, возникает особый тип сложного ЦП, в котором эти отношения выражаются в потенцированных формах подчиненных предложений. Назвать эти потенцированные подчиненные предложения можно условным термином: сверхподчиненные ЭП, так как подчиненность (зависимость) данного ЭП здесь выражена особенно наглядно.

Таким образом, в общетеоретическом плане парадигматический ряд разных видов ЭП, приведенный нами выше, должен быть продлен еще на один член — сверхподчиненное ЭП (*ultrasubordinated clause*).

Соответственно, должен быть продолжен приведенный нами там же парадигматический ряд разных видов сложного ЦП. Следует добавить такой вид сложных ЦП, в котором ЭП связаны еще более прочной, неразрывной связью, чем в сложноподчиненном ЦП. Для обозначения таких особенно крепко сцементированных сложных ЦП предлагаем условный термин: сложносаянное ЦП.

Критерием дополнения классификации сложных ЦП (а тем самым и ЦП вообще) является критерий степени структурной связанности, в разных формах действительный для всех языков мира. Таким образом, здесь без сведения форм одних языков к формам других языков даются дополнительные материалы для изучения грамматической системы как системы построения.

Система сложных ЦП становится в этом плане трехчленной — по степени саянности входящих в эту систему комплексов: в сложносочиненном ЦП (паратаксис) все ЭП в принципе равноправны, в сложноподчиненном ЦП (гипотаксис) они связаны тесной связью, в сложносаянном ЦП (гипертаксис) они связаны сверхпрочной связью.

Между подчиненными и сверхподчиненными ЭП и соответственно между сложноподчиненными и сложносаянными ЦП имеется, естественно, множество переходов. Так, афинитная конструкция в немецком языке во многом близка к сверхподчиненному ЭП тюркских языков. Однако, они все же существенно отличаются друг от друга. Не столько

²³ В понятие иноструктурности мы вкладываем, естественно, типологический (то есть синхронно-сравнительный внутри грамматической системы данного языка), а не генетический смысл. Таким образом, критерий определения зависимого предложения здесь не редуцирующий. Кроме того, подчиненное предложение, как показал А. П. Рифтин, может развиваться не только из паратаксиса, то есть соединения простых ЭП, но и из развертывания конструкции с именными глагольными формами (см.: А. П. Рифтин. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. — В сб.: «Советское языкознание», т. III, Л., 1937).

²⁴ Речь здесь идет именно о выражении предикативных, то есть взаимонаправленных отношениях двух компонентов, связанных двухсторонней обязательной сочетаемостью. Там, где зависимый комплекс обладает не такой внутренней предикативной связью, а лишь односторонней обязательной сочетаемостью, обращенной, так или иначе, к компонентам главного предложения, мы имеем дело со второстепенным членом предложения.

тем, что афинитная конструкция имеет, как правило, номинативное подлежащее (ведь и тюркское сверхподчиненное ЭП часто обладает подлежащим в основном падеже), сколько наличием союза и тем, что афинитная конструкция типологически не закреплена в ЦП, между тем, как именно такая закреплённость составляет важнейший признак сверхподчиненных ЭП в тюркских языках. Впрочем, в этой связи нельзя не вспомнить, что во многих индоевропейских языках имеется ряд трудностей в различении сложноподчиненных и сложносочиненных предложений.

Введение новой классификации, а частично и новой терминологии в парадигме сложных предложений отнюдь не означает необходимости фронтального переименования во всех языках всех конструкций, в той или иной мере сходных со сверхподчиненными ЭП и со сложносочиненными ЦП. Всегда необходимо учитывать меру распространенности соответствующих конструкций в соответствующих языках.

Предпринятая нами попытка введения новой классификации сложных предложений вносит определенные изменения в раздел общей теории грамматики, посвященный сложному предложению. Однако и эта новая классификация отнюдь не является окончательной. Привлечение типологически нового материала может сделать необходимым расширение и трехчленной парадигмы сложного предложения. Вместе с тем представляется, что различение языков, в которых для передачи разветвленной системы предикативных отношений преобладают либо сложноподчиненные, либо сложносочиненные предложения, может составить одну из важных примет типологической характеристики языков.

Что же касается непосредственно тюркских языков, мы попытались лишь в общеграмматическом структурно-системном плане определить и терминологически обозначить явления, тюркслогами уже глубоко изученные, но не включенные в общеграмматическую перспективу. О правомерности такой попытки свидетельствуют заключительные строки недавно опубликованной тюркологической работы: «Подчинительные же конструкции с различными отглагольными образованиями, имеющими самостоятельный субъект действия, являются особой структурной единицей, для которой нужно ввести и специальное терминологическое обозначение (абсолютные конструкции или какой-либо другой термин)»²⁵.

²⁵ Л. А. Покровская. К вопросу о личных и неличных формах глагола в тюркских языках. — В сб.: «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова». Л., 1976, стр. 131.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. Ф. ЧЕРНОВ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СОСТАВНЫХ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Составные термины сравнительно недавно стали предметом научного изучения. Интерес к ним возрос в связи с разработкой проблем фразеологии. В вопросе научной классификации составных терминов до сих пор отсутствует единство мнений. Одни ученые признают всю совокупность составных терминов объектом фразеологии, другие вообще отрицают их фразеологичность, третьи дифференцированно оценивают эту категорию словесных комплексов, относя к фразеологизмам лишь часть последних. Подобные расхождения связаны прежде всего с различной интерпретацией сущности фразеологизма¹.

В чувашском языкознании работы, касающиеся в той или иной степени составных терминов, главным образом связаны с вопросами терминотворчества, упорядочения терминологии и орфографии. В целом проблема составных терминов остается малоисследованной. Изучение же ее имеет важное научно-теоретическое и практическое значение, способствуя решению ряда проблем теории лексикологии, фразеологии и синтаксиса, помогая поставить на научную основу практику лексикографирования неоднословных обозначений научных понятий.

Целью настоящей работы является определение семантических типов двучленных составных терминов чувашского языка. При этом мы исходим из следующих теоретических предпосылок:

1. Термин — это слово или сочетание слов, обозначающее понятие, связанное с определенной отраслью науки и техники и требующее дефиниции для установления своего значения². Термин не просто называет предмет, а определяет понятие о предмете, раскрывая его сущность. «...Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т. е. является средством четкого обозначения, и тогда оно — простой знак, или средство логического определения, тогда оно — научный термин»³. Эта мысль В. В. Виноградова целиком и полностью относится и к сочетаниям слов.

¹ См. подробнее об этом в нашей работе «К истории изучения составных терминов (по работам русистов и тюркологов)». — «Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка». Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, вып. 87. Чебоксары, 1979, стр. 69—92.

² В. П. Даниленко. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1970, стр. 90.

³ В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 16.

2. Составные термины вызваны к жизни общественно-производственной практикой. В процессе трудовой и познавательной деятельности человека возникает потребность конкретизировать, детализировать, классифицировать предметы или явления. Язык в таких случаях не прибегает к созданию новых знаков, а, как правило, пользуется своими внутренними ресурсами: либо придает новый смысл уже имеющимся в языке словам или соединениям слов, либо же создает различные комбинации лексем в соответствии с существующими в языке правилами их интеграции. «Ни один язык, — подчеркивал В. В. Виноградов, — не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность элемента беспредельна. Ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий...»⁴.

Составные термины как раз являются теми устойчивыми словесными комплексами, которые восполняют «словную недостаточность» в языке, с помощью которых языковая система приобретает возможность наиболее дифференцированно и точно передавать понятия, связанные с обозначением родо-видовых отношений.

3. В зависимости от источников, к которым восходят составные термины, они подразделяются на две группы: 1) составные термины, возникшие непосредственно в научном языке: *пролетариат диктатури* 'диктатура пролетариата', *литература чёлхи* 'литературный язык', *сёр чётреннин хумё* 'сейсмическая волна' (букв. 'волна землетрясения'); 2) составные термины, восходящие к общенародным составным наименованиям: *хямла сырли* 'малина' (букв. 'хмель его ягода'), *шым арманё* 'водяная мельница', *наркямшля сёлен* 'ядовитая змея' (букв. 'змея с ядом').

Как известно, многие слова, такие, например, как *шыв* 'вода', *сёр* 'земля', *курёк* 'трава' при их употреблении в общелитературном языке выступают как ординарные слова-названия объектов реальной действительности, тогда как в научно-техническом языке эти же слова функционируют или в качестве терминов, когда обозначают специальные понятия, или в качестве номенклатурных наименований, когда называют предметы определенных отраслей научных знаний. Точно так же, например, сочетание слов *сёр сырли* 'земляника' (букв. 'земляная ягода') в разговорном или в общелитературном языке бытует как обычное фразеологическое сочетание — народное название травянистого растения с душистыми плодами розовато-красного цвета, в научной же литературе (ботаника) оно может быть составным термином, означющим понятие об определенном виде плода.

По существу, составные общенародные названия предметов реальной действительности являются богатейшим источником научной терминологии многих отраслей знаний. Так, например, в основе многих составных терминов чувашского языка, выражающих естественно-научные понятия, лежат составные номинации, распространенные в общенародном языке.

Составные термины чувашского языка, как и любого другого языка, представляют собой семантически неоднотипные образования. Наблюдения показывают, что различия в семантической структуре этих терминов связаны, прежде всего, с особенностями семантики их компонентов. В зависимости от названного признака составные термины в чувашском языке подразделяются на два типа: 1) свободные сочетания слов и 2) несвободные сочетания слов, или фразеологизмы.

⁴ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 18.

1. **Составные термины — свободные сочетания слов.** Это соединения слов, образуемые реализацией свободных или несвязанных значений составляющих их компонентов. Как соединения полнозначных слов, созданные на основе подчинительной связи, они характеризуются всеми признаками, которые свойственны словосочетаниям⁵. Как и другие словосочетания, составные термины — свободные сочетания, образуются в соответствии с существующими в языке моделями. В связи с этим любой составной термин данного типа по своей структуре и семантике представляет собой конкретный случай реализации определенного типового значения, означаемым которого выступает модель словосочетания, в рамках которой он создан. Так, например, составной термин *сахър кӗшманӗ* 'сахарная свекла' (букв. 'сахар свекла его') это факт соответствия собщенного значения, выраженного в изафете второго типа, а именно той его разновидности, в которой определение конкретизирует определяемое, указывая на предмет, являющийся составной частью другого предмета. Следовательно, *сахър кӗшманӗ* 'сахарная свекла', как и другие, аналогичные ему термины, являют собой единство общего (структурно-семантической модели) и частного (конкретного лексического наполнения). Иначе говоря, составные термины данного типа, как и словосочетания вообще, — это моделируемые образования, относящиеся к системной организации языка.

Отмеченное свойство составных терминов рассматриваемого типа обусловлено особенностями семантической структуры их компонентов, а именно тем, что последние — полнозначные, или автосемантические лексические единицы. Значения таких слов В. В. Виноградовым определены как «значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на "предметы", явления, действия и качества действительности»⁶. «Функционирование этих значений, — отмечает он далее, — обычно не ограничено и не связано узкими рамками тесных фразеологических сочетаний. В основном, круг употребления номинативного значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира»⁷.

Полнозначное слово со свободным значением, вступающее в синтаксическую связь с другими полнозначными словами, имеющим также свободное значение, образует свободные сочетания — словосочетания или предложения. Составные термины — свободные сочетания — это, как правило, словосочетания.

Словосочетанием, к примеру, является термин *тинӗс шыӗӗ* 'морская еода' (букв. 'море вода его'). Здесь определяющее слово *тинӗс* 'море' имеет значение «относящийся к морю, свойственный ему», а определяемое слово употребляется в значении «прозрачная, бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом». Названные значения, непосредственно выражающие отдельные «кусочки» действительности, — свободные. Несвязанность значений слов здесь

⁵ Автор настоящей статьи придерживается определения словосочетания, данного в работах: «Русская грамматика». Т. II. Синтаксис. М., 1980, стр. 79; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 342; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 59; «Современный татарский литературный язык. Синтаксис». М., 1971, стр. 79—81.

⁶ В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, стр. 171.

⁷ Там же.

проявляется в том, что эти значения носят системный, регулярный характер: повторяются и в других словесных соединениях, образованных, как и *тинёс шывё* 'морская вода', на основе моделей определительных словосочетаний. Так, лексико-семантический вариант «относящийся к морю», свойственный существительному *тинёс* 'море' имеет место и в других терминологических словосочетаниях, создаваемых, в частности, по модели изафета II: *тинёс сыранё* 'морской берег', *тинёс хайярё* 'морской песок', *тинёс карти* 'морская карта' и т. п.

И значение «прозрачная, бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом», присущее второму компоненту сочетания *тинёс шызё* 'морская вода', имеет несвязанный характер, ибо его функционирование не ограничено рамками фиксированных сочетаний: *сырма шывё* 'речная вода', *сэлкүш шывё* 'родниковая вода', *рудник шывё* 'родниковая вода', *сурхи ейү шывё* 'полая вода' и т. п.

Как видно, значения, реализуемые компонентами *тинёс* 'море' и *шывё* 'вода (его)' в рамках определенной синтаксической модели (изафет II), обладают свойством вступать в свободную синтаксическую связь с другими совместимыми с ними по значению и категориальным признакам понятиями и их словесными обозначениями, иначе говоря, названные значения характеризуются свободной сочетаемостью. Следовательно, составной термин *тинёс шывё* 'морская вода', а также другие терминологические сочетания, созданные с участием компонентов *тинёс* 'море' и *шывё* 'вода (его)', представляют собой синтаксические конструкции, структура и семантика которых соответствуют структурно-семантической модели изафета второго типа.

Характеризуя составные термины — свободные сочетания, следует указать еще на один существенный момент, связанный с однозначностью образующих их компонентов. В терминологических соединениях слов рассматриваемого типа каждый из составляющих при их отдельном, вне данного сочетания, употреблении может выступать в качестве самостоятельного термина, выражая одно определенное понятие. Так, например, члены составного наименования *чул кёпер* 'каменный мост' (букв. 'камень мост') при их самостоятельном функционировании в научном тексте не только служат обозначением предметов, но и сохраняют понятийное содержание.

Таким образом, рассматриваемые составные термины по своим структурно-семантическим особенностям сходны со словосочетаниями. Поэтому с полным основанием можно квалифицировать их как термины-словосочетания или терминологические словосочетания⁸.

Разумеется, у терминов-словосочетаний есть свои, только им присущие черты. Однако эти черты не структурно-семантического, а функционального характера. Основное различие между составными терминами — свободными сочетаниями слов, и обычными (нетерминологическими) словосочетаниями состоит в том, что первые выполняют дефинитивную функцию, вторые — номинативную. По названной функции эти термины составляют единую категорию со всеми структурно-семантическими типами терминов.

По-видимому, терминологичность в известной степени обуславливает устойчивость составных терминов, в особенности в речи тех, кто в своей практической деятельности постоянно использует научно-технические понятия. Такая устойчивость, или воспроизводимость, по-видимому, сходна с устойчивостью, свойственной обычным словосочетаниям, называющим предметы, качества, действия, к которым человек,

⁸ С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961, стр. 98.

так сказать, постоянно обращается: ср., например: *яшка сш* 'есть суп', *сыру сыр* 'писать письмо', *утй сул* 'косить (траву)', *чул сурт* 'каменный дом', *сърля урай* 'крашенный пол' и т. п. В этой связи уместно привести высказывание С. И. Ожегова: «Все ли устойчивые словосочетания являются единицами фразеологии? Словосочетания *железная крыша, пить чай, каменный дом* и т. п. несомненно устойчивы в языке в том смысле, что они легко создаются в процессе речи, как закрепленное обозначение обычных для говорящего, типичных отрезков действительности. Все подобные словосочетания могут быть настолько закреплены в речевом обиходе, что о них можно говорить как о воспроизводимых, а не каждый раз создаваемых в потоке речи»⁹. Следовательно, воспроизводимость не всегда может выступать надежным критерием для разграничения свободных и несвободных сочетаний. Если взять анализируемые составные термины, то трудно достоверно определить, создаются ли они в процессе речи или воссоздаются в готовом виде. По нашему мнению, составные термины, как свободные соединения слов вообще, в большинстве случаев производятся в процессе речевой деятельности.

2. Составные термины — несвободные сочетания слов. Характерной особенностью несвободных сочетаний слов, или фразеологизмов, отграничивающих их от свободных соединений слов, является связанность одного или всех их компонентов. Данный признак, присущий сочетаниям слов рассматриваемого типа, обуславливает другую их важную особенность: устойчивость или стабильность семантики и лексико-грамматического состава, то есть воспроизводимость. Несвободный характер анализируемых словесных соединений проявляется в том, что в них исключается или ограничивается свобода выбора компонентов.

В зависимости от связанности одного или всех компонентов несвободные сочетания слов разделяются на две разновидности: 1) фразеологические сочетания и 2) идиоматические сочетания. Соответственно и составные термины — несвободные сочетания слов бывают двух разновидностей: а) фразеологические сочетания и б) идиоматические сочетания.

Составные термины — фразеологические сочетания. В составных терминах данной разновидности, как во фразеологических сочетаниях вообще, один из компонентов употребляется в номинативном, свободном значении, другой имеет несвободный, связанный характер. Последний компонент реализует свое значение, сочетаясь с одним, единственно возможным, словом или рядом фиксированных слов, то есть, связанное значение слова проявляется в строго определенном лексическом окружении. Это объясняется тем, что слово с несвободным значением в самостоятельном виде, вне определенного контекста, лишено номинативной функции. Такое слово «осознается поэтому как „связанное“, так как оно указывает на мир и выполняет знаковую функцию только при совместной реализации с одним словом (или рядом определенных слов)»¹⁰. Так, например, составной термин *чугун сул* 'железная дорога' (букв 'чугун дорога') — фразеологическое сочетание. Здесь первый компонент имеет фразеологически связанное значение «рельсовый (путь), предназначенный для движения поездов», возможное лишь в данном составном термине. Иначе говоря, знаковая функция лексемы *чугун* 'чугун' в названном значении реализуется лишь при совместном употреблении с единственно возможным словом *сул* 'дорога'. В языке

⁹ С. И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, стр. 197.

¹⁰ В. Н. Телия. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981, стр. 9.

значение «темноголубой полевой (цветок), растущий во ржи и других злаках», выражаемое прилагательным *кăваç* 'синий, голубой', имеет, например, место в единственном словесном соединении — составном термине *кăваç чечек* 'василек' (букв. 'голубой цветок').

В чувашском языке, как и в других языках, наблюдается примечательное явление: ряд компонентов-определителей участвует в создании целой группы составных наименований. Причем определители, обозначающие признаки определяемых, в каждом конкретном случае выражают неповторимые специфические значения, употребление которых обусловлено строго фиксированным контекстом. Так, например, компонент-прилагательное *хёрлĕ* 'красный' в составном термине *хёрлĕ эрех* 'красное вино' означает «изготавливаемое из различных сортов ягод и фруктов», и лексема *хёрлĕ* 'красный' в этом своем значении выполняет роль форманта, указывающего на определенный сорт вина. Это же прилагательное *хёрлĕ* 'красный' в составном термине *хёрлĕ çÿçe* 'краснотал' (букв. 'красная ива') указывает не на цвет дерева, обозначенного существительным *çÿçe* 'ива', а своим специфическим значением «(с гибкими ветвями) буро-красного цвета» (цвет ветвей дерева послужил причиной обозначения данного лексико-семантического варианта лексемы *хёрлĕ* 'красный'), возможным лишь в данном термине, суживает объем понятия «кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями», названного существительным *çÿçe* 'ива', и оформляет видовое понятие «дерево или кустарник из рода ив с гибкими ветвями буро-красного цвета», означающим которого выступает все сочетание *хёрлĕ çÿçe* 'краснотал' в целом.

В составном термине *хёрлĕ ути* 'марена' (букв. 'красная трава') первый компонент имеет фразеологически связанное значение «(травянистое растение), из которого добывается красная краска» (очевидно, признак добычи из растения красной краски мотивирует употребление лексемы *хёрлĕ* в названном значении), и оно, вступая в связь со значением-понятием, содержащимся в слове *ути* '(его) трава', способствует созданию видового понятия «травянистое растение с желтыми цветками и толстым корневищем, из которого добывается красная краска», обозначенное термином *хёрлĕ ути*. В сочетании же *хёрлĕ пăрç* 'красный перец' компонент *хёрлĕ* 'красный' служит для обозначаемого признака «стручковый», которым обладает названная разновидность перца.

Во всех рассмотренных терминологических сочетаниях первые компоненты-определители в каждом отдельном случае манифестируют такое значение, которое возможно лишь в данном сочетании, в других словесных комплексах повторение этого значения исключается.

Нередко в чувашском языке один и тот же компонент с одним и тем же связанным значением выступает в качестве терминоэлемента¹¹ двух или более составных терминов. Так, например, имя существительное *кайăк* 'птица' значение «дикий» реализует в составном термине *кайăк кăвакал* 'дикая утка' (букв. 'птица утка'), *кайăк хур* 'дикий гусь' (букв. 'птица гусь'). В диалектах встречаются составные наименования *кайăк чăхă* 'цесарка' (букв. 'птица журица'), *кайăк сысна* 'кабан' (букв. 'птица свинья').

В ряде составных терминов, означающих животных и птиц, на их видовой признак «дикий» (не прирученный, живущий на воле в отличие от домашнего) указывает имя существительное *хир* 'степь', имеющее также несвободное значение: *хир акăшĕ* 'дикий лебедь' (букв. 'степной лебедь'), *хир ашакĕ* 'дикий осел' (букв. 'степной осел'), *хир*

¹¹ В. П. Даниленко. Указ. раб., стр. 37.

вӑкӑрӗ 'дикий бык' (букв. 'степной бык'), *хир качаки* 'дикая коза' (букв. 'степная коза'), *хир кӑррки* 'дрофа' (букв. 'степной индюк'), *хир мулкачи* 'тушканчик' (букв. 'степной заяц').

Таким образом, прилагательное *хӗрлӗ* 'красный' и существительные *кайӑк* 'птица' и *хир* 'степь' в приведенных сочетаниях слов выступают в качестве терминоэлементов, образующих видовое понятие на базе стержневых слов, обозначающих понятие рода, класса предметов; иначе говоря, с помощью определителей с фразеологически связанным значением выражаются родо-видовые отношения между предметами, названными стержневыми словами (например, *сӳсе* 'ива') и сочетаниями слов (например, *хӗрлӗ сӳсе* 'краснотал'). По данному признаку составные термины — фразеологические сочетания, сходны с составными терминами — словосочетаниями. В последних также вычлениаются определяющее и определяемое. Определяемое или стержневое слово служит носителем родового понятия, определяющее — оформителем видового понятия. Этим, по-видимому, ограничивается сходство сравниваемых составных терминов. В целом же эти термины — фразеологические сочетания, существенным образом отличаются от терминов-словосочетаний. Они различаются прежде всего по характеру обозначения фактов действительности. Общим признаком составных терминов — свободных сочетаний, представляющих собой прямую номинацию предметов, является то, что в них, как уже отмечалось, каждый отдельный компонент в силу его полноточности обладает знаковой функцией и вне данного сочетания обозначает какое-либо понятие, то есть обладает свойством терминологичности. Что касается составных терминов — фразеологических сочетаний, то в них один из компонентов ввиду его неполноточности лишен знаковой функции и, следовательно, не обладает свойством терминологичности, связанный же компонент приобретает знаковую функцию, как было отмечено выше, лишь в рамках соответствующего термина.

С автосемантичностью членов составного термина — словосочетания, и синсемантичностью членов составного термина — фразеологического сочетания, связана еще одна важная особенность: в терминах первого типа между компонентами существует грамматическая зависимость и четко противопоставлены два начала — определение и определяемое; в терминах второго типа между компонентами имеется лишь семантическая зависимость (определяющее — семантически реализуемое слово, определяемое — слово, указывающее на семантику определяющего).

Составные термины — идиоматические сочетания. Характерной чертой данных терминов является сквозная связанность компонентов, то есть такая связанность, при которой члены сочетания не разделяются на составные части. Несвобода такого типа сочетаний вызвана целостностью или нечленностью их семантической структуры, которая, в свою очередь, обуславливается их целостной направленностью на факты обозначаемой действительности. Так, например, в составном термине *вӗлтрен тӑрри* 'крапивник' (букв. 'крапива, верхушка ее') компоненты и *вӗлтрен* 'крапива', и *тӑрри* 'верхушка ее' утратили свойственные им системные значения вследствие того, что в ходе общения важность и актуальность приобретает именно названное терминологическое значение («крапивник»), созданное путем преобразования семантики свободного сочетания (словосочетания) *вӗлтрен тӑрри* 'верхушка крапивы'. Понятие-значение «небольшая лесная певчая птица серовато-бурой окраски с коротким приподнятым вверх хвостом», выраженное идиомой *вӗлтрен тӑрри*, связано с новым «отрезком» действительности, с кото-

рым компоненты названного сочетания непосредственно не соотносятся. Таким образом, составной термин — идиоматическое сочетание *вёлтрен тӓрри* 'крапивник' и другие ему подобные возникли в языке на основе свободных соединений слов путем придания им в целостном виде нового смысла, на который и переносится означаемое переосмысляемого соединения слов. Иначе говоря, они — результат акта непрямой, косвенной номинации¹².

В терминологической системе чувашского языка составные термины, являющиеся идиоматическими сочетаниями, занимают значительное место. Они в большей степени связаны с такими отраслями знаний, как ботаника и зоология: *йытӓ пырши* 'выюнок' (букв. 'собачья кишка'), *кӓвакал пуçе* (*пуç*) 'львиный зев' (букв. 'утиная голова'), *кётӓç хутаçси* 'пастушья сумка', *йытӓ пулли* 'головастик' (букв. 'собачья рыба'), *вӓрӓм сӓмса* 1. 'долгоносик (жук)'; 2. 'бекас' (птица; букв. 'длинный нос').

Составные термины — идиоматические сочетания в основном образованы переосмыслением семантики словосочетаний и нередко фразеологических сочетаний; ср.: идиоматическое сочетание *пӓхӓр çӓлен* 'медянка' (зеленая краска; букв. 'медь змея') и фразеологическое сочетание *пӓхӓр çӓлен* 'медянка' (вид змея, букв. 'медь змея').

Существование в чувашском языке приведенных выше типов и разновидностей составных терминов связано, как мы видели, с различным характером семантики составляющих их компонентов.

¹² В. Н. Телия. Вторичная номинация и ее виды. — «Языковая номинация». М., 1977, стр. 129—228.

Г. О. СУЛЕЕВА

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ДЛИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом нашего исследования являются четыре аналитические глагольные формы казахского языка, образуемые при помощи деепричастия прошедшего времени на *-ын/-ін/-п* и вспомогательных глаголов *жат-*, *отыр-*, *тұр-* и *жүр-*, в соответствующих формах настоящего времени. Данные конструкции в современном казахском языке обычно входят в систему форм настоящего длительного времени. Изучение именно этих глагольных форм обусловлено отсутствием в казахском языкознании работ, посвященных исследованию различий в семантике и употреблении данных четырех форм, хотя в других аспектах и эти, и иные аналитические формы рассматриваются достаточно подробно¹.

Кроме того, данные конструкции привлекли наше внимание наибольшей степенью их грамматикализации в казахском языке, по сравнению с сочетаниями с другими вспомогательными глаголами, а также самой высокой частотностью их употребления именно в функции форм длительного времени.

Все перечисленные формы объединяются по одному основному признаку: им присуще грамматическое значение процессуальности, значение действия, которое находится в процессе совершения в некоторой определенной момент времени. Конкретное значение каждой глагольной формы специфично именно для данного сочетания ее компонентов. Оно зависит от лексико-семантических свойств обоих компонентов, особенно от значения знаменательного глагола, выступающего в форме деепричастия на *-ын/-ін/-п*, так как глагольная основа в тюркских языках иначе ориентирована, чем, скажем, в славянских языках. Основной акцент здесь падает не на выражение совершенного/несовершенного вида, а на всю лексическую характеристику глагола², и именно поэтому грамматическое значение процессуальности в указанных глагольных формах находится в зависимости от их лексико-семантического содержания. Из этого следует, что конкретные оттенки значений данных

¹ «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962; «Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Морфология». Алма-Ата, 1966; Н. О. Оралбаева. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1971; С. Ш. Джамантаева. О категории вида и категории аспекта. — «Филологический сборник», вып. VIII—IX, Алма-Ата, 1968.

² Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 220.

глагольных сочетаний выявляются только при анализе семантики основного (знаменательного) глагола, приобретаемой им в разных контекстах, что мы и попытались проиллюстрировать на материале казахского языка³.

Итак, форма настоящего длительного времени: деепричастие на *-ып/-ін/-п* + вспомогательный глагол *жатыр* + личные глагольные окончания первой категории.

Глагол *жат* в соответствующей форме настоящего неопределенного времени, сочетаясь с деепричастием на *-ып/-ін/-п*, реализует из всего комплекса своих значений то, которое принято называть выражением состояния. На базе последнего (при одновременной потере деепричастием на *-ып/-ін/-п* своего первоначального значения) все сочетание приобретает грамматическое значение процессуальности.

Основное же лексическое значение глагола *жат* 'лежать', на основе которого возникает грамматическое значение состояния, в какой-то мере реализуется только в формах, образованных от очень ограниченного числа глагольных основ типа каз. *ұйықта* 'спать', *қалың* 'дремать', *жорылда* 'храпеть' и т. д., то есть от основ, которые сами по себе характеризуют положение субъекта, совершающего действие, в пространстве.⁴ Речь идет, таким образом, о совпадении лексического значения подобных глаголов с семантикой глагола *жат*, причем точкой соприкосновения их значений будет характеристика положения субъекта в пространстве.

Во всех остальных случаях вспомогательный глагол *жат* реализует только грамматическое значение состояния.

Таким образом, форма настоящего длительного времени, состоящая из деепричастия на *-ып/-ін/-п* и вспомогательного глагола *жат* в настоящем времени, представляет собой аналитическую глагольную форму, которой присуща исключительная однозначность и грамматикализованность содержания.

Данная форма в казахском языке во всех случаях ее употребления обнаруживает значение незаконченности действия. При этом, имея в своем составе любые по значению глагольные основы, форма может выражать только значение процессуальности как единичного явления, то есть указывает, что единичное действие находится в состоянии процесса совершения в какой-то определенный момент времени и что этот процесс непрерывен и не может обозначать типичное, регулярное действие. Например: *Үй сыртына бірнеше атты кісі дүсірлетіп кеп, шапшаң тусіп, аттарын тез байлап жатыр* (Ауэзов, 84) 'Несколько верховых, подъехав к юрте и быстро спешившись, привязывают своих коней'. — *Мырза шақырып жатыр. Қәне, дереу атқа мін, — деді.* (Нурпенсов, 262) — 'Тебя зовут господин. Ну-ка, быстро на коня, — сказал он'. *Әлдекімдер «Уа, сәт!» деп өзінің көтерілген көңіл күйін жасырмай ашық айтып жатыр.* (Есенберлин, 237) 'Кто-то из них, не скрывая своего приподнятого настроения и восклицая: «О, удача!», прямо говорит об этом'.

В казахском языке в данной форме в качестве деепричастия на *-ып/-ін/-п* может употребляться очень широкий, практически не ограни-

³ Для анализа брались тексты современных художественных прозаических произведений на казахском языке (см. список сокращений).

⁴ А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 53—54.

ченный круг глагольных основ, в который входят глаголы состояния, глаголы горизонтального и вертикального движения, глаголы действия и т. д. Ср. употребление следующих глаголов:

состояния: *жан-* 'гореть': *Қонақ үйде, дэңгелек үстел үстінде, қызғылт, күңгірт сәулесі бар тас шам жанып жатыр* (Ауэзов, 21) 'В гостининой юрте на низеньком круглом столе глиняный светильник разливает сумрачный красноватый свет'; *сайра-* 'петь': *Бұның қайсысы алсаң да баяғы құдіретті атибабаларының ұлылығының ізі сайрап жатыр* (Нурпенсов, 272) 'Кого из наших далеких могущественных предков ни возьми, их наследие ясно говорит само за себя';

восприятия: *есіт-* 'слышать': *Бірақ Ділдәнің бар қозғалысын есітіп жатыр* (Ауэзов, 252) 'Но он слышит каждое движение Дильды';

горизонтального движения: *қосыл-* 'присоединяться': *Әрлі-берлі өткен жүргіншілер тағы кеп қосылып жатыр* (Ауэзов, 118) 'Встречные прохожие тоже присоединяются к ним';

активного действия: *бөл-* 'делить': *Ер азаматы жабылып үй салып берісті. Жаңа балығын бөлісіп жатыр* (Нурпенсов, 272) 'Мужчины, объединившись, построили ему дом. Они делятся с ним новым уловом'; *ал-* 'брат': *Абайларға күле қарап тұрған қыздар шашуды теруге тап берісті. Қүлісіп, таласып алып жатыр* (Ауэзов, 245) 'Девушки, посмеивавшиеся над Абаем и его друзьями, стали подбирать рассыпанное. Смеясь, толкаясь, они собирают все'.

Указанная особенность казахского языка является его характерной чертой, отличающей его от многих других тюркских языков, в которых описываемая форма имеет весьма ограниченное распространение, как например, в татарском, башкирском, туркменском, узбекском, уйгурском.

Когда в качестве первого компонента данной аналитической формы употребляются глаголы *бар-* 'идти' и *кел-* 'приходить', то вместо аффикса *-ып/-іп/-п* употребляется аффикс *-е*, например: *Осы кезде Орда-Базарға Әбду-Латифтың туған баласы Мұқамед-Жөкі келе жатыр* (Есенберлин, 145) 'В это время в Орда-Базар приезжает сын Абду-Латифа Мухамед-Жеки'. — *Сенің әкең өзі де басы-қасында. Арт жағымда Көжекбайлармен келе жатыр* (Ауэзов, 152) 'Твой отец тоже находится рядом. Он едет позади меня с Ксжекбаем и другими'. *Барлық үлкеннің құшағына амалсыз кезек-кезек кіріп болып, енді сытылып, шешесіне қарап бара жатыр* (Ауэзов, 15) 'Обнявшись со всеми взрослыми и, наконец, высвободившись, Абай направляется к матери'.

Иногда сочетание глаголов *кел-* и *бар-* с вспомогательным глаголом *жат-* образует сложные вспомогательные глаголы *келе жат-* и *бара жат-*, которые, сочетаясь с глаголами движения, придают им значение продвижения в определенном направлении — к говорящему или от него. Например: *қашып бара жат-* 'убегать', *шапқызып бара жат-* 'мчатся (туда)', *шауып келе жат-* 'бежать (сюда)', *қайтып келе жат-* 'возвращаться'. Можно привести следующие примеры употребления таких форм в контексте: *Міне Батысқа қарай лэк-лэк боп мөңгол әскері аттанып бара жатыр* (Есенберлин, 12) 'И вот по направлению к Батысу едет верхом бесчисленное войско монголов'. *Көзінің оты жарқ етіп, сөніп бара жатыр* (Ауэзов, 42) 'Жизнь в его глазах, сверкнув в последний раз, гаснет'. *Асанды екеуі екі жағынан қолтықтап, топ адамды соңдарынан ертіп келе жатыр екен* (Нурпенсов, 102) 'Двое, подхватив Асана с обеих сторон под руки, ведут за собой еще целую группу людей'.

Частотность употребления глагола *жат-* в данной форме настоящего длительного времени, по сравнению с остальными вспомогательными глаголами, самая высокая: на каждых ста страницах художественного прозаического текста данная форма встречается в среднем 39 раз.

Форма настоящего длительного времени: **деепричастие на *-ып/-ин/-п* + вспомогательный глагол *отыр* + личные глагольные окончания первой категории.**

Вспомогательный глагол *отыр-* с исходным лексическим значением «сидеть», в отличие от глагола *жат-*, образует регулярные формы настоящего длительного времени (избирательно).

Сочетания с ним деепричастий, образованных от глаголов состояния, действительно выражают только значение процессуальности как единичного (но не типичного) явления, то есть в них глагол *отыр-* полностью десеантимизирован и не несет никакого иного значения, кроме «снятого» значения состояния. Для подобных сочетаний характерна высокая спаянность компонентов, что доказывается, например, возможностью замены в них глагола *отыр-* глаголом *жат-* без ущерба для содержания всего сочетания. Например: — *Мине, балам, осы менің батам болсын. Тіпті шынымен мейірім түсіп айтқызып отыр* (Ауэзов, 62) '— Вот, сынок, это тебе мое благословение. Сердце мое говорит чистую правду'. *Бірдеңе айтайын десе, тілі күрмеліп отыр* (Нурпейсов, 44) 'Он хочет что-то сказать, но язык у него заплетается'. *Оның тентек көздері жиреніш отын шашып отыр* (Ауэзов, 207) 'Его бешеные глаза выражают презрение и ненависть' (букв. 'разбрасывают огонь презрения').

Нетрудно заметить, что глагол *отыр-* образует полноценные аналитические формы не со всеми глаголами состояния, а как правило с теми из них, которые имеют образное, переносное значение (см. примеры). Если эти же глаголы будут употреблены в своем буквальном значении, то глагол *отыр-* начнет реализовать свою «вещественную» семантику, что приведет к понижению уровня прагматикализованности всей конструкции. Именно в силу данного обстоятельства в последнем случае предпочтительнее употребление глагола *жат-* (иногда *тур-*).

В случае, когда основа глагола, являющегося первым компонентом описываемой формы, выражает действие, производимое субъектом сидя, значение всей формы меняется; вспомогательный глагол *отыр-* может частично реализовать свое лексическое значение именно в тот момент, который характеризует положение субъекта в пространстве. Отношения между компонентами конструкции не могут быть сведены к чисто синтаксическим, то есть всю конструкцию нельзя квалифицировать как свободное словосочетание. Она скорее является сложным глаголом, представляя собой более или менее лексикализованную единицу, общее значение которой довольно цельное. Например: *оқып отыр* 'читает (сидя)', *жазып отыр* 'пишет (сидя)', *күтіп отыр* 'сидит (сидя)'.
Замена здесь глагола *отыр-* глаголом *жат-* влечет за собой и некоторое изменение значения всей формы — она лишается своего оттенка маркированности действия с точки зрения характеристики положения его производителя в пространстве и приобретает значение нейтральности. Например: *оқып отыр* 'читает (сидя)' — *оқып жатыр* 'читает', *күтіп отыр* 'ожидает (сидя)' — *күтіп жатыр* 'ожидает' и т. д.

Подобная форма может иметь значение процессуальности только в том случае, если сам контекст исключает возможность произведения действия сидя, или при явно перфективном значении основного глагола, при котором вся конструкция выражает значение типичности, продолжительности процесса или действия. Например: *Ақсақ Темір ұрпақтары*

іштен тынып, сәтгі күнін күтіп отыр (Есенберлин, 34) 'Потомки Хромого Тимура, затаившись, ожидают лучших дней'.

Указанные случаи необходимо четко различать, так как сложные глаголы не являются аналитическими формами настоящего длительного времени, и должны относиться скорее к области лексикологии, нежели грамматики.

С остальными глаголами действия и активного действия (то есть действия, совершаемого самим субъектом) вспомогательный глагол *отыр-* образует аналитические формы настоящего длительного времени с двумя типами значения процессуальности: со значением процессуальности как единичного явления, когда единичное действие находится в процессе совершения в определенный момент времени, и со значением процессуальности как типичного или повторяющегося явления. Ср. соответственно два ряда предложений:

с одной стороны: *Олар табақшылардың атын қамшылап айдап, қуып отырады* (Ауэзов, 248) 'Они подгоняют коней подавальщиков, стегая их камчой'. *Абай бағанадан бері Тогжанға бет алдынан қараса, қазір көбінесе қырынан көріп отыр* (Ауэзов, 154) 'Если недавно Абай смотрел Тогжан прямо в лицо, то сейчас уже он видит её сбоку'. — *Әй, ақылсыз балаларым — ай! Ертеңгі күндеріңді ойлағасын айтып отырмын ғой* (Нурпеисов, 272) '— Эх, вы, мои глупые дети! Я ведь говорю оттого, что думаю о завтрашнем дне';

и с другой стороны: *Алшекең мен Баймурын екі жақтың да бар сөзіне ие боп, өздері сәйлеп, өздері шешіп отыр* (Ауэзов, 131) 'Алшекен и Баймурын, ведя переговоры по доверию сторон, все решают сами'. *Жайлауға барса ғой, өзге бір ру ел бір бұлаққа үйіліп отырса, мұның әр ауылы ұзын аққан әлденеше өзеннен үлеседі. Осының бәрін аз жылдың ішінде басып отыр* (Ауэзов, 66) 'У других на джайлау возле одного родника целые рода жмутся, а у него для каждого аула не одна хорошая речка. И всем этим владеет он, и в какое короткое время завладел'. *Ананы, мынаны сылтау етіп Темір би де біріруге қарсы ірткі салып отыр* (Есенберлин, 228) 'Приводя то одну, то другую мнимую причину, Темир-бий тоже ставит всяческие препятствия для объединения'.

Глагол *отыр-* в казахском языке в качестве вспомогательного дательно употребителен. По частотности употребления в форме настоящего длительного времени он стоит на втором месте после глагола *жат-*: согласно нашему анализу; на каждых ста страницах текста этот глагол встречается в среднем 28 раз.

Форма настоящего длительного времени: деепричастие на *-ып/-іп/-п* + вспомогательный глагол *тұр-* + личные глагольные окончания первой категории.

Вспомогательный глагол *тұр-*, так же как и глагол *отыр-*, имеет свою специфику употребления в формах настоящего длительного времени.

С глаголами состояния глагол *тұр-* образует аналитические формы настоящего длительного времени со значением действия или состояния, наблюдаемого в момент речи, не осложненного какими-либо дополнительными оттенками. Например: *Бұл қыздардың пішіні социалдық аппақ, беттердің ұшы да дымырақ ашық қызыл реңдегіп тұр* (Ауэзов, 246) 'Лица девушек чересчур белые, а щеки горят багровыми маками'. *Солтүстік-Күнбатыс тұсы да жауар күндегі түнеріп*

тұр (Есенберлин, 61). 'На северо-западе небо хмурится как перед дождем'.

Сочетаясь же с глаголами действия, вспомогательный глагол *тұр*- образует два типа значений, которые зависят от конкретной семантики знаменательного глагола. Глаголы действия, по крайней мере большинство из них, являются нейтральными с точки зрения перфективности и имперфективности (предельности/непредельности), то есть глагольная основа в тюркских языках индифферентна к выражению глагольного вида.

Однако, когда глаголы действия в связи с условиями контекста становятся перфективными, то сочетания их с глаголом *тұр*- выражают значение типичности, повторяемости процесса, действия. Например: *Онда да бір атағымды шығарайын деп іздемейді, табиғаты ер болып жаратылғандықтан, қауіпті қорқынышты істерге өзі ұмтылып тұрады* (Есенберлин, 232) 'И потом тоже он не гонится за славой, он тянется к таким опасным, страшным делам оттого, что он рожден бесстрашным'. *Күз басынан бері қызыл шұнақ жел қылшылдап тұр* (Нурпейсов, 266) 'С самого начала осени свирепствует пронизывающий до костей ветер'. *Хан саясаты кейде жазғытұрымғы желдей. Беталысы ел райына, хан Ордасының арманына қарай өзгеріп тұрады* (Есенберлин, 45) 'Политика хана, как весенний ветер. Иногда хан меняет ее сообразно с настроением народа, с мечтой Орды'.

В сочетании с остальными глаголами действия вспомогательный глагол *тұр*- образует формы настоящего длительного времени со значением процесса, происходящего в момент речи без перерывов. Например: *Әрдайым тізгінін созып жіберіп, басын шұлғып тастап көңілді аяндайтын Аймаңдай, бүгін тіпті жеңіл басып, дәл жел қайықтай лыпып тұр екен* (Ауэзов, 133) 'Аймаңдай всегда брал с места иноходью, мотая головой и закусив удила; сегодня же он несется как челн, гонимый ветром'. *Әйткенмен, қалған жұрт бұл ұқсап алақайлап кеткен жоқ. Сөздің артын тосып тұр*. (Есенберлин, 163) 'Однако остальные не закричали, вторя ему. Они молча ожидают конца речи'.

Подобно тому, как вспомогательный глагол *отыр*- в сочетании с глаголом, имеющим значение действия, производимого субъектом сидя, частично реализует свое лексическое значение, так и глагол *тұр*- до некоторой степени реализует свое значение «стоять», когда деепричастие на *-ып/-ін/-п* образовано от глагола, основа которого имеет значение действия, производимого субъектом стоя или происходящего в вертикальной плоскости. В этом случае конструкция представляет собой сложный глагол, который необходимо отличать от собственно формы настоящего длительного времени с глаголом *тұр*-. Например: *Көшті қайттік? Жүк түсіре алмай дағдарып тұрмыз* (Ауэзов, 76) 'Как нам быть с кочевьем? Мы не можем разгрузиться, стоим, не зная, что делать'. *Келген бойда хабарлас қылды да, сыпайлық, сақтап сырта иіріліп тұр* (Нурпейсов, 258) 'Сразу по приезде они сообщают новости и, соблюдая приличия, стоят группой снаружи'.

Из сказанного видно, что правильное употребление форм с глаголами *отыр*- и *тұр*- невозможно без учета лексического характера знаменательного глагола.

Формы настоящего длительного времени с глаголом *тұр*- почти так же употребительны, как и формы с глаголом *отыр*-: в среднем 25 форм на каждые сто страниц текста.

Форма настоящего длительного времени: деепричастие на *-ып/-ін/-п* + вспомогательный глагол *жүр*- + личные глагольные окончания первой категории.

Вспомогательный глагол *жүр-* по особенностям употребления в указанной форме настоящего длительного времени отличается от трех остальных вспомогательных глаголов *жат-, отыр-, тұр-*. Вспомогательные глаголы *жат-, отыр-* и *тұр-* не имеют ограничения в различных глагольных основах, с которыми они употребляются, то есть они могут равно сочетаться как с глаголами состояния, так и с глаголами действия. Для вспомогательного же глагола *жүр-* этот круг основ знаменательного глагола сокращается до глаголов действия, так как с глаголами состояния он употребляется весьма редко. В последнем случае он образует с ними формы настоящего длительного времени со значением продолжительного действия, протекающего с перерывами. Например: — *Осы естігеніңнің бірде-бірін Айғызға айтпай тұри тұр. Оңсыз да қан жүрегі қақ жарылып жүр ғой.* (Ауэзов, 173) '— Не говори пока об этом Айғыз. Её сердце без того разрывается от печали'. *Сенен үлкен дәме ғып, ол бата берген еді. Мен онда жақтырмап ем. Ағайынға әделет ойлап айтқан жақсы лебізінді есітіп жүрмін* (Ауэзов, 275) 'Он ожидал от тебя многого и потому благословил тебя. Тогда я отнесся к тебе холодно. Но с тех пор я постоянно слышу, как ты говоришь о справедливости'.

С глаголами действия вспомогательный глагол *жүр-* также употребляется своеобразно. Он образует несомненные формы настоящего длительного времени только с глаголами активного действия, имеющими в контексте имперфективное значение; при этом вся форма выражает длительный и многократный процесс, характеризующий субъекта, его определенное занятие. Например: *Көптен бері Жәнібек пен Керей осы рылардың сөзін сөйлеп, сойылып соғып өздеріне баурап жүр* (Есенберлин, 43) 'С давних пор Джанибек и Керей, выражая чаяния этих родов, воюя на их стороне, склоняют их на свою сторону'. *Бұл кәтібақ ішінде Байсалдың жақын туысқаны Шықаның баласы. Байсал әрдайым қасына ертіп жүреді* (Ауэзов, 23) 'Из этого рода Қотибак у Байсала есть близкий родственник — сын Чокана. Он постоянно прислуживает Байсалу'. — *Бүкіл Самарқант, Бұқар, Гератта үш-ақ піл бар, — деді Мұхамед-Жөки, — о да жорыққа шыққанды көреханнің шатыр мен гаремасын алып жүреді* (Есенберлин, 149) '— Всего-то в Самарканде, Бухаре, Герате только три слона, — сказал Мухамед-Жөки, — да и те во время походов возят шатер великого хана и его гарем'.

С остальными глаголами действия глагол *жүр-* чаще всего образует сложные глаголы, которые имеют значение действия, выполняемого субъектом при занятии им определенного положения — при ходьбе. Сочетания с глаголом *жүр-* находятся на самой низкой ступени грамматикализации по сравнению с сочетаниями с остальными тремя вспомогательными глаголами; в них основное лексическое значение глагола *жүр-* 'ходить' ощущается почти всегда (за исключением упомянутых случаев). Например: *Әлі шам жағылған жоқ, жұрттың көбі тыста мал жайлап жүр* (Ауэзов, 96) 'Свет в доме еще не зажжен, большинство людей размещают во дворе скот'. *Бұл сорлы да бас еркін билей алмай, жел қуған жаққа тентіреп жосып жүреді* (Нурпейсов, 261) 'И эта несчастная, которая не может быть сама себе хозяйкой, бродит как «перекати-поле»'. *Қатынның да, еркектің де қолында бір-бір қасық; майлы құырдақ быжылдап жатқан кара казанның жанында кешкі көлеңкелері ерең-серең етіп, үңіреңдеп ашқарақтана ұмтылып жүр* (Нурпейсов, 271) 'У всех женщин и мужчин в руках по ложке; они все суетятся с голодным видом около черного каза-

на, в котором с шипением жарится жирное мясо, и их вечерние тени движутся вместе с ними'.

Видно, вследствие низкой степени грамматикализации сочетаний с глаголом *жур-*, форма настоящего длительного времени с этим глаголом не так часто используется как первые три: на каждых ста страницах текста аналитические формы с глаголом *жур-* встречаются в среднем 9 раз.

Описываемые аналитические формы имеются в большинстве тюркских языков. Более того, они представляют собой продуктивное явление: их число растет и развивается активность (особенно в языках Средней Азии и Сибири), так что может создаться впечатление, что они были свойственны тюркским языкам на всех этапах их развития. Однако различия в структурно-семантическом плане, а также неодинаковый удельный вес их по языкам и группам языков позволяют сделать вывод, что праязыковому периоду существования тюркских языков данные образования не были свойственны. Они возникли относительно поздно — уже после распада тюркского праязыка.

Еще одним доказательством сравнительно позднего появления аналитических глагольных форм служит то обстоятельство, что они образованы не при помощи глагола-связки «быть» (по причине отсутствия в тюркских языках форм настоящего времени этого глагола), а с участием других вспомогательных глаголов, в которых развилось необходимое для этого достаточное обобщенное значение состояния. Вместе с тем, для достижения такого абстрактного значения требуется время.

Данные аналитические формы глагола в современных тюркских языках в какой-то мере напоминают приставочные глаголы славянских языков на той ранней стадии их существования, когда современная славянская видовая система еще не была оформлена⁵.

Получить более или менее полное представление о системах времен в тюркских языках, о путях их становления и развития можно только на основании тщательного анализа данных современных тюркских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ауэзов* — М. Ауэзов. Абай жолы. Алматы, 1961.
Есенберлин — J. Есенберлин. Алмас қылыш. Алматы, 1971.
Нурпейсов — Э. Нурпейсов. Қан мен тер. Алматы, 1973.
-

⁵ Б. А. Серебрянников, Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 221.

М. ТОМАНОВ

К ИСТОРИИ СОВМЕСТНО-ОРУДНОГО ПАДЕЖА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В отличие от многих тюркских языков, в казахском языке имеется совместный падеж со специальным аффиксом *-мен(-пен)*, который выражает одновременно понятия совместности действия, орудие и способ совершения действия. Из современных тюркских языков только в якутском значения орудийности и совместности выражаются специальными падежными показателями. В других языках, например, в хакасском, имеется творительно-совместный падеж, означающий орудие совершения действия и название совместно действующего лица; в чувашском языке — творительный падеж, в основном выражающий орудийное значение. Многие современные тюркские языки для выражения значений совместности и орудийности используют послелог. В древнетюркском языке существовал падеж с показателем *-п* и послелог *birle*, выражающие значение орудийности и совместности совершения действия. Значения древнетюркского орудного падежа в основном сводятся к следующим: место, в котором совершается действие, местонахождение: *Ол йолын йорысар унч тидім* (Т) 'Той дорогой идти можно — говорил (я)'. *Алтун йысығ йолсузын асдым, ертис үгүзүг кечісізін кечдіміз* (Т) '(Я) по бездорожью перевалил через Алтунскую чернь, (мы) перобрались через Иртыш без переправы; орудие и способ совершения действия: *Ігнек көлүкін Тоғлада оғуз келті* (Т) 'По реке Тогле пришли огузы с коровами и выючным скотом'. *Тағығ ұзруқың етмес, теңізің қайғықың бүкмес* (МК) 'Гору арканом не пригнуть (к земле), море лодкой не запрудить'. Иногда орудный падеж обозначал и совместного участника действия: *Күл тігін аз ерін іртүрі ытымыз* (КТ) '(Мы) послали Кюль-Тегина с небольшой группой мужей'. В памятниках X—XI веков этот падеж выражал способ совершения действия с временным оттенком: *Ол қар қамуғ жышын ынар, ашлық тарығ анын үнер* (МК) 'Всю зиму падают снег, оттого произрастают хлеба'. Однако орудийный падеж как способ связи слов уже после X века начинает терять самостоятельность употребления. В языке «Кодекса Куманикуса» аффикс *-п* предстает уже как застывшая форма в составе отдельных наречий. Таким образом, омертвление аффикса орудийного падежа совершилось до образования казахского народного языка, в эпоху слияния отдельных племенных диалектов в общенародный язык. Следы этого падежа можно наблюдать и в современном казахском языке. Застывший аффикс орудийного падежа особенно часто встречается в составе наречий времени; например: *күн-ін-де*, *жаз-ын-да*, *күн-ім-е*, *ай-ын-да* и т. д. Присоединение аффикса местного падежа указывает на давность омертвления аффикса *-п*. В древнетюркском языке в значении совместности, соуча-

ствия употреблялся и послелог *birle*: *Бу йірде олурып табғач будун бір-ле түзелтім* (КТ) 'Расположившись на этой земле, я был устроен вместе с народом табғач'. В «Диване» Махмуда Кашгари послелог *birle* выступает и во временном значении: *Түн-күн біле севнелім* (МК) 'Давайте веселиться день и ночь'. Однако употребление послелога *birle* в значении места, в котором совершалось действие, в языке древнетюркских памятников не наблюдается. Из этого можно заключить, что синонимичное употребление орудного падежа и послелога *birle* было возможно в выражении значений орудия действия и соучастия в действии. Приобретение послелогом *birle* всех присущих орудному падежу значений, видимо, связано с утратой последним активного функционирования. Послелог *birle* в «Диване» Махмуда Кашгари встречается и в варианте *bile*: Махмуд Кашгари замечает, что «для легкости произношения иногда опускается *r*» (1405). В языке золотоордынских памятников «Гулистан», «Мухаббат-наме» этот послелог употребляется в нескольких вариантах: *birle*, *bile*, *bilen*. Уже в «Кодексе Куманикусе» и в ярлыках Токтамыша он встречается как *bile*, то есть без *r*. Послелог *bile* был употребителен и в письменном литературном языке, бытовавшем среди казахов в XVIII—XIX веках. Однако превращение этого послелога в применную энклитику произошло в составе устно-разговорного языка, о чем свидетельствуют тексты фольклорных произведений и данные диалектов. Превращение же приименной энклитики в аффикс состоялось в процессе становления и развития нового письменного литературного языка. Этот процесс можно было бы объяснить следующим образом: единство ударения сочетания имя+послелог предопределяет ассимиляцию согласных на стыке именной основы и послелога, в результате которой происходит превращение *o > m*, после чего вследствие стремления к краткости в процессе быстрой речи, происходит редукция безударного слога. Известно, что в территориальных диалектах наряду с литературной формой аффикса совместного падежа *-men* существуют и «промежуточные звенья» в виде *-тупан*, *-рупан*, *-бупан*.

Говоря о совместном падеже в казахском языке, нельзя не остановиться на утверждении некоторых авторов работ по истории казахского языка, считающих, что аффикс совместного падежа (или послелог *birle*) присоединялся к форме родительного падежа. Факты среднетюркских памятников показывают, что подобное было возможно при склонении лишь личных местоимений, а не всех имен. С другой стороны, присоединение аффикса совместного падежа к форме родительного падежа личных местоимений не всегда соблюдалось, о чем свидетельствуют факты среднеазиатского тевсира: *Мен сізлер бірле мен не кім фіравн сөзлеше ешітүрмен*¹ 'Я с вами, что скажет фараон, я услышу', где местоимение *сізлер* сочетается с послелогом *бірле* в форме основного падежа. Все же, элемент *i*, появляющийся в форме совместного падежа при склонении личных местоимений единственного числа (*мен-і-мен*, *сен-і-мен*, *он-ы-мен*), следует признать остатком аффикса родительного падежа, некогда служившего способом связи имени с послелогом.

Г. Рамстедт на основании сравнительного материала тюрко-монгольских языков устанавливает аффикс гипотетического совместного падежа *-ly²*, который в казахском языке встречается в составе некоторых парных слов. С. Е. Малов предложение *бу сабығ ілік беглі-қатунлы ссітіп* переводит как «эти слова правитель и жена его услышав». В казахском языке конструкцию *беглі-қатунлы* можно было бы передать

¹ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тевсира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 103.

² Г. Рамстедт. Введение в алтайское языковедение. М., 1961, стр. 46—48.

как: *бек пен қатыны*, то есть посредством послелого *мен* (*бірле//біле//білен*). А. М. Щербак в языке тюркских текстов X—XIII веков отмечает параллельное употребление аффикса орудного падежа *-ын(-ін)* и *-ла// -ле*³. Последний аффикс обнаруживается в составе послелого *бірле* (*бір-ле*). По нашему мнению, *-лы* и *-ла* — это варианты одного аффикса, что подтверждается их одинаковой семантикой: оба употребляются в комитативном значении. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в якутском языке аффикс совместного падежа имеет форму *-лыын// -тыын// -дыын// -ныын*⁴. В составе этого сложного аффикса ясно различается *-лу*. В чувашском языке аффикс творительного падежа *-па// -пе* напоминает собой восточно-туркестанский аффикс *-ла*. В современном казахском языке, как было сказано выше, этот аффикс встречается в составе некоторых парных слов типа: *ертелі-кеш* 'рано ли, поздно ли', *тайлы-таяғы* 'от мала до велика', *ерлі-байлы* 'муж и жена', *аттылы-жаяулы* 'конный и пеший'. Этот тип парных слов отмечен Э. Р. Тенишевым в «Диване» Махмуда Кашгарского⁵. Аффикс *-лу*, согласно фонетической закономерности казахского языка, имеет варианты *-ды*, *-ты*: *азды-көпті* 'мало ли, много ли'. Наряду с ними в казахском языке имеются парные слова с аффиксом *-ы/-і*: *күні — түні*, *қысы — жазы*, *іші — тысы* и т. д. Б. А. Серебренников на основе материалов В. Котвича считает аффикс *-лу* состоящим из двух элементов: *-л* и *-у*, некогда самостоятельных⁶. Элемент *-ы/-і* в составе приведенных казахских парных слов, по нашему мнению, идентичен с указанным Б. А. Серебренниковым аффиксом.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что казахский совместно-орудный падеж с аффиксом *-мен* сконцентрировал в себе семантику трех форм: древнетюркского послелого *birle*, орудного падежа на *-уп* и на *-лу*. Расширению значений и функций совместного падежа на *-тен* (*birle*) способствовало исчезновение аффиксов *-уп* и *-лу* в формах словоизменения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КК — «Кодекс Куманикус». Издание В. В. Радлова. СПб., 1887.
 КТ — Памятник в честь Кюль-Тегина. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
 МК — Махмуд Қошғарий. Девону луғотит турк. Тошкент, 1960—1963.
 Т — Памятник в честь Тоньюкука. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

³ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов XI—XIII веков из Восточного Туркестана. М., 1961, стр. 89.

⁴ Э. В. Севортян. Категория падежа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II, М., 1955.

⁵ Э. Р. Тенишев. Указатель грамматических форм к «Дивану тюркских слов» Махмуда Кашгарского. — В сб.: «Вопросы казахского и уйгурского языкознания», Алма-Ата, 1963.

⁶ Б. А. Серебренников. О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков. — В сб.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971.

Т. Д. ПОТАПОВА

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Большинство исследователей отмечают слабость ударения в турецком языке и локализацию его, как правило, на конечном слоге слова. С присоединением ударных словообразовательных или словоизменятельных аффиксов ударение перемещается на конечный аффикс, как например, в цепочке слов: göz, gözlük, gözlükçü, gözlükçülük, gözlükçülükte, gözlükçülükteki, gözlükçülükteki.

Однако некоторые аффиксы не принимают на себя ударения, и оно остается на слоге, предшествующем неударному аффиксу. Так, в именных и в большинстве глагольных сказуемых ударение падает не на последний слог, поскольку аффиксы сказуемости неударны: geleceksiniz 'вы придете'. К неударным аффиксам относятся и аффикс отрицания *ma/me*, вопросительный аффикс *mi*, аффикс *la/le* (краткий вариант *ile*) и другие. Об этих и других случаях локализации ударения не на конце слова говорится в работах турецких лингвистов Дж. Соложа, Т. Бангуоглу, Т. Генджана, К. Демирая, М. Эргина, Х. Эдисуна¹. Отмечается, что при переходе слова из одной грамматической категории в другую ударение может перемещаться с конечного слога на предыдущий или начальный, например, в вокативах Ahmet!, Anna!, kahveci!, çânim!, в наречиях artık 'уже', yalnız 'только', в том числе звукоподражательных словах, когда они улогреляются в функции наречия *fis:is konuşmak* 'разговаривать шепотом'.

В турецком языке можно найти немало слов и словоформ, в которых ударение является различительным признаком их грамматических значений²; например:

1. В сказуемых:

а) сказуемые глагольные и именные в прошедшем категорическом

времени: *kış geçti* 'зима прошла', *kış geçti* 'зима была поздней';

б) именное сказуемое с аффиксом сказуемости 1-го лица единственного числа настоящего времени и имя существительное с аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа: *doktörüm* 'я врач', *doktörüm* 'мой врач';

в) некоторые формы глагольных сказуемых, например: *hasta kışı çıkardı* 'больной перенес зиму', *bu kumaştan iyi bir palto çıkardı* 'из этой

¹С. К. Solok. Türk dilinde vurgu üzerinde bir taslak. Varlık. Cilt 7, 1939, sayı 136, стр. 131; Т. Banguoğlu. Türkçenin grameri. İstanbul, 1974, стр. 118; Т. N. Gencan. Dilbilgisi. İstanbul, 1973, стр. 45. К. Demiray. Temel dilbilgisi. İstanbul, 1967, стр. 70—72; М. Ergin. Türk dilbilgisi. İstanbul, 1962, стр. 98—99; Н. Ediskun. Yeni türk dilbilgisi. İstanbul, 1963, стр. 96.

² Наиболее полно этот вопрос освещен в работе: Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 15—16.

гесное отмечали еще Г. Вайль и Б. Коллиндер³. Дальнейшее освещение этот вопрос получил в статье Л. Н. Старостова, который попытался выявить общие закономерности изменения локализации словесного ударения в зависимости от фразовой фонетики. Так, он отметил, что словесное ударение в турецкой фразе может перемещаться в зависимости от положения слова во фразе и от характера самой фразы. Например, в слове, предшествующем междометиям *be/bre*, *ya*, *a/e*, вопросительной частице *mi*, союзу *ki* или частице *da/de*, ударение непременно приходится на последний слог даже в том случае, когда по смыслу оно должно локализоваться на начальном слог: *Buraya gèlme* 'Не приходи сюда'. Но: *Ben buraya big daha gelmem*. *Gelmè be bigader* 'Я сюда больше не приду. Ну и не приходи'. Или: *Bèn de gideceğim* 'Я тоже уйду', но: *Ben dè mi gideyim?* 'Что и мне уйти?'. Отсюда Л. Н. Старостов делает вывод, что в турецком языке словесное ударение «не входит в состав постоянной фонетической характеристики слова».⁴

На большие изменения, которые претерпевает словесное ударение под влиянием фразового ударения, указывает и Р. Нэш, проводившая исследование турецкой интонации инструментальным методом. Она пришла к заключению, что для турецкой речи характерно явление, известное под названием «акцентный резонанс»: «Многие особенности изменения места ударения проявляются благодаря ритмическому положению главного ударения, которое во фразе имеет тенденцию повторяться в той же позиции в других словах фразы, иногда изменяя морфологически определенную нормальную позицию словесного ударения. Так, например, если фразовое ударение падает на первый слог первого слова, то первый слог каждого последующего слова будет слышаться ударным ' ' ' ' ».⁵ Тенденция ставить ударение в такой же позиции в других словах фразы, по наблюдениям Р. Нэш, особенно сильна, если слово, примыкающее к слову, несущему фразовое ударение, имеет то же количество слогов. Она отмечает также, что под влиянием фразового ударения может происходить и регрессивный сдвиг словесного ударения, в частности, перед неударным аффиксом отрицания, например, *teklif* 'предложение', но *teklif ètmedim* 'я не предложил'. Сдвигами словесного ударения Р. Нэш объясняет и наличие нескольких различных моделей для одной и той же фразы.

То, насколько слабым является ударение в турецком языке, может подтвердить следующий эксперимент: начитанный дикторами материал сохранил противопоставленные друг другу и следующие друг за другом пары слов, различающиеся лишь местом ударения: *uzın* 'летом', *uzın* 'литература', *tákma* 'не вставляй', *taktà* 'вставной' и т. п. Аудиторы, которым был предъявлен этот материал, правильно указали место ударения в каждой паре слов. Когда же эти слова были переписаны на другую пленку в произвольном порядке, а не парами, аудиторы затруднились в определении места ударения и в нескольких случаях указали место ударения не там, где они определили его прежде, в первом эксперименте.

Четкий смысл высказывания обеспечивается во фразе помимо ударения интонацией, а также синтаксическим способом — определенным порядком слов в предложении. Несмотря на получившую широкое распространение инверсию в построении фразы, неизменно остается

³ G. Weil. *Grammatik der Osmanisch-Türkischen Sprache*. Berlin, 1917, § 4; B. Col-linder. *Reichstürkische Lautstudien*. Uppsala — Leipzig, 1939, стр. 48.

⁴ Л. Н. Старостов. Об ударении в турецком языке. — «Труды Военного института иностранных языков». М., 1953, № 2, стр. 110.

⁵ R. Nash. *Turkish intonation an instrumental study*. Mouton. The Hague. Paris, 1973, стр. 60, 132.

основное правило турецкого языка — определение всегда предшествует определяемому.

В зависимости от локализации ударения выражение можно отнести либо к разряду определительных словосочетаний, либо сложных слов — к такому выводу пришел турецкий лингвист О. Демирджан, в последние годы интенсивно работающий над проблемой турецкого словесного ударения.⁶ По его наблюдениям, в сочетании определения и определяемого ударением выделяется определение, а в сложном слове ударение падает на последний слог; например: *büz kıran (kişi)* 'человек, скалывающий лёд', *büz kıran (gemi)* 'ледокол'; *ön ayak* 'передняя нога', *öneyak* 'инициатор, застрельщик'.

Если это так, то можно считать, что словесное ударение в турецком языке может выполнять и кульминативную, вершинообразующую функцию.

Л. Н. Старостов подобные пары слов считает омонимами⁷. Однако А. К. Баширова на основании инструментального анализа установила, что в азербайджанском языке в некоторых случаях только ударение различает смысл словосочетания и сложного слова, например, *böş gab* 'пустая посуда', *boşgab* 'глубокая тарелка'⁸.

Мы предложили двум дикторам — носителям турецкого языка, мужчине и женщине, — начитать на магнитную ленту следующие предложения, включающие определительное словосочетание и сложное слово в качестве подлежащего: *Kağa göz güzel göz* 'Черные глаза — красивые глаза' и *Kağagöz halk oyunu* 'Кагагөз — народный театр'. Кроме того, *kağa göz* и *Kağagöz* были произнесены изолированно. К сожалению, аудирование, проведенное тремя лицами, владеющими турецким языком, пока не дало возможности на этом материале подтвердить выводы О. Демирджана.

Делимитативную функцию, функцию показателя границ слова, в связи с неполной фиксированностью турецкого словесного ударения и отмеченным всемирными исследователями его слабоцентрализующим характером, выполняют наряду с ударением такие явления как гармония гласных и сама сегментная организация слова. Это хорошо подтверждает высказывание А. Мартине: «Ударение, место которого не полностью предсказуемо и которое само по себе не указывает границы слова, может в сочетании с другими явлениями выступать в некоторых языках в качестве абсолютно четкого демаркационного сигнала»⁹.

Еще в середине прошлого века наличие гармонии гласных в тюркских языках А. Штейхер объяснял необходимостью выражения смысловой целостности слова. С тех пор, вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ, авторы исследований, посвященных различным тюркским языкам, уделяют много внимания этой проблеме, подчеркивая, что гармония гласных выполняет разграничительную функцию. Одни авторы полагают, что гармония гласных способна выполнять «все функции, которые в других языках выполняет ударение»¹⁰. Другие считают, что сингармо-

⁶ О. Demircan. Bileşik sözcük ve bileşik sözcüklerde vurgu. TDAY Belleten, 1977, Ankara, 1978, стр. 263—275.

⁷ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 112.

⁸ А. К. Баширова. Ударение в простых определительных словосочетаниях современного азербайджанского языка. — Канд. дисс., Баку, 1969, стр. 192.

⁹ А. Мартине. Основы общей лингвистики. — В сб.: «Новое в лингвистике», Вып. III, 1963, стр. 438.

¹⁰ W. Radloff. Phonetik der Nordlichen Türkischen Sprachen. Leipzig, 1882, стр. 97. Об этом же см.: В. Н. Зинovieв. О ритмико-мелодической структуре казахского языка. — «Известия АН Казахской ССР, № 77. Серия лингвистическая», вып. 5. Алма-Ата. 1948.

низм не может быть основным фактором «цементирующим» слово, что он носит чисто формальный характер, не связан с распознаванием слов и что эти функции выполняет только ударение¹¹. Н. С. Трубецкой сравнивает гармонию гласных с тональностью в музыке. Нарушение сингармонизма он квалифицирует как положительный пограничный сигнал¹². В. А. Виноградов, исследовавший сингармонизм на материале большого количества языков, ставит гармонию гласных в один ряд с таким универсальным просодическим средством, как ударение, считая, что сингармонизм и ударение «являются двумя дополнительными проявлениями одного и того же структурного феномена — словесного акцента»¹³. Э. В. Севортян подчеркивает, что «вместе с сингармонизмом ударение служит выражением границ турецкого слова»¹⁴. Указания на то, что сингармонизм вместе с ударением содействуют членению предложения на отдельные слова имеются также в работах А. К. Боровкова, Н. А. Баскакова, Г. П. Мельникова¹⁵.

Безусловно справедливы высказывания большинства лингвистов, считающих, что гармония гласных служит лишь одним из средств, выполняющих разграничительную функцию, поскольку она не может быть пограничным сигналом в том случае, если в потоке речи следуют несколько слов с гласными одного ряда, а также в словах с нарушенной гармонией гласных. Большинство таких слов составляют иностранные заимствования, слова с аффиксами, не имеющими вариантов гласных звуков, *ki, keп* и т. д., а также немногочисленные исконно турецкие слова, с нарушенной гармонией гласных, например: *inapтак, kardeş, anne, şişman, kiraz, elma, hangi, dahi*¹⁶.

Проведенный нами анализ газетного текста показал, что посредством сингармонизма разграничивается примерно 48% слов, а 52% составляют случаи, когда гласные соседних слов принадлежат к одному и тому же ряду. (Это не противоречит данным Г. П. Мельникова, который определяет такое соотношение для тех тюркских языков, где действует только гармония гласных, в 40%¹⁷). Подсчет производился следующим образом: если расположенные друг за другом слова имели гласные разного ряда, это учитывалось как наличие пограничного сигнала, если же гласные принадлежали к одному и тому же ряду (например, в обоих словах переднерядные или только заднерядные), это фиксировалось как отсутствие пограничного сигнала.

В том же газетном тексте была проанализирована локализация словесного ударения. Оказалось, что в 80% слов ударение падает на конец слова, в 20% слов — конечный слог неударный. В качестве ударного регистрировался слог, несущий ударение при произнесении данного слова изолированно. Конечно эти показатели могут давать значительные

¹¹ Ш. М. Абдуллаев. Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке. Канд. дисс., Л., 1966, стр. 81—82.

¹² Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 313, 320.

¹³ В. А. Виноградов. Сингармонизм и фонология слова. Автореф. канд. дисс., М., 1966, стр. 19; В. А. Виноградов, А. А. Реформатский. Сингармонизм, ударение и просодия слова. — «Вопросы языкознания», 1969, № 1, стр. 123—125.

¹⁴ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 130.

¹⁵ А. К. Боровков. Агглютинация и флексия в тюркских языках. — В сб.: «Памяти академика Л. В. Щербы», Л., 1951, стр. 123; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 108; Г. П. Мельников. О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту. — «Народы Азии и Африки», 1962, № 6, стр. 126—141.

¹⁶ Примеры взяты из книги: М. Ваха. Yeni türkçe gramer. İstanbul, 1940, стр. 6.

¹⁷ Г. П. Мельников. Указ. раб., стр. 132.

колебания в зависимости от содержания, эмоциональной окраски высказывания, от фразового ударения и других факторов.

Кроме гармонии гласных и ударения в выполнении делимитативной функции принимает участие и сегментная организация слова, закрепленность отдельных фонем за определенными позициями в слове. Например, губные гласные широкого раствора *o*, *ö* встречаются лишь в первом слоге турецких слов *öykü*, *söğüt*, а единичные примеры, где эти гласные имеются во втором слоге слова, являются иностранными заимствованиями: *hözöz*, *kokoz*, *hotoz*, *kokozoz*. Поскольку турецкий язык не терпит соседства двух гласных, стечение гласных звуков также может служить демаркационным сигналом. Количество слов типа *değil*, в которых по нормам литературного произношения *ğ* не произносится, невелико.

Мы подсчитали по толковому словарю «*Türkçe sözlük*» (третье издание, Анкара, 1959) количество слов, начинающихся на гласную. Они составляют примерно 22% включенной в словарь лексики. Проведенный нами анализ двух текстов — политического (из газеты «*Cumhuriyet*» от 22.XII.1979 г. статьи журналиста Али Сирмена «*Türk ve Alman akilları*», содержащего 774 слова) и литературного (рассказа писателя Азиза Несина «*Kendi hikâyesi*», включающего 1564 слова), показал, что слова с начальным гласным составили в среднем 26,4% обоих текстов. Чаще в начале слов встречалось «а» (7,6% слов в художественном и 10% слов в газетном тексте), затем «i» (соответственно — 6,6% и 4,4%), далее «o» (6,4%—4%), «e» (2%—3,9%), «ö» (1,2%—1,7%), «u» (1%—1,8%), «ü» (1%—0,9%), «ı» (0,1%—0%). В абсолютном исходе слов гласные встречаются значительно чаще: в проанализированных нами текстах они оказались в 48,2% слов. В конце слов отмечены гласные «а» (соответственно — 12,6% и 12,9%), «e» (11,1%—11,9%), «i» (9,9%—10,3%), «ı» (8,7%—7,7%), затем «u» (4%—3,2%), «ü» (1,4%—1,7%).

Цифры показывают, что гласные значительно чаще встречаются в абсолютном конце слова, нежели в его начале (в 1,8 раза), причем количество слов, оканчивающихся на гласный, составляет почти половину их общего количества в текстах. Широкие гласные характерны как для начала, так и для конца слова, в начале слова — это и губные, и негубные гласные, в конце слова — только негубные. Узкие гласные заднего ряда, особенно негубной *i*, в конечной позиции встречаются значительно чаще, чем в начальной. Узкие гласные переднего ряда в равной степени наблюдаются как в начале, так и в конце слова.

Л. Г. Зубкова считает, что при отсутствии словесной просодики синтагматическая целостность слова может быть обеспечена исключительно сегментными средствами, в первую очередь за счет согласных¹⁸. Как нетипичные для начала турецкого слова она отмечает носовые и плавные согласные. Турецкий лингвист Т. Бангуоглу также указывает, что плавные *r*, *l* в начале исконно турецких слов не встречаются, кроме некоторых звукоподражательных слов, а носовые *m* и *n* встречаются редко¹⁹. Действительно, в проанализированных текстах согласные *m*, *n*, *r*, *l* наблюдались в начале 3,8% слов, а в абсолютном исходе — в 36,5% слов. Чаще в конечной позиции зарегистрированы *n* — 16,9% и *r* — 11,2% слов. Как раз эти согласные присущи окончаниям самых распространенных турецких аффиксов — множественного числа *lar/ler*, сказуемости *sin, dir*, падежных *dan, in* и др. Т. Бангуоглу отмечает также, что для начала турецких слов типичны смычные согласные; в староос-

¹⁸ Л. Г. Зубкова. Сегментная организация слова. М., 1977, стр. 3.

¹⁹ Т. Бангуоглу. Указ. раб., стр. 180.

манском языке это были глухие, в современном — звонкие. Смычные согласные встречались в проанализированных текстах в 46% слов в начальной позиции и в 9,5% слов — в абсолютном конце слова. В начальной позиции наиболее частыми являются звонкие *b* (15,6%), *d* (9,6%), *g* (5,1%). В абсолютном конце слова звонкие смычные оглушаются. Оглушение согласных — возможный показатель границы слова. Указания на это имеются в работах Н. С. Трубецкого, Л. Н. Старостова и др. Согласный *ğ* в начале слова не встречается. Ряд согласных чаще встречается в начале слова, нежели в его конце. Например, согласный *y* наблюдался в 3,9% слов в начальной позиции и в 0,5% слов — в конечной, *h* в 3,2% слов в начале слова и в 0,1% — в конце.

Таким образом, и гласные, и согласные звуки в турецком языке могут часто выполнять роль показателя границы слова.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующее заключение. Словесное ударение в турецком языке является слабоцентрализующим, но на парадигматическом уровне, то есть при изолированном произнесении слова, оно может выполнять фонологическую функцию, различая по смыслу слова с одинаковым набором фонем.

Локализуясь в большинстве случаев на последнем слоге, турецкое словесное ударение может выполнять функцию пограничного сигнала.

В определительных словосочетаниях, локализуясь на первом компоненте, турецкое словесное ударение может выполнять вершинообразующую функцию, различая тем самым определительные словосочетания и сложные слова.

Однако на синтагматическом уровне, то есть в потоке речи, парадигматическое ударение может совпадать или не совпадать с синтагматическим ударением, поскольку под влиянием фразового ударения словесное ударение может стираться или менять место. Одно словесное ударение не может обеспечить выполнение своих функций и взаимодействует с сингармонизмом и сегментной организацией слова. Функции между тремя этими факторами не распределены и взаимно пересекаются.

Все это свидетельствует о том, что для турецкого языка характерна тенденция к синтагматизации ударения.

Ю. В. ЩЕКА

АСПЕКТНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Язык существует и функционирует в бесконечном многообразии речевых высказываний или текстов, то есть устно произносимых или письменных изложений, выполняющих задачи коммуникации. Конкретное высказывание содержит вполне определенные и присущие лишь ему значения и смыслы. Вместе с тем, смысловое содержание речевого высказывания базируется на общих значениях входящих в него языковых единиц, то есть значениях, зафиксированных в грамматиках и словарях.

Однако это лишь схематичное сопоставление языка и речи. Существует множество языковых явлений, занимающих в этой схеме промежуточное положение. В них, с одной стороны, проявляется речевая случайность, а с другой, прослеживается языковая закономерность. К важнейшим из таких явлений в турецком литературном языке относятся аспектно-экспрессивные разговорные трансформации.

Все многообразие речевых высказываний носителей литературного языка делится лингвистами на письменную и разговорную речи. Под разговорной турецкой речью понимается устная (в подавляющем большинстве случаев) речь носителей турецкого литературного языка в условиях непринужденного общения.

Наименьшей коммуникативной единицей речи является предложение. Как известно, предложение выражает определенную номинацию (пропозитивную номинацию), отношение этой номинации к действительности (комплекс грамматических значений), а также определенное коммуникативное задание. В данной статье затрагивается лишь область грамматических значений предложения. Прежде всего, отношение пропозитивной номинации к действительности находит выражение в форме предложения, которая может быть утвердительной, отрицательной, вопросительной и вопросительно-отрицательной. Важным в этом отношении является также наличие в турецком языке четырех аспектов глагола — утвердительного, отрицательного, формы возможности и невозможности. В системе турецкого языка существуют известные формальные показатели, различающие указанные выше формы предложения и аспекты глагола, выступающего в роли сказуемого. В турецкой письменной речи формальные показатели, о которых идет речь, в подавляющем большинстве случаев выражают только те значения, которые им приписываются языковой системой. Что же касается турецкой разговорной речи, то несоответствие между формальным показателем и фактически выражаемыми основными параметрами отношения пропозитивной номинации к действительности наблюдается очень часто. Более того, это несоответствие не является речевой случайностью, а представляет

собой закономерность на уровне разговорной речи и служит важнейшим средством экспрессии, базирующимся на несоответствии плана выражения и плана содержания. Например, предложение, имеющее форму вопроса, часто может выражать отрицание: — ...*Böyle bir evin içinde küslük olur mu, be Cemil! (= olmaz)*¹ — ...Послушай, Джемиль, разве можно ссориться в таком доме! (= нельзя). Оно может также выражать утверждение: — ...*Sana ne bundan? — Vana ne olur mu? — ...Что тебе с того? — Как это мне что?* (= это меня касается). Предложение, имеющее утвердительную форму, может выражать отрицание: — *Oda-lar:na kapandı öyle bir tikimlanıyorlar ki. — Doğru mu bu? — Yoоо, yoоо, yalan (= yalan değildir)* — Они закрываются в своей комнате и едят до отвала. — Правда ли это? — Нет, нет, я обманываю' (= конечно, я говорю правду, как ты можешь сомневаться?).

Как видно из приведенных примеров, выражаемое такими предложениями отрицание или утверждение оказывается выделенным, подчеркнутым, экспрессивно окрашенным. Таким образом, предложения турецкой разговорной речи, в которых наблюдается несоответствие между формой высказывания или показателями аспекта глагола-предиката, с одной стороны, и фактически выражаемым утверждением, отрицанием, возможностью или невозможностью, с другой, мы называем «аспектно-экспрессивными разговорными трансформациями». Употребление термина «трансформация» связано с тем, что рассматриваемые разговорные предложения с точки зрения своего грамматического значения считаются парадигматически противопоставленными такому предложению, которое выражает ту же пропозитивную номинацию, но в наиболее простом или немаркированном грамматическом значении, и являются поэтому грамматической трансформацией последнего. Целью настоящей статьи является выяснение некоторых наиболее важных закономерностей структуры, семантики и функционирования турецких аспектно-экспрессивных разговорных трансформаций.

Рассмотрим турецкие аспектно-экспрессивные разговорные трансформации с точки зрения соотношения их формы и передаваемых значений в следующем порядке: 1. Вопросительная форма — значение отрицания. 2. Вопросительная форма — значение утверждения. 3. Вопросительно-отрицательная форма — значение утверждения. 4. Утвердительная форма — значение отрицания. 5. Отрицательная форма — значение утверждения.

Весьма распространенными в турецкой разговорной речи являются аспектно-экспрессивные трансформации, имеющие вопросительную форму и выражающие отрицание. Поскольку эти предложения могут иметь как глагольное, так и именное сказуемое, а формальный вопрос может относиться к любому члену предложения, постольку данная трансформация является наиболее универсальной. Рассматриваемая трансформация выражает экспрессивно подчеркнутое отрицание.

1. Вопрос к именному сказуемому, выражаемый при помощи *ne* или частицы *mi*. — *Ne ki yediğimiz zaten! (= Bir şey yemiyoguz)* — Да что мы собственно ели (едим)! (= подчеркнутое: «мы ничего не ели»). — *Senin başın ağrırken nasıl giderim başından. İnsanlık mı, arkadaşlık mı bu?*². — У тебя голова болит, так как же я от тебя отойду. Какая ж

¹ Здесь и ниже там, где отсутствует особое указание на источник, пример взят из постановки анкарского радио «*Oğullar*» («Сыновья»), записанной автором на магнитофонную пленку непосредственно из эфира в 1976 году. Данная постановка послужила также базой для некоторых наших статистических исследований, результаты которых приводятся в конце настоящей статьи.

² Ж. Ихмалян. Пособие по турецкому разговорному языку. Ч. II, М., 1971, стр. 76.

это (будет) человечность, дружба! — İç sunu bel Zehir mi bu³. '— Да выпей ты это! Разве это яд!' (= не яд же это!).

2. Вопрос к глагольному сказуемому, выражаемый частицей *mi*: — ...Him him him 'dan başka bir şey çıkacak mı ağzından! (= çıkmayacak) '... Да разве он может сказать хоть что-нибудь кроме гм да гм!' — ...Böyle olunca kereste sanayii gelişir mi hiç? (= gelişmez)⁴ '— Да разве в таких условиях деревообрабатывающая промышленность будет развиваться?' (= не будет).

Рассматриваемая трансформация широко употребляется и с предикатом *var*: — ...Dört gündür doğru dürüst odadan çıktığı:m mı var benim! — (= yok) '— ...За четыре дня я хоть раз по-настоящему вышла из комнаты!' — Senden hap isteyen var mı? (= yok)⁵ — 'Кто-нибудь у тебя просил таблетку?'

3. Вопрос к подлежащему при помощи частицы *mi*: — ...Şimdi ben mi düşünceğim onları! (= ben düşünmeyeceğim, düşüncecek ben değilim) '— ...Теперь я что-ли буду думать об этом!' (= я не буду думать, не мое дело думать). — Mutfaktakileri bir başkası mı aldı da böyle konuşuyorsun! '— Разве продукты на кухне кто-то другой купил, что ты так говоришь!'

Вопрос к подлежащему может выражаться при помощи вопросительного местоимения: *Deveye sormuşlar neren eğri diye, nerem doğru ki demiş?* (= hiç bir şeyim doğru değil)⁶. 'У верблюда спросили, какое место у тебя кривое? Он же ответил, а какое (место) у меня прямое?' — *Görsün gözüyle!.. Ne zararı varmış sana (= zararı yok ya)* 'Пусть он собственными глазами посмотрит!.. Что тебе от этого!' (= какой тебе от этого вред?).

4. Вопрос к косвенному дополнению: — ...*(Yiyeceği) kilit altında mı tutuyorlar (= tutmuyorlar)* '— ...Они (еду) под замком держат что ли!' (= не держат) — ...*Keyfetmege mi geldi oğlan buraya sanki! (= keyfetmek için gelmedi)* '— ...Мой сын сюда развлекаться что ли приехал!' (= не развлекаться приехал).

5. Вопрос к прямому дополнению при помощи частицы *mi*: — ...*Reki, ama hırsızlık mı ediyoguz biz!* — '...Ну а что, мы разве воровством занимаемся!' — *Seni dinlemeyen bunu mu dinleyecek?* — 'Тот, кто тебя не слушает, разве будет слушать его?'

Вопрос к прямому дополнению может выражаться при помощи вопросительного местоимения *ne*: — *Dört gündür ne yedim ki ekmekten gayri!* '— Вот уж четыре дня что ж я ел, кроме хлеба!' — *Orası öyle, doğru söze ne denir!* (= bir şey denilmez)⁷. — 'Это так, разве можно что-либо возразить против правды!' (= нельзя).

6. Вопрос к обстоятельству причины: — *Sen gir içeri istersen! — Neden giriyim!* '— Ты, если хочешь, войди! — А чего мне входить!' (= мне нечего входить). — *Ya, saklıyorsun işte, yalan söylüyorsun. — Beyefendi, niçin yalan söylüyeyim!*⁸ — 'Вот видишь, что-то ты скрываешь, обманываешь. — Уважаемый, зачем мне обманывать!'

Как видно из приведенных примеров, рассматриваемая трансформация передает экспрессивно подчеркнутое отрицание. Иногда, в зависимости от лексического наполнения фразы и ситуации, передается не

³ Ж. Ихмалян. Указ. раб., стр. 77.

⁴ Там же, стр. 68.

⁵ Там же, стр. 76.

⁶ Там же, стр. 67.

⁷ Там же, стр. 72.

⁸ Там же, стр. 73.

столько отрицание, сколько подчеркнутая невозможность. Например, приведенная выше фраза: *Oğası öyle, doğru söze ne denir!* означает невозможность возразить что-либо. Трансформации, имеющие форму вопроса и выражающие невозможность действия, по семантике близки к рассмотренным трансформациям, выражающим отрицание, однако они могут быть выделены отдельно. Сюда относятся такие предложения, как: — *Sıgıl çıplak mı bırakacağız evi, Allah Allah!* (= *bırakamayız*) '— Бог мой, да мы совсем что ли свой дом опустошим!' (= не можем опустошить, не можем все отдать). — *Bir misâfirleri gelse yatıya ne yaracaklar!* (= *bir şey yaratazlar*) '— А если к ним гости с ночевкой придут, что они будут делать!' (= ничего не смогут сделать). (*Ev çok küçük*) *Nasıl kalırız biz burada!* (= *kalamayız*) '(Дом очень мал) Как мы будем здесь жить!' (= не сможем жить). — *...Peki, atacak müydük bunları başımızdan!* (= *atacazдық*) '— ...Так что же, разве нам не нужно было о них заботиться!' (= мы не могли их бросить) *Hepsini inkâr edebilse, babanın dediğini inkâr edebilecek mi!* (= *inkâr edemez*) 'Даже если он все будет отрицать, сможет ли он отрицать то, что сказал отец!' (= не сможет).

Значение отрицания, передаваемое аспектно-экспрессивными трансформациями, имеющими вопросительную форму, явствуется не только из самой формы предложения, но поддерживается и рядом других факторов: интонацией, ситуацией и конкретным лексическим наполнением фразы, а также использованием дополнительных экспрессивных средств, например, междометий, частиц и т. д. (см. приведенные выше примеры). Наряду с формой предложения и интонацией, значение экспрессивного отрицания может подчеркивать и соответствующая форма сказуемого, например, прошедшее время на *miş*: *Neler yapmışım ben!* (= *kötü bir şey yapmadım*) 'Чего я только не натворил (оказывается)! [= я ничего (плохого) не делал].

Вместе с тем, как уже отмечалось, трансформации в вопросительной форме, передающие отрицание, являются наиболее универсальными, так как кроме определенного минимума дополнительных средств (интонации, ситуативной обусловленности и пр.) не накладывают на форму предиката никаких ограничений. В противоположность этому, трансформации, выражающие невозможность действия, обычно требуют того, чтобы сказуемое выступало в форме будущего категорического, или (реже) настоящего-будущего времени.

Широкое употребление в турецкой разговорной речи аспектно-экспрессивных трансформаций в вопросительной форме со значением отрицания или невозможности действия привело к образованию некоторых устойчивых сочетаний. вошедших в нейтральную или центральную часть системы турецкого литературного языка в виде сложившихся фразеологизмов, например: *Ne yapalım!* 'Что поделаешь!' (= ничего не поделаешь), *Ne biliyim ben!* 'Откуда мне знать!' (= я не знаю), *Vana ne!* 'Мне что!' (= это меня не касается) и др.

Грамматизация некоторых элементов аспектно-экспрессивных трансформаций привела к использованию их в качестве фиксированных элементов типичных для турецкой разговорной речи видов предиката: — *Bak sen yıllarca mektep sıralarında dirsek çürüttün, bunca yıl mürekkep yaladın.* — *Yaladık ta ne oldu!*⁹ '— Послушай, ты годами протирал локти за партой, столько лет пачкался чернилами! — Пачкался, ну и что?'. *Samileri, minareleri gezmişim gezmemişim, bundan ne çıkar?*¹⁰ 'Ходил я по мечетям, видел минареты или нет, что с того (какое это имеет значе-

⁹ Ж. Ихмалян. Указ. раб., стр. 72.

¹⁰ Там же, стр. 71.

ние)?' В этих предложениях слова *!a ne oldu* 'ну и что' и *bundan ne çıkar* 'что с того' могут употребляться для усиления экспрессии с самыми различными глаголами в составе предиката разговорных фраз.

Следующими по распространенности в турецкой разговорной речи являются аспектно-экспрессивные трансформации, имеющие вопросительную форму и передающие значение экспрессивно подчеркнутого утверждения. В этом случае, как и в рассмотренном выше, на предикат не накладывается никаких строгих ограничений, — он может выражаться либо именным, либо глагольным сказуемым, причем вопрос может относиться к любому члену предложения:

1. Вопрос к именному сказуемому: — *Defol diyorum sana!* — *Hayır, Şabancığım, defolmayacağıım.* — *Belâ mısın sabah sabah?* (= *belâsin*) — Проваливай, говорю тебе! — Нет, дорогой Шабан, я не уйду. — Что это ты за горе такое, с раннего утра пристал! — *Ötekiler de bundan iyi değil!* — *Ötekiler kim, biz mi!* (= *demek ötekiler biz*) — И другие не лучше его. — Кто это другие, мы что ли! (= значит другие это мы).

2. Вопрос к глагольному сказуемому: *Bizim orada üç kahve var. Birinde kumar oynanır... Öbüründe nargile içilir, uyuklanır. Bir de rıhtım bahçesi var diyeceksiniz ama orayı da akşamları çocuk dadıları ile yaşlı hanımlar dolduruyor. Kaldı mı geriye bir eczane¹¹.* 'У нас есть три кофейни. В одной играют в азартные игры... В другой курят кальян да дремлют. Скажете, что есть еще парк на набережной, но там по вечерам няньки с детьми да пожилые женщины. Вот и осталась только аптека' (имеется в виду аптека, в которой можно посидеть и выпить чай или кофе). *Gece yarısından sonra aklınız hükmetti mi, çek oğlum şoför, artık Ankara mı olur, İstanbul mu, İzmir mi?* (= *her şey olur, her yere gidilebilir*)¹². 'Если вдруг после полуночи нам захочется (куда-нибудь поехать) — ну что ж, давай, сынок шофер, вези нас! И тут уж хочешь Анкара тебе, хочешь Стамбул или Измир!' *Gördün mü? Demedim mi ben sana bizi dinliyorlar diye!* 'Ну видел? (= вот ты видел) Разве я тебе не говорила, что нас подслушивают!' *Oldu mu dediğin şimdi!* (= *işte oldu dediğin*) — Ну что, теперь все по-твоему, да! Последняя фраза произносится с яростью, поскольку говорящий против своего желания вынужден сделать то, что от него требует собеседник:

3. Вопрос к подлежащему: *Bunu o bilecek mi, ben mi?* (= *ben bileceğim*) 'Кто это знает, он или я?' (= это я знаю).

4. Вопрос к обстоятельству времени: — *Kaç gündür koltuğunun altında taşıyordun onları, Cemil!* (= *uzun zaman*) — Сколько дней ты таскал это все подмышкой, Джемиль! (= долго таскал). — *Hastalandım. Kaç gündür işten güçten de oldum!* — Я заболел. Сколько дней я ни работать, ничего не мог!

5. Вопрос к косвенному дополнению: *(Ona demeyip te) kime diyeceğim ben olup biteni!* (= *elbet ona diyeceğim*) '(Если не ему) так кому же мне рассказать о происшедшем!' (= конечно, я ему расскажу).

6. Вопрос к прямому дополнению: — *Ne diyorum ben sana!* (= *işte sana bunu diyorum*) — Я тебе что говорю! (= я же тебе это говорю). — *Geçinemi yeşeginizi söylemişim. Ne oldu sonunda?* (= *işte bu oldu*) — 'Я тебе говорил, что вы не сумеете прожить. И что получилось в результате?' (= вот и произошло то, что я говорил). (*Kim bilir*) *ne uydurdu karısı* (= *çok şey uydurdu elbet*) '(Кто знает) что его жена (там) наговорила!' (= много чего наговорила).

¹¹ H. Taner. *Hikâyeler*. Ankara, 1970, стр. 292.

¹² O. Kemal. *Yağmur yüklü bulutlar*. Ankara, 1974, стр. 89.

На трансформациях рассматриваемого типа построены многие весьма распространенные устойчивые сочетания, а также фиксированные элементы разговорных предикативных конструкций, например: — *Ne korktum ben!* (= *çok korktum*) — 'Как я испугался!' (= сильно испугался). *O ne kâbustu!* 'Какой это был кошмар!' — (*Onlara*) *yorganı verelim.* — *Nedenmiş o?* — *Donar onlar bu soğukta da ondan, neden olacak.* — 'Давай дадим (им) одеяло. — Зачем это? — Да замерзнут они в такой холод, вот зачем'.

Следующую группу аспектно-экспрессивных трансформаций составляют предложения в вопросительной-отрицательной форме, передающие значение экспрессивно подчеркнутого утверждения. В отличие от рассмотренных выше типов, в данной трансформации вопрос может относиться только к сказуемому.

1. Вопрос при именном сказуемом: — *Ne ki yediğimiz zaten! Bir kuru ektek değil mi oğlum!* — 'Да что мы собственно едим! Черствый хлеб только, сынок!' *Dargin değiller mi hâlâ!* (= *dargındır*) 'Разве они до сих пор не в ссоре!' (= они до сих пор в ссоре). *Senin sözün değil mi bu?* (= *senin sözüdür*) 'Разве это не твои слова?' (= это твои слова).

2. Вопрос при *yok*: *Yok mu mutfakta yiyecek bir şey!* (= *elbet vardır*) 'Неужели на кухне нет ничего поесть!' (= конечно же, есть).

3. Вопрос при глагольном сказуемом: *Demedim miydi ben sana inatmazlar bunlar diye* 'Разве я тебе не говорила, что они не поверят!' *Onlar yemiyorlar mı! Onlar girmiyorlar mı mutfığa hiç!* (= *yiyorlar, giriyorlar*) 'Разве они не едят!... Разве они не ходят совсем на кухню!' (= едят, ходят). (*Karısına hitaben*) *Hiç görmemiş miydin anam!* (= *elbet gördün*) '(Обращаясь к своей жене) Разве ты не видела мою мать!' (= конечно видела).

В рассматриваемой трансформации весьма часто употребляется перифрастическая форма глагола: — *Konuştuk tabii, baba, konuşmaz olur muyum!* — 'Конечно, отец, мы поговорили, отчего же нам не поговорить!' — *Ama (yola) çıkabilirdi mi bakalım?* — *Çıkamaz olur mu hiç!* — 'Но сумел ли он, интересно, уже выехать? — Да уж наверняка выехал!' — *Bunu bilmez olur muyum!* — 'Как мне этого не знать!' — *Ders çalışmaz olur muyum!* — 'Конечно, я занимаюсь!'

Вопросительно-отрицательная форма глагола в настоящем-будущем, прошедшем субъективном времени на *mis* или в повелительном наклонении, а также та же форма именного сказуемого может употребляться в качестве грамматической разговорной предикативной конструкции и выражать значение утверждения с нюансом неожиданности действия или удивления говорящего: — *Doktora en iyinizin de yüzünü şeytan görsün demez mi!*¹³ — 'Он возьми да скажи врачу, что мол даже самого лучшего из вас глаза б мои не видела!' ...— *Ertesi gün, şabâh pencereden bakınca ne göreyim? Herif kendini ceviz ağacına asmamış mı?*¹⁴ '... — На следующий день утром смотрю из окна и что вижу? Он повесился на ореховом дереве!' *Bu anda bir bölük asker garın içini doldurmuş mu?*¹⁵ 'В этот момент рта солдат вдруг заполнила вокзал'. ...— *Talihine köprüden de تنها bir tramvay arabasını bulmasını mı?* *Ver elini Saraçhanepaşı!*¹⁶ '...— Представляете, ему повезло и он на мосту сумел сесть в пустой вагон трамвая. Вот он и доехал до Сарачхане-

¹³ Ж. Ихмалян. Указ. раб., стр. 70.

¹⁴ О. Кетал. *Oyuncu kadın*. Ankara, 1975, стр. 35.

¹⁵ Н. Танер. *Hikâyeler*. Ankara, 1970, стр. 77.

¹⁶ Там же, стр. 74.

баши'. (O sırada anne bir ıslık sesi duydu)... Daha anne diyemeyen on bir aylık kızı değil mi ıslığı çalan!¹⁷ '(Тут мать услышала свист)... И представляете, это свистела ее дочь, когорой всего одиннадцать месяцев и которая даже не может выговаривать «мама»!'

Аспект-экспрессивные трансформации могут иметь утвердительную форму и выражать экспрессивно выделенное отрицание. Это значение отрицания подчеркивается соответствующей интонацией, а также зависит от лексического наполнения фразы, например: — Seni beraberinde almak istemiyor. — Çok lâzım(dı)! (= hiç te lâzım değil) — 'Он не хочет тебя взять с собой. — Больно надо!' Bu ufak istasyonda trenden inmesi çok gerekliydi (sanki çok gerekliydi) (= hiç te gerekli değildi) 'И надо было ему сойти с поезда на этой маленькой станции!'

Часто рассматриваемый вид трансформаций выражает экспрессивный оттенок досады, удивления, иронии: Tam sırasıydı hastalanma-sın! 'И надо же ему было заболеть именно сейчас!' Tam sırasıydı 'Как раз вовремя!' Bir de saatimi kaybetmem eksikti! 'Мне не хватало только потерять часы!' Bir sen eksiksin! 'Тебя только не хватало!' — Ben bugün bir toplantı olacağını unuttum. — İyi haltettin de unuttun! '— Я забыл, что сегодня будет собрание. — Ну молодец!'

В некоторых случаях только интонация указывает на утвердительность или отрицательность предложения. Например, предложение Bütün suç bende şimdi (!) 'Теперь я во всем виноват (!)' с интонацией утверждения означает утверждение, а с интонацией восклицания — экспрессивно подчеркнутое отрицание. Часто рассматриваемые трансформации требуют наличия дополнительных выразительных средств, подчеркивающих отрицание, например, модальных слов [в примерах ниже sanki 'словно', gel de (здесь) 'а теперь'], частицы и междометия, употребления субъективного прошедшего времени на *miş*, желательного наклонения: Demek bizim de suçumuz varmış, ha! (= yoktur) 'Значит, и мы тоже виноваты, да! (= не виноваты). Sen bırak git anamı babamı... gel de ben suçlu olayım! 'Ты оставил моих родителей (в одиночестве)... а теперь (выходи!) я виноват!' Sanki başka bir şey istedim canım (= başka bir şey istemedim ya) 'Словно я еще что-то попросил, дорогая!' (= я же ничего больше не просил).

При соответствующем лексическом наполнении фразы, а также тогда, когда употребляется повелительное (желательное) наклонение или категорическое будущее время, рассматриваемая трансформация в утвердительной форме может выражать подчеркнутую невозможность действия: — Kendi evimizi soyduralım kendimiz de bu yaşım:zda bir de açıkta kalalım! (= soyduramayız, kalamayız) — 'Как же мы отдадим все из собственного дома, а сами ни с чем останемся в нашем возрасте!' — Ayni yerde yat, ayni yerde otur, ayni yerde yel!... — 'Как же это, все в одном месте — и спи, и живи, и ешь!' — Şuna bak, hem babasının evinde oturacak, hem de anam babam iftira ediyor diyecek ha! (= bunu diyemez) '— Ничего себе, живет в отцовском доме да еще будет говорить, что родители клеветают!'

Отрицательная форма предложения в значении утверждения употребляется реже по сравнению с рассмотренными выше типами аспектно-экспрессивных разговорных трансформаций и типична для резко экспрессивной (особенно, грубой) речи: — Vana mı söylüyorsun? — Nauyır, babana!¹⁸ '— Это ты мне (говоришь)? — А кому же еще!' İşim yok ta seninle mi uğraşacağım! (= işim var, seninle uğraşamayacağım) 'Что мне делать нечего, как заниматься с тобой!' (= я занят и не могу

¹⁷ Газета «Gün Aydın», 12.8.1977.

¹⁸ O. Kemal. Kırmızı küpeier. Ankara, 1974, стр. 207.

заниматься с тобой). Evde bir şey olacak ta ben: İlyas'a demeyeceğim, Allah Allah! 'В доме что-то произойдет, а я не должен говорить (об этом) Ильясу, ну и ну!'

Весьма важными в изучении явлений разговорной речи и, в частности, аспектно-экспрессивных трансформаций, являются статистические исследования, позволяющие судить о месте рассматриваемых типов предложений во всем многообразии речевых произведений. С этой целью нами была произведена выборка 1100 разговорных высказываний (полный текст записанной на пленку радиопостановки «Oğullar»—«Сыновья») и подсчитано число употреблений аспектно-экспрессивных трансформаций. Выяснилось, что около 20% всех высказываний являются аспектно-экспрессивными трансформациями. В письменной же речи, даже в тексте, содержащем около 1000 предложений, подобные трансформации встречаются редко.

Наиболее распространенным типом оказались предложения в вопросительной форме со значением отрицания — 11%; затем — употребление вопросительной формы в значении утверждения — 4% и вопросительно-отрицательной формы в значении утверждения — 3,5%. Предложения в утвердительной форме в значении отрицания составили 1,7%, отрицательная форма в значении утверждения — менее 1%.

Эти данные, конечно, весьма приближенно отражающие фактическое распределение данных типов предложений в турецкой разговорной речи, все же позволяют сделать вывод о том, что турецкие аспектно-экспрессивные разговорные трансформации широко употребляются.

Несоответствие между формой предложения и выражением значений утверждения или отрицания наблюдается и в разговорной речи других языков, в частности, в русской. Можно сказать, что аспектно-экспрессивные разговорные трансформации представляют собой языковые универсалии. Наиболее типичной из них является употребление вопросительной формы в значении отрицания, а также вопросительной и вопросительно-отрицательной форм в значении утверждения. Так, в подавляющем большинстве переводов на русский язык турецких примеров удалось сохранить соответствующую форму предложения. В тех же случаях, когда передаваемое значение связано с использованием дополнительных средств и, в частности, лишь определенного времени или наклонения турецкого глагола, соответствующие формы аспектно-экспрессивных трансформаций приобретают черты, типичные лишь для турецкой разговорной речи, при этом их перевод на русский язык требует изменения формы предложения. Последнее относится, прежде всего, к употреблению утвердительной формы предложения в значении невозможности действия.

Из приведенного выше можно сделать следующие выводы. В турецкой разговорной речи довольно часто форма предложения (вопросительная, отрицательная, вопросительно-отрицательная, утвердительная) не соответствует фактически передаваемому утверждению, отрицанию или значению невозможности действия. Это несоответствие между планом выражения и планом содержания служит средством передачи экспрессии, в связи с чем такие предложения целесообразно называть аспектно-экспрессивными разговорными трансформациями.

Экспрессия, передаваемая аспектно-экспрессивными трансформациями, направлена на выделение отрицания, утверждения или значения невозможности действия; при этом значение невозможности может выражаться вопросительной или утвердительной формой предложения (в этих случаях глагол в сказуемом часто стоит либо в будущем категорическом, либо в настоящем-будущем времени,

либо же, наконец, в повелительном наклонении). Вопросительная форма, передающая отрицание или утверждение, допускает путем постановки вопроса к тому или иному члену предложения его логическое выделение. Кроме того, экспрессия может быть связана с выражением неожиданности действия или дополнительных эмоционально-оценочных нюансов — досады, удивления, иронии и т. д.

Весьма важным элементом аспектно-экспрессивных разговорных трансформаций является интонация, иногда имеющая определяющее смысловое значение. Соответствующее значение рассматриваемых трансформаций может также подчеркиваться междометиями, частицами, модальными словами, употреблением определенного времени и наклонения.

Э. Н. НАДЖИП

ТЮРКСКИЙ ЯЗЫК ДЕЛИЙСКОГО СУЛТАНАТА XIV ВЕКА*

IV. Термины, связанные с духовной жизнью человека

В этом разделе основное место уделяется словам, широко употребляемым в средневековых памятниках и почти полностью забытым в современных тюркских языках. Рассмотрим их значение в контекстах памятников тюркской письменности.

Idi 51 б/9 'бог', 'господь', 'владыка'. В енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках *idi* 'хозяин', 'владелец'. МК 1/87 *idi*, 'бог'; КБ *idi*, *idi* 'владелец', 'владыка', 'обладатель'; Атеб. 'бог', *mal idisi* 'обладатель богатства'; КЮ** *iba*, *idi* 'хозяин', 'бог'; Рабг. *idi ilahi* 'владыка мой', *ev idisi* 'хозяин дома'; XIII***, НФ *idi*, ШС *idi*, *idi* 'бог'; Мад. 1 'хозяин', *mal isi* 'хозяин богатства', *ilägi* 'их хозяева'; для монг. *e*: *mal ižet* 'владельцы скота', а для чагат. *ib* и *idi* 'бог'; ср. с титулом уйгурских князей XIII века *Idiqt* 'обладатель счастья', 'счастливец'. В староузбекской, старотатарской литературе религиозного и дидактического содержания вплоть до революции встречалось сочетание *idi tä'ala* 'всевышний бог'. В современном хак. *ezi* 'хозяин', алт., тув. *ää* 'хозяин'. Ср. с тур. *edemen* 'господствующий', в остальных языках *egä*, *ejä* 'владелец'.

Vajat 51 б/13 'бог'. Так в Атеб., Аб.; у Будагова для чагатайского так.

Tängri 52 а/13 'бог'. В енисейско-орхонских памятниках *tängri* 'небо'; параллельно *kök tängri* 'небесное божество'. МК III/317 *tängri* 'небо', I/53 *tängri* 'бог'. В средневековых памятниках только 'бог'. Ср. с татарским *täri* 'икона', которое является стянутой формой этого слова.

Jaratğan 53 б/1 'творец', 'бог', 'создатель'. У Будагова для чагатайского языка *jaratqan*, *jaratquču* 'творец', *jaratuylu* 'сотворенный', для турецкого языка *jaradan*, *jaradyzu* 'творец, бог'.

Bitürgän 52 а/1 'творец', 'создатель'. Восходит к глаголу *büt-*, зафиксированному в древнеуйгурских памятниках в значениях 'совершаться', 'осуществляться', у МК II/294 в значениях 'созревать', 'уродиться', II/294 'рождаться', 'появляться на свет'. В древнеуйгурских памятниках *bütküg-* 'выращивать'; в КБ *bütüg-* 'выращивать', 'осуществлять'. От этой основы причастная форма *bütürgän* 'создавший', 'творивший', у ШС *bit-* 'возникать', 'расти'.

Eltgän 51 б/5 (*pärgvärdikar*) 'творец', 'создатель', 'бог'. Впервые встречается в историческом словаре в этом значении.

* Статья вторая (см.: «Советская тюркология», 1982, № 2).

** КЮ — Кысса-и Юсуф Али.

*** XIII — «Хосрау Шири».

Вигхан 53 а/2 'идол'. Слово китайского происхождения. Первоначально в древнеуйгурских памятниках означало 'будда', в дальнейшем 'посланник', 'пророк'. В КБ, у МК I/436 'идол'. Теф. *wigхан jaŋgiçu* 'ваятель идолов'.

Sawçu 52 б/10 'пророк'. В древнеуйгурских памятниках *sawçu* 'вестник', 'прициатель'; КБ, МК III/441 *sawçu* 'посланник', 'пророк'. В КБ, у МК I/97 параллельно еще *jalawač* 'посол', 'пророк'; в енисейско-орхонских памятниках *jalabač* 'посол'. В КБ оба эти слова в одном предложении:

Jalawačlarda ödrüntüsi uluğ sawçuşy

'Избранник из среды посланников великий пророк'.

У МК III/441 *sawçu* еще 'сват'. Ср. с современным татарским *jawçu* — в том же значении. У ШС *sawçu* 'посланник', 'посредник', 'передатчик'. В Мад., Аб — нет. Абу-Х *sawçu* 'пророк', *sawçutuz* 'наш пророк', переносно — 'кадий', 'судья'. См. *jalawač*.

Jalawač 52 а/16 'посланник', 'пророк'. В енисейско-орхонских памятниках *jalabač* 'посол'. В древнеуйгурских памятниках *tängri jalawaçu* 'посланник бога'. В КБ, у МК I/66 *jalawač* 'посол'; в КБ, у МК I/97 'пророк'; у ШС, Аб. — нет; в Мад. *jalawač* 'пророк'; Абу-Х, Хаут., Ибн-М *jalawač* 'посланник'. См. *sawçu*.

Käčä bajram (كچا) 53 а/12 'малый праздник'. У мусульман СССР *курбан байрамы* 'праздник жертвоприношения'. Второй праздник в словаре назван *uluç bajram*. В рукописи, безусловно, произошла описка. Следует *kiči* 'малый'.

Uluç bajram 51 б/5 'великий праздник'. Следующий после месячного поста рамазана.

İkindi 51 а/12 'намаз, совершаемый за час до захода солнца (третий по счету)'. В древнеуйгурских памятниках, в КБ, МК II/89 *ikindi* 'второй', 'другой'. В древнеуйгурских памятниках *ikindi ač* 'второй месяц года'. Фонетический вариант — *ikinti*.

Jassу 53 а/18 название пятой, последней молитвы дня, совершаемой через час-два после четвертой молитвы, у мусульман СССР *окшам намазы*.

Oғуз 51 а/10 'пост'. Так в современных турецком, азербайджанском языках.

Uzтаq 51 а/10 'рай'. В КБ *uštmaq*; КБ, еще и у МК I/119 *Uzтаq*; в АЗ, Ибн-М, Абу-Х, МН *uzтаq*; в НФ *uztmaq*; у Саккаки *uštaq*, у ШС *uštaq*; у Будагова для чагатайского *uzтағ*. В современном тат. *uzтаq*, каз. *žutaq*, кир. *uzтаq*.

Jäk 51 б/17 'демон'. В рукописи первая буква без точек. Так в древнеуйгурских памятниках, в КБ, у МК II/236; у ШС *jäk* 'плохой', 'дурной', 'презренный', 'неприятный'. У Будагова для хивинского диалекта узбекского языка, тобольского диалекта татарского языка 'дурной', 'злой'. От этой основы *jigä* 'испытывать отвращение'; в каз. яз. *жирену* 'брезговать'.

Ögüt 51 а/8 'назидание'. В ен-орх. пам. *öt*; в др. уйг. пам., КБ, у МК I/440 и в последующих памятниках, исторических словарях и во многих современных языках с фонетическим вариантом *ögüt* 'назидание', 'наставление', 'совет'.

Ögdü 51 а/11 'хвала'. В КБ, МК I/515 *ögdi*; в др. уйг. пам. *ögdir* и *ögdü*; Атеб. *ögdü* 'хвала'. В современном турецком языке *övgü* 'хвала', глаг. *ov-* 'хвалить'.

Уг 51 а/11 'песня'. Так в др. уйг. пам.; *ugla-* 'петь'; в др. уйг. пам., еще у МК II/14 *jug, jugla-*; у МК I/189 еще *juŋla-*; у ШС только *juŋla-*

'петь', 'петь с бокалом в руке по старой традиции народные песни'; в Мад. југ 'пение', југла- 'петь', а југав 'певец', 'певец с музыкальным инструментом', 'музыкант'. В современном узбекском жуғ считается областным — 'песня', 'стих'; жуғлаушу 'певец'; жуғав 'певец', 'сказитель'; каз. жуғ 'песня', 'сказание в стихах', жуғав 'сказитель'; тур. уг 'мелодия', 'песня', угла- *уст.* 'петь'; гув. уг 'песня', угазу 'певец'.

Bitig 51 б/17 'знание'. Со времен енисейско-орхонских памятников во всех памятниках и исторических словарях и в современных языках с фонетическими вариантами так.

Türk 52 а/8 'название струнного музыкального инструмента'. У Будагова türki 'песня', türki baýla- и türki söjlä- 'петь' или 'сочинять песни'. В современном турецком türki 'народная песня'; türki çagat. türki, tügük 'блюда', 'стол с угощением'. Так в Сир. К*, у Рабг. alty turuki bilän ta'am keltürüng 'принесите шесть столов с угощением'. Значение этого слова восходит к зафиксированному у МК I/353 türk 'обильный', 'сильный'. Türk qujaš öli 'время самого солнцепека', 'самое жаркое время'.

Bitig 51 б/17 'письмо'. В рукописи явно ошибочно написано bek. В ен.-орх. пам. bitig 'письмо', bitig taš 'камень с надписью', 'надмогильный камень с соответствующей надписью'; у МК I/22 bitig 'книга', I/226 'письмо', I/384 'почерк', III/217 bitü 'священная книга'. Ср. с тат. büti 'амулет', в КБ bitig 'книга'; у ШС 'письмо'. КЮ bitü 'письмо', 'расписка'; у Рабг. bitig 'письмо, расписка'. В современном узбекском, уйгурском bitig/bitik, *уст.* 'письмо, надпись', bitmä kitap 'рукописная книга'. В отдельных говорах уйгурского языка, в монгольском bičig 'письмо', в кирг. фольклоре монг. bižik 'священная книга калмыков'; в алт. bičik 'грамота', 'книга'.

Ugrim 51 б/5 'арфа', 'лира', 'чанг'. В исторических памятниках, словарях и в современных языках не встречается.

V. Термины, характеризующие человека и качество предмета

В словаре зафиксировано большое количество слов, связанных с хозяйственной деятельностью человека. Приведенные ниже слова, встречающиеся и в раннесредневековых словарях и памятниках, не требуют комментариев. Они употребляются с некоторыми фонетическими изменениями почти во всех современных тюркских языках.

Artuq 51 а/17 'лишний', 'больше'; **Aq** 51 а/18 'белый'. Нет широко распространенного в средневековых памятниках ügüng;

Bijük 53 б/2 'высокий'; **Ayug** 51 а/12 'тяжелый'; **Qara** 52 б/16 'черный'; **Qysya** 53 а/8 'короткий'; **Mängü** 53 а/15 'вечный'; **Jiničkä** 'тонкий'; **Ala** 53 а/12 'пестрый'.

Некоторые слова, будучи общетюркскими, оформлены аффиксами, характерными для уйгурского языка, для средневековой среднеазиатской литературы. Сюда относятся:

Ačsuy 51 а/14 'горький', 'кислый'; **Ulu** 51 а/15 'большой', 'великий'; **Uqşlyu** 'разумный', 'проницательный'; **Saryu** 51 а/15, 52 а/5 'желтый'; **Tuzlyu** 52 а/6 'соленый'; **Čärgilig** 52 а/15 'воинский'; **Jayan** 53 б/12 'толстый' (в современном уйгурском 'большой'); **Ojyu** 51 а/15 (в средневековых пам. ojuay, ojuaq) 51 а/15 'бодрый', 'трезвый'; **Jaşlyu** 53 а/18, 'раненый' (см. jaš); **ayutmaz** 51/12 'нечистый'.

Следующие слова, широко употреблявшиеся в средневековых памятниках, встречаются не во всех современных тюркских языках:

* Сир. К.— Сирадж ал-Кулуб.

Aksük 51 б/1 'меньше', 'с дефектами'. В др. уйг. пам. 'недостаток'; у МК I/105 'недостаточный' (слово характерно для огузской группы тюркских языков).

Al 51 б/4 'розовый'. Так в ен.-орх. пам., в КБ, Атеб.; в современных узб., тур., тат. языках 'алый'; нет в казахском языке.

Tetik 52 а/7 'сметливый'.

Qula 52 б/15 'пестрая с желтой спиной' (масть лошади). Так у МК III/233; в современных каз., тат., уйг. 'саврасый'; нет в узб., туркм., тур. языках;

Qonur 52 б/18 'буланный конь с пестрой спиной'. У МК III/303 'каштановый'; в каз. 'темно-серый'; 'темно-бурый'; в узб., уйг. 'бурый'; нет в тат., тур. языках.

Körmäs 53 а/10 'слепой'. Характерно употребление этого слова вместо общеупотребительного в современных языках soqug или перс. kög.

Silgü 52 б/9 'чистый'. В ен.-орх. пам., в КБ, у МК I/390 silig 'чистый', 'благородный'; в КБ siliglik 'чистота', silig sav 'красноречие'; в др. уйг. пам. парное агуу-silig 'чистый', 'праведный'; у ШС silgü 'чистый', 'ясный', 'блестящий'; у Ибн-М siliglik 'чистота'; у Абу-Х silü 'очищенный'. В современном тувинском языке silig 'опрятный', 'чистый', 'красивый'; в тур. silü неологизм 'чистый', 'пезинный', sililik 'чистота'; в узб. sylluq 'миловидный'; кир. sylluq 'деликатный', 'вежливый', 'учтивый'.

Jarlyqan 53 б/2 'повелевающий', 'властелин', 'повелитель' (färman-dä); от зафиксированного в ен.-орх., др. уйг. пам., КБ глагола jarlyqa- 'соблаговолить', 'приказывать', 'проявлять милость'. Нет у МК. Глагольная основа jarlyqan- в др. уйг. пам. 'проявлять милосердие'; jarlyqanuçsyz köngüllüg 'человек с безжалостным сердцем'. В современном турецком языке jarlyğa- 'прощать'; в современном уйг. jarlyq 'ханская грамота'; в тат., узб., jarlyqa- 'выказать милость', 'миловать'; в каз. žarlyqadung 'ну и проявил милость'; в киргизском парное bujruq-žarlyqtar 'указы', 'приказы'.

Uvuq 51 а/18 (växsi) 'дикный'. В КБ, МК I/67 'серна'. Характерно, что это слово не зафиксировано в таких словарях, как ШС, Аб, Мад, которые отражают лексику чагатайского языка; нет и у Будагова, в мамлюкских словарях. В XIII uvuq и uvuq 'газель', 'кабарга', 'дикая коза', переносно 'красавица'. В XIII:

Uvuq teg ketting, ej žanum örki 43/20

'Как газель ушла ты, о основа моей души'.

В XIII еще:

Uvuq janglyğ saçar zülfi ulaš kin 26/15

'Ее кудри непрерывно распространяют мускус'.

Там же uvuq в значении «красавица»:

Sarajyng top-tolyğ körklüg uvuqlar 167/2

'Дворец твой полон писанных красавиц'.

Egi 51 б/11 'хороший', 'добротный', 'допустимый'. Первоначальный корень eg зафиксирован в КБ в значении 'добро', 'благо'; в дальнейшем eggü 'хороший', 'добрый'. В ен.-орх., др. уйг. пам., у МК I/79, ШС, Атеб. ezgü, ejgü; у Ибн-М eǰgü, в АЗ egi, iji; в совр. тат. яз. izgi 'святой', 'благженный'; в каз., кар.-балк. egi, тур. iji 'хороший'.

Tig 52 а/9 (у СБ big) 'острый'. Можно было бы читать itig, допускаемая возможность описки. Однако слово стоит в группе слов, начина-

ющихся буквой Т. У ШС *itik* 'острый', 'резкий'; 'острый' с примером из Навои:

*Könglütä sančarğa, ej gul, qulma mužganingni tez
Kim jetgänning egnäsini ھاڑات emäs qulmaq itig*

'Не оттачивай свои ресницы, о роза, чтобы вонзить в мое сердце,
Нет необходимости оттачивать иглу той, которая достигает его'.

У Навои *itigla-* 'убыстрять'; однако этот глагол ШС в двустипше из Лутфи переводит как 'пинать', 'бить ногами' (например, верхом на лошади):

*Etikläp erdi Nävrüz öz jürüşin
Ešitti nagāhan atlar tavušyn*

'Когда убыстрил Навруз свой ход,
Неожиданно услышал ржание (топот коней)'.

В современном уйгурском языке *ištik* 'быстрый', 'скорый', 'резкий', *ištiklät-* 'убыстрять'; у Будагова для азербайджанского языка *iti* ч *itik* 'острый', *itit-* 'сделать острым'; в современном азербайджанском языке *iti*.

Трудно объяснимы происхождение и принадлежность следующих слов этого раздела:

Ujyr-Ojyr (написано неясно) 51 а/11 'дешевый';

Biltük 51 б/18 (*maqvas*) 'дугообразный', 'сводчатый';

Xutang 52 а/8 (*tez*) 'острый', 'скорый', 'резкий';

Tura 52 а/12 'черный', 'пестрый', 'конь пегой масти'; ср. с каз. *toyu* 'гнедой'.

Ruan 52 б/1 (*tävan-tävanä*) 'мощь', 'мощный', 'сильный'.

Syn 52 б/8 (*парак*) 'нечистый'. У МК III/65 'могила'. Бэть может, в данном случае переносное значение.

Kat//Kut//Kot (*pāxs*) написано без диакритических знаков. Если *pāzs* (араб.), то 'нечистый', 'оскверненный'.

VI. Названия одежды, частей одежды, украшений

В этом разделе зафиксировано всего семнадцать терминов.

Ätük 51 б/2 'сапог'. В др. уйг., у МК III/97 *etük*, III/283 *ötik* 'мягкая обувь из кожи'; в Мад. *ätük* 'сапог'; у Будагова для татарского языка *etik*, чагат. *etük*, алт. *ödük* 'сапог'; у ШС *etük*. В современных уйг. *ötük*, узб., каз. *etik*.

Etäk 51 б/2 'подол', 'пола одежды'. Так в КБ, у МК I/68 и в современных тюркских языках.

Uştan 51 б/6 (*azar*) 'кальсоны'. У МК I/314 *yštonlan-* 'надевать шаровары'; у ШС *yştan* и *yšton* 'кальсоны'; там же *köngläk vä yştan* 'рубашка и кальсоны', 'нижнее белье'. В современных тур. *iç topu*, каз., тат., кир. *yştan*, уйг. *iç yştan*, узб. *erkäklär yştany* 'кальсоны'.

Başmaq (*käfs*) 'обувь', 'башмаки'. У МК I/378 *başaq* и *başmaq* 'туфля'; у ШС *başmaq* 'обувь', 'туфля'. В современных тат., уйг., каз. языках 'туфли'.

Börk 51 б/17 'шапка'. В КБ, у МК II/93, Мад., ШС с примером из Навои. Так и в узб., тат. языках с орфографическими вариантами; нет в турецком языке.

Qaftan 53 а/6 'кафтан'. В Мад. *kaptan* 'войлочное одеяние'. В современном турецком языке 'верхняя одежда', 'халат'.

Qur 52 б/18 'пояс'. Так в др. уйг. пам., КБ, у МК I/249, ШС, Мад., у Будагова с примером из Лутфи, в современных кирг., алт., тув. яз.; хак. *xur*.

Usyrga 51 6/8 'серьги'. Явно кыпчакское слово. В современных кирг., каз. *syrga*; в Мад., у Будагова для чагатайского языка, в МН *usyrga* 'серьги'.

İnzü 53 6/3 'жемчуг'. Так в др. уйг. пам., у МК I/9, а в II/30 'молодая рабыня', в III/279 *jünzü*, I/417 *žinzü*; в МН, у ШС с примером из Навои *inzü*, а в другом примере парное *jaqut-u inzü* 'яхонт и жемчуг', *inzülük* 'рабство'. Ср. с МК III/30; в XIII *inzü*, *jinzü*, *jünzi*, *jürzü*. В современных тур. *inzi*, уйг. *ünzä*, узб. *inzü*.

Biläzük 51 6/18 'браслет'. У МК II/82 *biläzük* 'браслет'; в Мад. на 119 стр. для монг. и тюрк. *biläzük* 'кольцо', а на 222 стр. *ajaq biläzük* 'ножной браслет', на 354 *biläzük* 'браслет'; у Будагова для чагатайского *biläzük* и *biläzik*; у ШС *biläk jüzük* 'браслет'. В современных тат., каз. *biläzik*, кир. *bilezik*, *bilezdk*, уйг., узб. *biläk üzük*.

Мопзаq (у СБ *musunzaq*) 53 а/14 (*mōhrā*) 'бисер', 'бусина'. В др. уйг. пам., у МК II/123 *мопзаq* 'бусы', 'ожерелье', III/121 'тали ман', 'амулет'; в др. уйг. пам. *мопзаq* 'ожерелье', 'бусы'; II/276 *мопзчуqan* 'приобрести бусы'; в Аб. с примером из Навои *dügg-ü la'l-ü figüzä mōpzaq* 'ожерелье из жемчуга, яхонта и бирюзы'. В современном каз. *мопзаq* 'бисер', 'бусы'.

Топ 52 а/10 'одежда'. В др. уйг. пам., у МК I/118 'одежда'; в др. уйг. пам. парное *top-kedim*, *top-oraq*, *top-topaпу* 'одежда' *top-tolum* 'снаряжение', 'доспехи'; в КБ *топап* 'одеваться', у МК II/312 *топа* 'одевать'; в др. уйг. пам. *ič top* 'белье' (см. Ušton); у ШС *top* 'шуба', 'одежда', 'платье'; в Мад. 'шуба'; *teri top* 'овчинная шуба'; *топчу* 'овчинник'; у Будагова *top* 'одежда', 'кафтан', 'шуба'. В современных тур. *top* 'платье', 'одежда', 'шуба', *ič dopu* 'кальсоны'; *top* в узб., уйг. 'халат'; в каз. 'шуба'.

Jeng (у С. Б. *balang*) 51 6/18 'рукав'. Так в КБ, у МК II/109, ШС с примером из Лутфи, так и в современном гурецком языке.

Qonyč 52 6/16 'голешище'. Так у Будагова, в современных тур., узб. яз.; в каз. *qonyč*, в тув. *хончи*.

Jaqu 53 а/17 (у С. Б. *jaqr*) 'воротник'. В КБ, у МК I/153 *jaqa* 'ворот', 'воротник'; так в современных тюркских языках.

Sanžap 52 6/2. Явно нетюркское слово. По-видимому, ошибочно записано перс. *sānžab* 'серая белка'. В данном случае имеется в виду 'шкура белки'. В рукоп. перс. *pustini* 'меховой', 'шубный'.

VII. Названия вооружений

Названия, зафиксированные в этом разделе, с незначительными фонетическими изменениями существуют и в наши дни почти во всех тюркских языках.

Süngü 52 6/9 'пика'; **Qylyč** 52 6/17 'сабля'; **Qalqan** с вар. *qolqan* 53 а/7 'щит'; **Bor** 51 6/14 (*alät-i žāng*) 'орудие войны'. В киргизском эпосе 'род пушки'. В Восточном Туркестане 'маленькая хлопущка' (выпускаемая в праздничные дни).

Taštaq (в рукописи *tälšaq*) 'лук' (оружие). У ШС *taštaq* 'род слабо натянутого лука', 'лук'; так у Будагова с пометой: *чагат. яз.*

Kiriš 53 а/16 'тетива лука'. Так в др. уйг. пам., у МК I/198, ШС, Будагова и в ряде других средневековых памятников.

Bašaqa (*päjkar*) 'острый конец копья'. Так у МК I/378; в Аб. с примером из Навои *bašaqluq oq* 'остроконечная стрела'; 'стрела с железным наконечником'. Так в ряде золотоордынских, среднеазиатских памятников.

VIII. Названия пищи и напитков

Зафиксировано всего девять названий пищи и напитков, некоторые из этих названий бытуют и в наши дни почти во всех тюркских языках без существенных изменений. Так *et* 51 а/7 'мясо'; *aş* 52 а/1 'еда', 'пища'; *tuz* 52 а/5 'соль'; *süt* 52 б/2 'молоко'.

Употребление остальных названий в современных языках ограничено, они встречаются лишь в некоторых из них.

Ätmäk 52 а/2 'хлеб'; МК 1/329 *ätmäk*; у Будагова для тат. *iktäk*, для тур., азерб. *äktäk*, *ätmäk*, *etpiäk*, а для уйг. *ötümäk*; для алт. *ötrök*, в Мад. для монг. *ötümäk*, для тюр. *etmäk*; в совр. тур. *ekmek*, а в мешер. диал. тат. яз. *itmäk*; нет в совр. туркм., уйг., азерб., узб., каз., кирг. языках.

Ajran 51 б/6 'айран'. Термин, связанный с кочевым образом жизни — 'напиток из кислого молока'. Так у ШС, Будагова, в современных каз., кирг., уйг., тур. языках.

Следующие слова зафиксированы лишь в нескольких исторических словарях и памятниках:

Sökülmis 52 б/4 'жаркое'. У МК II/248 *söklün-* и *sökül-* 'жарить', *söklängü* III/242 'жаркое'; у ШС *söklä-* 'варить суп', *söklämä* 'вареное мясо'; у Ибн-М *sökülä-* 'жарить', *sökülmis* 'жаркое'; у Абу-Х *sögländi* 'жарился', *söğüldi* 'пожарил он' (не ошибка ли?); в АЗ *söklün-* 'жариться'. Как видно из приведенных примеров, это слово употреблялось лишь в ограниченной группе языков (в Средней Азии, мамлюкском Египте). Корень слова, безусловно, кыпчакский.

Ayu 51 б/7 'отрава', 'яд'. В современных уйг. яз. *oḡa*, каз. *шв*.

Çaḡur 52 б/3 'вино'. Впереди этого слова в рукописи стоит неразборчиво написанное слово. С. Б. читает его как *su*. У МК I/363 *çayur* 'вино'; у ШС *şayur* и *şayur* 'вино, водка'. В Мад. *sirkä boldy çayur* 'вино превратилось в уксус'. В монгольском древнетюркское *boḡ*, параллельно и *çayur*; в Аб. с двумя примерами из Навои *çayur* и без примера *çayur*. В современном тур. *çayur* 'вино'. В кирг. как и в ряде исторических памятников дидактического содержания, *çayur* 'водка', иногда 'буза, смешанная с водкой'.

Çaḡunyuşaq 53 а/4 'верблюжье молоко'.

Öḡrä 51 б/8 'лапша'. У ШС *öḡrä aşu* 'лапшовник'. Так в современном узбекском языке.

IX. Слова, обозначающие действия и состояния

Всего в тюркско-персидском словаре зафиксировано двадцать шесть слов, обозначающих действия или состояния. Они даны в самых различных грамматических формах и по семантике почти ничем не отличаются от значений современных тюркских глаголов. Переписчиком и здесь допущено большое количество ошибок. Многие слова не поддаются прочтению.

Материалы этого раздела дают некоторое представление о грамматическом строе языка. Так, два глагола поданы в форме современного инфинитива на *-maq*; некоторые глаголы переданы в сочетании с аффиксом прошедшего категорического времени на *-dy*; *-di*; есть глаголы, зафиксированные в форме будущего времени на *-ar*; встречаются глаголы в форме повелительного наклонения без аффикса и в сочетании с аффиксом *-yul*. Ошибочно или неразборчиво написанные глаголы на нынешнем этапе изучения рукописи остаются невыясненными. Ниже приведены глаголы в той форме, в какой они зафиксированы в рукописи.

Слова, не требующие комментариев:

Satmaq 52 б/6 'продавать'; **toymaq** 52 а/7 (zadan) 'рожать'. Так в узб., каз. tap-, а tu- 'рождаться'; **ujuyul** 51 б/3 'усни' — явно огузское; **ičgil** 51 б/4 'пей', среднеазиатская форма; **ugdady** 51 б/10 'он спел' (см. уг); **ojandy** (в рукописи ojaudy) 51 б/10 (ср. с ujuyul) 'проснулся он' (в перс. переводе 'проснись'); **ötü** 51 б/12 'прошел он'; **käldi** 53 а/13 'пришел он'; **käçdi** 53 а/3 'прошел он'; **käçär** 53 а/9 'пройдет'; **käl** 53 а/12 'иди сюда'; **qor** 52 б/11 'встань' (явно уйгурское).

Слова, требующие комментариев:

Untaryq (в рукописи первые два согласных без точек). Fägamuš kār-dān 'забывать'. По-видимому, тюркский глагол unut- стоит в форме будущего времени в значении 'забудет' а q — описка.

Ögzärmäk 51 б/1 'изучать', 'учиться'. Явная описка. Следует или уйг. ögänmäk, или узб. ögränmäk.

Uran 51 б/6 (sügüd meğijäd) 'он поет'. Основа ur 'песня'; функция аффикса -an неизвестна.

Altyn (näbäştän) 'писать'. Написано ясно, но необъяснимо.

Elästi 51 б/11 'заключил он мир', 'примирился'. В КБ, МК 1/49 el bol- 'приходить к соглашению'. Глагол eläš не зафиксирован. ШС el ol-tur- 'сидеть спокойно'. В совр. кирг. el 'мирный житель'; глагол elde- 'быть мирным жителем', eldeš- 'мириться', как в нашем словаре, el tur- 'мирно жить'.

Öngil 51 б/2 'время обеденного намаза'. У МК 1/113 как в современных языках öjlä 'полдень'. Если не описка, то следует думать, что слово проникло из языков местного населения. В исторических памятниках и словарях слово в такой форме не зафиксировано.

Toysay 52 а/5 (bär amädän) 'восходить на', 'показываться', 'восходить' (о светилах). По-видимому, описка, следует читать как toymay 'восходить'.

Käçki 53 а/13 (begüzäräd) 'пройдет'. Здесь аффикс -ki фонетический вариант аффикса -gü; следует käçgü 'переход'.

Ujyun 51 б/6 'бодрствующий'. Фонетический вариант средневекового ojuq. Ср. с узбекским собственным именем Ujyun.

В этом разделе необъяснимыми остаются еще следующие слова:

Aty//Öti 51 б/12 (dämüd) 'он дышал', 'дул'.

Kirir 53 а/9 (bärgir) 'уноси', 'убери'.

Jory 53 б/4. Дано без перевода.

Tyn 52 а/10 (šänüdän) 'слышать', 'нюхать'. В др. уйг. пам., МК I/339 tyn 'дыхание'; tyn al- как в современных языках 'дышать'. У МК II/40 tyndu 'он дышал'. В современных языках tyndu 'он успокоился', 'обрел покой'.

Bulaq 51 б/16 'щель'. По всей вероятности, 'источник', 'ключ'.

Audy 51 б/11 'теперь', 'в данный момент'. Безусловно, описка. Следует ämdi; у ШС emdi. В современных языках фонетический вариант emdi—endi.

Х. Мир природы

Двадцать три слова относятся к терминам явлений природы. Из этого общего количества, следующие слова употребляются во всех современных тюркских языках с некоторыми фонетическими изменениями:

Aj 51 б/9 'луна', 'месяц'; **Day** 52 а/5 'гора'; **Tang** 52 а/9 'заря'; **Tängiz** 'море'; **Ot** 52 б/1 'огонь'; **Suw** 52 б/9 'вода'; **Kök** 53 а/16 'небо'; **Jär** 53 а/17 'земля'; **Julduz** 53 а/7 'звезда'; **Torraq** 52 а/6 'почва'; **Qujaš** 53 а/2 'солнце'.

Слова, требующие исторического экскурса и комментариев:

Özän 51 а/8 (yol) 'яма', 'пещера'. Персидский перевод написан неясно. Можно читать и как хол—xul. Возможно, тюркское слово, следует читать как özäk, которое в др. уйг. пам. означало 'ущелье', 'проход в горах', 'перевал'.

Ülkär 51 а/10 'созвездие Плеяды'. У МК I/95 Ülkär; ШС Ülkür. В совр. узб., уйг. Hülkär.

Tämür Qazyq 52 а/6 'Полярная звезда'. У МК III/40 Tämür Qazyq; у ШС, Будагова, Temür Qazyq; у Будагова еще Temür Qazyq tarafy 'север'. Так в современном казахском языке.

Tünkä 52 а/12 'темная ночь'. В исторических памятниках и словарях не встречается. По-видимому, от tün 'ночь'.

Zulyn 52 а/15 'яркая южная звезда первой величины' Süxäjl-Kapor. В исторических памятниках и словарях не зафиксировано.

Quvayurşyn 53 а/6 'свинец'. В рукописи описка, должно быть qo-yurşyn. У MQ, Аб. qoqyaşyn; в Мад. для монг. qoqyaşyn и qoqyasyn, для тюрк. qoqqaşyn и qoqyolşyn. По-видимому, в рукописи вместо -r написано -ä. В совр. уйг. qoqurşyn; каз., узб., тат. с фонетическими вариантами qoqyaşyn; алт. qoqyolžyn; тув. qoqyolčyn, хак. qoqyatžyl.

Jazy 53 б/4 'степь', 'равнина'. В рукописи описка, написано bägi, в персидском переводе вместо jabaп написано baпaп. В др. уйг. пам., КБ, у МК III/255; у ШС 'степь', лишённая растительности'; у Будагова с пометой чагат. 'степь'. Нет в совр. тур. яз., а в азерб. уст. 'степь'; кирг. žazy 'просторный', žazyq 'равнина', 'простор'; в каз. žazyq 'равнина', 'плато'.

Arquduq 51 а/16 (žävzä) 'созвездие Близнецов'. У ШС 'пара', 'близнецы'; у Будагова для чагат. arqidaq 'созвездие Близнецов'. В современных языках не сохранилось.

Нижеследующие слова этого раздела не поддаются объяснению:

Тугуақ 52 а/7 (в рукописи qyгyаq). Перс. перевод جرنك žä-läng 'звон', 'лязг'.

Guflyuq 53 а/5 (hävz) 'бассейн'. Безусловно, описка.

Todydyan 53 а/5 (Bennatännäyş) 'созвездие Девы', 'созвездия Большой и Малой Медведицы'. В современных языках не сохранилось.

XI. Животный мир и термины, относящиеся к животным

В словаре зафиксированы пятьдесят три названия, связанные в той или иной степени с животным миром, что составляет 10% лексического состава словаря. Эти термины свидетельствуют о том, что словарь отражает лексику в основном общенародного разговорного языка тюркоязычной части населения Северной и Центральной Индии, то есть Делийского султаната XIV века. В этом маленьком рукописном словарице средневековья названия животного мира в количественном отношении мало в чем уступают иным современным словарям. Некоторые из этих слов, будучи общетюркскими, употребляются и в ряде современных тюркских языков с незначительными фонетическими изменениями. Сюда относятся: **At** 51 а/8 'конь', **It** 51 а/8 'собака'; **Ögüz** 'бык' (теjtип) 'обезьяна'. Вызывает определенные сомнения употребление слова ögüz в значении 'обезьяна'. **İögü/Äcçü** 51 б/7 'коза' (в рукописи без перевода); **Bars** 51 а/14 'барс'; **Böri** 52 а/3 'волк'; **Qojan** 53 а/6 'заяц'; **Täkä** 52 а/12 'козел'; **Syyuq** 52 б/4 'корова'; **Suw syyuq** 52 б/10 'буйвол'; **Qunduz** 52 б/18 'бобр'; **Jylan** 53 б/2 'змея'; **Täwä** 52 а/12 и **Tüj** 52 а/13 'верблюд'; **Qulun** 53 а/6 'жеребенок'.

Слова, присущие лишь определенной группе тюркских языков, либо встречающиеся в исторических словарях и памятниках, а в современных языках ставшие архаизмами или совершенно не употребляющиеся:

Örgüç 51 а/9 'горб верблюда'. У МК I/95 örgüç; в чагат. пам. örgäç; в совр. тур. hörgüç, каз. örkeş.

As 51 а/13 'горноста́й'. У МК as и aaz; в КБ as, у Ибн-М, ШС, Мад., XIII as 'горноста́й'; у Булг.*, Аб. с примером из Навои as 'ласка'; в Бад. Л.** as 'сурок', у Абулгазы 'горноста́й'. В совр. тув., тат. as, кирг. as и ags 'горноста́й', хак. 'ласка'.

Isri 51 б/10 'рысь', 'пантера', 'леопард', 'барс'. В СБ это слово, написанное без точек, читается как bog.

Ajuу 51 а/15 'медведь', у МК I/84 ажуу, I/63 азуу; в др. уйг. пам. адуу и адуу; в чагат. пам. ажуу, ажуу. В совр. тув. адуу; каз. ажу; тур. ажу.

Uj 51 а/10 'бык'. У Навои, Бабура, совр. алт. 'корова'; в истор. уйг. календаре Uj žyly 'год Быка' (второй год цикла). В совр. алт. ијсү 'пастьух рогатого скота'.

Buуга 51 б/13 'верблюдо-производитель'. Так у МК I/443, в КБ, др. уйг. и чагат. пам.; в Мад. 'черный верблюд'; у ШС buугу 'жеребец', 'двугорбый верблюд-производитель'. В совр. уйг. яз. buуга 'знатный'; каз. buга, тув. buuga.

Botu 51 б/13 'верблюжонок'. У МК II/341 hotu, III/218, botuq 'верблюжонок'; в КБ переносно 'дитя'; др. уйг. пам. botula- 'родить верблюжонок'; в чагат. пам., совр. каз. bota; тув. bodayan; узб. bota, botalaq.

Buzaуи 52 а/12 'теленок'. Так в др. уйг. пам., у МК I/59, III/91 buzaуи- 'телиться'; в Мад. buzav- и buzavu; у ШС buzaуи, buzaуи-ла. В совр. тур. buzaуу, уйг. muзaj; каз. huzaw; узб. buzaq.

Topуuz (в рукописи tuanуuz) 52 а/5 'свинья'. В др. уйг. пам. topуuz 'свинья'. У МК I/304 topуuz 'кабан'; в др. уйг. пам., МК I/304 Topуuz juуly 'год Свиньи'; в Мад. topуuz. В совр. тур. tomuz; узб. topуuz; уйг. topуuz; каз. dopуuz.

Toryу 52 а/6 'лошадь темно-гнедой масти'. У МК I/374 так; ШС torу; чагат. пам. toruq. В совр. тур. dogu; узб. torуq; уйг. toru.

Tujnaq 52 а/7 'копыта'. В др. уйг. пам. tujnaq — собственное имя; у МК II/96 tujay, чагат. пам. tujnaq, tujaq, tuvaq; Аб. tuvay и tujnaq. В современных тат., каз., узб., уйг. tujaq; алт. tujyaq; тув. dujuу, хак. tujyaq.

Xodäk 52 а/18 'осленок'. У ШС так. В современном узб. хотик; уйг. хотäk, кирг. xodik, каз. xodуq, тур. kuduk.

Düj 52 б/1 'верблюд'. У МК II/181 tevä, II/21 tevi, teväj; в Мад., Аб. tevä; в совр. тур. deve, каз. tüje.

Säwsär 52 б/4 'куница'. В Мад. susar 'куница'. Так в современных узб., уйг., каз., кирг. языках.

Sayуq 52 б/6 'овца'. В др. уйг. пам. sayуq 'дойное животное' (от глагола say- 'доить'). Так у МК II/22, ШС, в совр. уйг.; каз. saуlyq 'овца старше трех лет'.

Saqaq 52 б/6 'шакал'. Описка. По-видимому, перс. saqa//saуal 'шакал'.

Sänzab 52 б/2 (postini) 'меховой', 'кожаный'. Слово перс. со значением 'белка'. В тюрк., по-видимому, означало 'беличий мех'.

Samur 52 б/3 (postini) 'соболь мех'.

Särmdan 52 б/17 'гиена' (käftar). В совр. узб., уйг., тур., и в доступных нам исторических памятниках и словарях särmdan не зафиксировано.

* Булг. — Булгар.

** Бад. Л. — Бадаи' Лутат.

Suṣṣan 52 б/8 'мышь'. Так в др. уйг. пам., у МК I/345; там же Su-ṣṣan jylu 'год Мыши' по др. уйг. календарю; в чагат. пам., Мад., в совр. узб. suṣṣan; уйг. ṣaṣṣan; каз. tuṣṣan; тур. suṣan.

Suṣṣun 52 б/8 'олень'. В др. уйг. пам., КБ, у МК I/409 suṣṣun 'марал-самец'; у ШС suṣṣun 'род дикого зверя'; suṣṣuq 'дикий зверь', 'газель'. В современном азерб. suṣṣun 'лось'; тур. 'пятнистая лань'.

Turymty 52 б/14 по автору, название известного животного. У МК I/396 toṣum 'верблюжонок'.

Qatyr 52 б/18 'мул'. Так в КБ, у МК I/364. В совр. тур., азерб. qatyr 'лошак'; уйг. heṣṣur; каз. qaṣur; узб. haṣur; кирг. qaṣur.

Qysraq 53 а/3 'кобыла'; у МК I/474 qysraq 'кобылица', I/364 qysur qysraq; в Мад., чагат. пам. 'нежеребившаяся кобыла'.

Qarsaq 53 а/3 'белый корсак'. МК I/473 название животного, из шкуры которого делают хорошую меховую шубу. В совр. каз., узб. 'род лисицы'; кирг. общее название рыскающих зверей — волка, лисицы и т. д., а сочетания qarsaq tülkü 'корсак', 'степная лиса'.

Qulup 53 а/6 'детеныши верховых животных'. В др. уйг. пам., у МК I/215, Мад. qulup 'жеребенок'; глаг. qulupla-; нет у ШС, Аб., совр. тур.; у Будагова qulup 'жеребенок до первой весны от рождения'; уйг. qulup 'жеребенок на третьем году'; узб., кирг. qulup 'жеребенок по первому году'.

Qarlap 53 а/6 'леопард'. В др. уйг. пам., Мад. 'тигр'; у ШС 'леопард', 'лев', 'барс'. В совр. узб. qarlap 'барс', 'леопард'; в уйг. 'леопард', 'пантера'; тур. 'тигр'.

Qagupṣa 53 а/8 'мелкий муравей'. ШС qagupṣa и qagupṣuṣa; тур. qagupṣa, турк. qagupṣa 'муравей'.

Kiṣ 53 а/10 'соболь'. Так в др. уйг. пам., в КБ, у МК III/126, Мад.; у ШС 'горноста́й', 'бобер', 'серая белка'. В современных тув., алт., кирг., kiṣ 'соболь'.

Обращает на себя внимание отсутствие в словаре названия слона — животного, чрезвычайно распространенного в Индии.

ХII. Названия пернатых

В рукописи зафиксировано двадцать четыре названия птиц, а также летающих насекомых. Термины раздела в основном отражают названия диких птиц.

Avag/Ovar 51 а/11 'сова'.

В доступных нам исторических памятниках и словарях это слово не было обнаружено. Нет его и в современных тюркских языках.

Tölätkän 52 а/11 'коршун'. У ШС tuvägän 'беркут', 'сова', 'орел'. В совр. тув. яз. tääldigen 'коршун'; хак. tigilgen, алт. tülegen, тат. tilgän.

Toṣuṣ//Toṣaj 'воробей'. У МК III/174 toṣaj 'жаворонок'; у Будагова для алт. toṣu, однако, в современном алтайском языке нет; в тув. toṣa; хак. toṣaj, как и у МК 'жаворонок'. У Будагова еще toṣaj 'известный разряд птиц': boz toṣau 'жаворонок', qara toṣaj 'скворец'; в Мад. для тюрк., монг. toṣaj 'скворец'; ШС toṣaj 'род луговых птиц'; в Аб. с примером из Навои название птицы, которая еще именуется toṣaj. В совр. тат., башк., каз., узб. с фонет. вар. toṣaj 'воробей', а в кирг. 'жаворонок'.

Ṣilik 52 а/15 'пеликан'. У ШС ṣil 'перепелка', 'род степной курицы'; у Будагова для тат. ṣil 'рябчик', а для тур. 'рябчик', 'куропатка'. В совр. узб., кирг. ṣil 'серая куропатка'; уйг. ṣil 'рябчик', 'горная куропатка'. Полная форма ṣilik со значением 'пеликан' в исторических словарях не встречается.

Qaz 53 а/1 'утка'; (bat) так у ШС. В древнеуйгурских пам., в КБ, у МК I/254 qaz, как и в современных языках 'гусь'.

Qaraquş 53 а/2 'орел'. В КБ, у МК I/331 'беркут'; у Будагова 'орел'; у ШС 'орел', 'мифическая анка', 'симург', 'хума', 'птица счастья'. В современных тур., уйг., узб., тат., хак. 'орел'; каз. qara qus 'стервятник'.

Qugıj 53 а/8 'ворона'. У МК II/95 qugıj; III/241 qugıj 'ястреб-перепелятник'; у Будагова qugıj, qugıj 'кобчик', 'перепелятник'; в Мад. qugıj 'кобчик'; у ШС qaraıı 'род охотничьей птицы'. В современных кирг., узб., каз. qugıj 'ястреб-перепелятник'.

Laşın 53 а/14 'белый сокол', 'сокол-сапсан', 'горный ястреб'. У МК I/410 'ястреб', (в ДТС 'кречет', 'сокол', 'сапсан'); у Будагова для чагат., как и в азерб., 'голубятник', 'белый сокол'; в Мад. 'сокол'. В уйг., тат., турк. 'сокол'.

Bildirçin 52 а/1 'перепелка'. В совр. хак. püdürcün.

Biüj 52 а/3 'дрофа'. ШС 'название охотничьей птицы, подобной орлу'.

Anıut 51 а/8 'казарка', 'красная утка'; у ШС anıut 'казарка', 'название птицы, большей, чем гусь'.

Sävgän 52 б/8 'фазан'. ШС süglün, совр. тур. sülün 'фазан'.

Toıgul 52 б/13 'орел'. У МК I/482 toıgul 'название дикой птицы'.

Turum 52 б/14 'ястреб'. В Мад. turumtaı 'кобчик'.

Armud 51 а/10 'горная куропатка'.

Bajaqlıq 51 б/16 'самка совы'. Не описка ли? Может быть jaralaq.

Qaur 52 б/18 (dik-i duıušt) 'крупный петух'.

Qarqılaq (в рукописи qarqıdaq) 53 а/3 'черноухий' — сказочная птица, которая якобы отыскивает льву добычу и за это получает остатки его трапезы.

Käklık (в рукописи kälälik) 53 а/11 'куропатка'. В др. уйг. пам. ke-kälik; в КБ, у МК I/479 'куропатка'; в Мад., в совр. узб., тур. käklik.

Bälifäsän 52 а/1 'сова'.

Qaz 53 а/1 'утка'.

Далее следуют названия летающих насекомых.

Cäkırgä 52 а/16 'саранча'.

Sarıçya 52 б/9 'саранча'. У МК, I/49 çekürgä, а I/489 sarıçya и syruçya; ШС çekürtkäj. В совр. каз. škirtke, тур. çekirge, уйг. çekätkä; узб. čigirtkä.

Çibün 52 а/16 'комар'. В др. уйг. пам. çibün, в КБ çibün и çigün 'муха'; у Будагова для тат. и тур. çibün 'комар' для каз. şybun, алт. çyтун 'муха'; в Мад. çibün 'муха', 'собачья муха'. В уйг. çibün 'муха', узб. çivin 'комар', обл. 'муха'; кирг. çybun и çyтун 'муха'.

XIII. Названия, относящиеся к растительному миру

Таких названий зафиксировано тридцать два. В основном это названия фруктовых деревьев, бахчевых культур, продуктов сельскохозяйственной деятельности человека. Последняя группа представлена особенно полно.

Armut (в рукописи arıurt) 51 а/8 'груша'. Так у МК I/95, у Будагова. В совр. узб. 'сорт груши'.

Urük 51 б/8 'урюк', 'абрикос'. Так у Будагова для тур., уйг., чагат. языков и в совр. узб., уйг., каз. языках; нет в тур. языке.

Uzüm 51 б/4 'виноград'. Так у МК I/88 и в современных языках.

Alma 51 б/8 'яблоко'. У МК I/130 alma, alııla. В современных тюркских языках alma.

Örmä (С. Б. читает как örkä) 51 б/8 'тут', 'шелковница'. В исторических словарях не зафиксировано, в совр. тюркских языках нет.

Buydaj 52 а/3 'пшеница'. Так в ен.-орх. пам., у МК III/240. В современных тюркских языках buydaj, budaj, bidaj.

Tiräk 52 а/8 'дерево'. У МК I/387 'тополь': у ШС 'тополь', вообще прямо растущие деревья. Так в узб., каз. языках; ног. дерево вообще; нет в тур. языке.

Tüväk 52 а/9 'персик'. В исторических словарях не зафиксировано, нет и в современных языках.

Ot 51 а/7 'трава', 'лекарство'. В др. уйг. пам., у МК I/35 'зелень', 'трава'; в КБ, у МК I/514 еще 'лекарство'; у ШС 'трава', 'отрава'; в Мад. 'сено', otaşu для тюрк., монг. языков 'лекарь'; у Будагова ot 'трава', 'лекарственное растение', 'лекарство', 'яд'; oţu для монг. яз. 'гомеопат'; в совр. каз. otaşu 'коновал'.

Aztuĉ 51 а/9 'зелень'. Не зафиксировано в исторических словарях, нет в современных языках.

Ägin 51 б/6 'посев'. Так в др. уйг. пам., в КБ, у МК, I/78. В совр. тюрк. яз. egin с фонетическими вариантами; в каз. еще egis; тув. tagylıya; уйг. terilıyu, хак. taagu; кирг. обл. tagu- 'пахать'.

Buyur 51 б/14 'остатки жатвы'. В исторических словарях и в современных языках нет.

Butaq 51 б/15 'ветка дерева'. Так у МК I/277 и в современных тюркских языках.

Bök 51 б/17 'роща'. В Мад. bök 'лес'; у ШС 'лес', 'холм', 'лесистая местность'. В совр. кирг. bök 'холм', 'возвышенность'.

Tut 52 а/4 'трубчатая кассия'. В Мад., у ШС, Будагова 'тутовое дерево'. Так с фонетическими вариантами в современных тюркских языках.

Taxazän 52 а/10 'огурец'. Нет в современных тюркских языках и в исторических словарях.

Taturıyan 52 а/10 'рис'. Из исторических памятников это слово встречается лишь в НФ, где на 292/12 mäp eginĉi ärdim, taturıyan egär ärdim 'я тогда был землепашцем, обычно сеял рис'. Еще на 292/13 säkiz batman taturıyan bergäjmän 'я дам тебе восемь батманов рису'. В современных тюркских языках нет.

Tikän 52 а/11 'колючка'. Так в КБ, Атеб., у МК I/204, ШС и в современных тюркских языках.

Turma (у С. Б. turba) 52 а/11 'редька'. Так в др. уйг. пам., у МК I/481 и в современном татарском языке.

Ćikin 52 а/15 'мягкое зерно'. У МК I/416 'петушиное просо'; у ШС 'местность, изобилующая лужайками', 'зелень', 'мелкое черное зерно'. В совр. кирг. ĉeken 'рогоз широколистный'.

Ćäĉäk 52 а/17 'цветок'. Так в др. уйг. яз., у МК I/119 и в современных кыпчакских языках.

Sarımşaq 52 б/5 'чеснок'. Так у ШС; в Мад. 'чеснок', 'горький чеснок'; так в чагат. пам. и с фонетическими вариантами в современных тюркских языках; в каз. иногда 'лук'.

Sarmaq 52 б/6 'репа'. В исторических памятниках и в современных тюркских языках нет.

Soqan 52 б/7 'лук'. В др. уйг. пам., у МК I/409 soqun; ШС soqan и парное rijaz-soqan.; у Будагова для тат., тур. soqan, для уйг. soqun. В совр. тув. soquna.

Saman 52 б/7 'солома'. Так в др. уйг. пам., у МК I/415, ШС, Мад. В каз., тат. salam; уйг. saman.

Qarbyz 53 б/1 (xarbuza) 'дыня'. В современных тюркских языках qarbyz с фонетическими вариантами 'арбуз'.

Qabaq 53 а/3 'тыква'. Так в др. уйг. пам., у МК I/382; I/503 qabaqluq, I/505 qabaqluq 'тыквенное поле'. Почти во всех современных тюркских языках так.

Qopaq 53 а/3 'венгерское просо'. В др. уйг., пам., qopaq, у МК III/167 qojaq, ШС qopaу 'вид проса'. В совр. тур. qopaq 'перхоть'; в кирг., каз., 'могар', 'гоми'; уйг. 'просо', часто 'сорго', 'кукуруза', 'маис'.

Qayun 53 а/6 (xarbuza) 'дыня'. Так в КБ, у МК I/480. В совр. уйг. qayun, в остальных с фонет. вар. qavun 'дыня'.

Učyulaq 52 а/17 (sehbürg) 'трилистник'. Название лекарственного растения.

XIV. Термины, относящиеся к измерению расстояния, времени, количества

Имена числительные те же, что в современном узбекском языке: altmyš 51 а/14, alty 51 б/11, toqsan 52 а/11, ming 53 а/15, jetmiš 53 а/18, jeti 53 б/4, üč 53 а/41, tört 52 а/4, toyz 52 а/11, jigirmi 53 б/4, säksän 52 б/8, qurg 53 а/4.

Не требуют комментариев слова: bügin 52 а/2 'сегодня', san 52 б/7 'число', 'счет', jaqun 53 б/1 'близко', az 51 а/12 'мало'.

Qulaš 52 б/17 'локоть', как единица расстояния. В совр. языках qulač 'единица измерения', соответствующая размаху двух рук. Так в др. уйг. пам.; у КБ, у МК I/358, ШС; МК дает в первоначальной форме qolač 'разведенные руки'. В др. уйг. пам. еще qulača.

Epi 51 б/11 'послезавтра'. По-видимому, стянутая форма, соответствующая местному произношению. Ср. в совр. узб. indin, indingä. В др. уйг. яз. indin 'иной'.

Jaгun 53 б/3 'завтра'. Так и в др. уйг. пам., в КБ, Атеб.; в КБ еще jaгunluq; у ШС jaгunпу 'завтрашний'. У Рабг. jaгundasy күп 'на следующий день'; у Будагова с пометой тур. jaгun 'завтра', так и в языке крымских татар; с пометой каз., тат. 'будущий год' (?).

Saқи 52 б/3 'сосуд для измерения'. Безусловно, это слово местного происхождения.

Ч. ДЖУМАГУЛОВ, С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ОДИННАДЦАТАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА КАМНЕ-ВАЛУНЕ ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ ТАЛАС

В 1896 и 1898 годах известный туркестанский краевед В. А. Каллаур с помощью нескольких местных жителей обнаружил в урочище Айртам-Ой, что в предгорьях Таласского Ала-Тау, в восьми верстах от села Дмитриевского (ныне г. Талас) три камня-валуна с древнетюркскими руническими надписями. В 1898 году еще два таких же камня обнаружила археологическая экспедиция Финно-Угорского общества во главе с Г. Гейкелем¹. Шестой валун с рунической надписью в том же урочище Айртам-Ой был найден лишь в 1961 году П. Н. Кожемяко². После тщательного обследования местности (Д. Ф. Винник, Ч. Джумагулов, У. Асаналиев, К. Аширалиев) в нескольких метрах от шестого валуна были найдены три камня с руническими надписями³. Вслед за этим один камень обнаружил Д. Ф. Винник. Наконец, в 1977 году Ч. Джумагулов и Г. Карагулова нашли в той же местности еще один камень-валун с рунической надписью, которую они опубликовали.⁴

Рунические тексты Таласа оказались чрезвычайно трудными для понимания и интерпретации, главным образом, из-за малой изученности рунической палеографии и нечеткого написания отдельных знаков. Поэтому все существующие переводы содержат много неясных и условно переведенных мест. Достоверно установлено, однако, что все письменные памятники Таласа — погребальные и являются эпитафиями. О времени создания памятников существуют противоречивые суждения. С. Е. Малов, вслед за финскими археологами и исходя из общего «примитивизма» надписей, датирует их V—VI веками⁵. Напротив, Л. Р. Кызласов относит все надписи на валунах к IX—X вв.⁶ Однако, последние исследования позволили более обоснованно датировать памятники — все они относятся ко времени правления тюркешских каганов Сулука Чабыш-чора (716—738 гг.) и его сына Тухварсена Кут-чора (738—739 гг.).⁷

¹ М. Е. Массон. К истории открытия древнетюркских надписей в Средней Азии. — «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 7.

² Д. Ф. Винник, П. Н. Кожемяко. Памятники древнетюркской письменности из урочища Айртам-Ой. — «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962, стр. 5.

³ См.: там же, стр. 5; «Эпиграфика Киргизии», вып. I, Фрунзе, 1963, стр. 7—8.

⁴ Ч. Джумагулов, Г. Карагулова. Новый таласский древнетюркский памятник. — «Известия АН Киргизской ССР», 1978, № 1, стр. 86—88.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Киргизии и Монголии. М.—Л., 1959, стр. 63.

⁶ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 186, прим. 211.

⁷ С. Г. Кляшторный. О датировке рунических памятников Таласа. — «Бартольдские чтения 1981 г. Год пятый». — Тезисы докладов и сообщений. М., 1981, стр. 43—44.

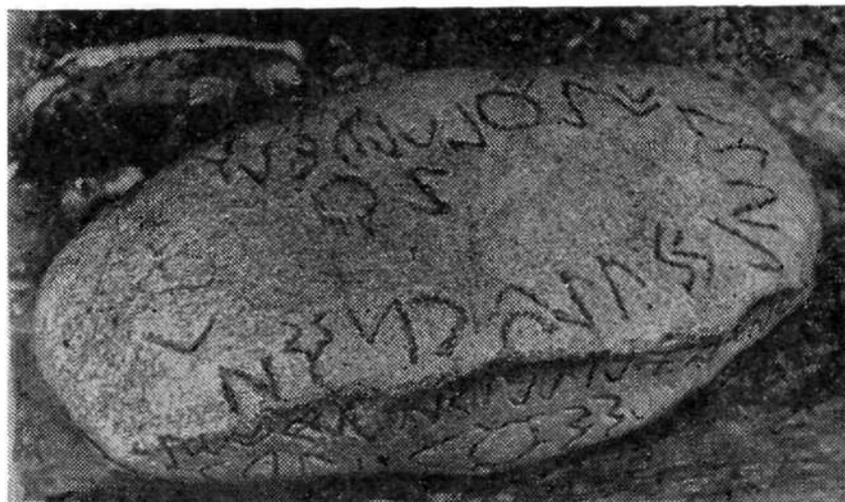

Рис. 1. Камень-валун с одиннадцатой рунической надписью.

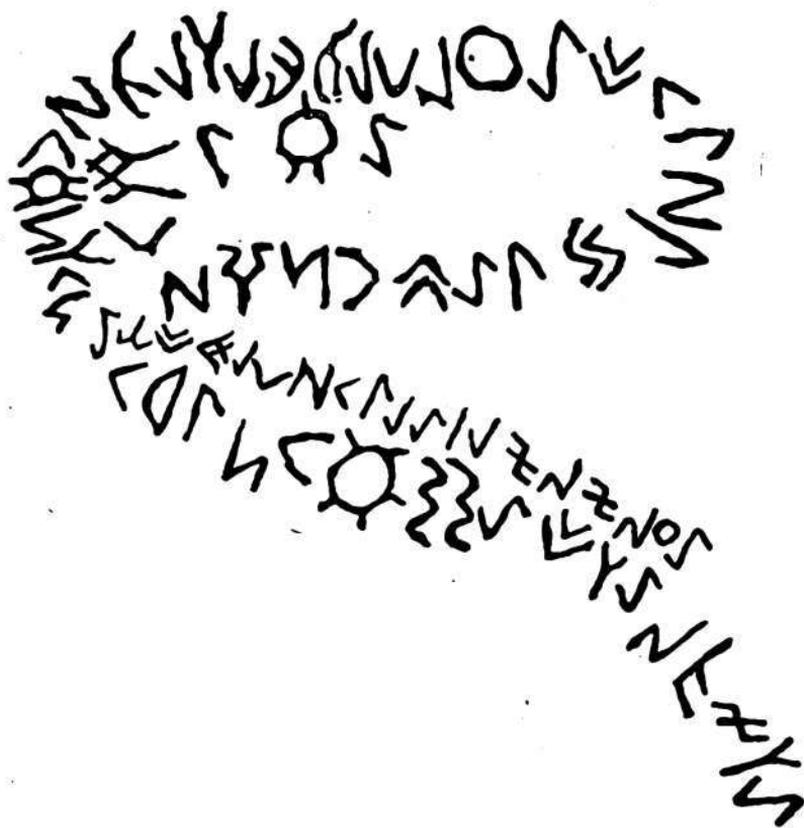

Рис. 2. Прорисовка одиннадцатой рунической надписи на камне-валуне.

В 1978 году было опубликовано предварительное чтение вновь найденной надписи на одиннадцатом валуне из Таласа. Чтение большинства знаков и их интерпретация оказались достаточно надежными. Однако, при предварительном чтении не была правильно интерпретирована начальная строка надписи, что значительно затруднило понимание текста.

По опубликованному описанию «лицевая сторона валуна заполнена круговой надписью, переходящей к боковой части. Параллельно боковой строчке идет другая, конец которой уходит на тыльную сторону памятника. В целом надпись сохранилась довольно хорошо».⁸ Площадь, занятая надписью — 95×40 см, высота знаков 5—6 см, в инициальной строке — около 13 см. Графика — обычная для памятников Таласа.

Чтение

- (1) qumar čor a cr atym
- (2) kičig kišim a tul qaldy a
- (3) tursuq oylum a
- (4) eš kuly a siz özüm a
- (5) ujalар umady
- (6) at ač a öküz ač a

Перевод

- (1) [Мое геройское имя Кумар-чор!
- (2) О моя младшая жена! Она вдовой осталась!
- (3) О мои сыновья оставшиеся (после меня)! (буквально: которым надлежит остаться!)
- (4) О его сподвижники и слуги! О вы, мои кровные
- (5) родичи! Они не смогли (сберечь меня?)! [вариант: они не вынесли (горя)!]
- (6) Коня изголодали (без хозяина)! Быки истощились (без хозяина)!

Примечания

Стк. 4: наблюдаемая смена лица, от которого ведется повествование, своего рода «авторская ремарка», обычна и для енисейских памятников. (Подробнее об этом см.: С. Г. Кляшторный. Стелы Золотого озера. — «Turcologica», Л., 1976, стр. 258—267.

Стк. 4—5: öz uja всегда «кровные родственники», в противоположность öz kiši «родственники по жене, свояки». Ср. öz kiši 'свояк': bu bizniç öz kiši 'это наш свояк' (МК I, 46), ДТС стр. 394.

Стк. 6: следовало бы ожидать at ačy (ačdy) и öküz ačy (ačdy), однако, поскольку в надписи использована лишь одна временная форма (qaldy, umady), ее показатель в некоторых случаях может опускаться, что зафиксировано и в енисейской рунике.

⁸ Ч. Джумагулов, Г. Карагулова. Указ. раб., стр. 86.

РЕЦЕНЗИИ

«УЗБЕК АДАБИЕТИ ТАРИХИ»

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ.

ТОШКЕНТ. Т. 1, 1977; т. 2, 1977; т. 3, 1978; т. 4, 1978; т. 5, 1980.

Издание пятитомной истории узбекской литературы Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР явилось большим событием в культурной жизни республики. Оно, несомненно, заслуживает самого пристального внимания специалистов, преподавателей и учащихся вузов, учителей средних школ и др.

Научное значение пятитомной истории узбекской литературы заключается прежде всего в том, что она представляет собой новый этап в изучении богатой и именами замечательных классиков истории узбекской литературы. Авторский коллектив пятитомника составили видные узбекские литературоведы. Нельзя при этом не отметить, что Академия наук Узбекской ССР одной из первых среди академий наук тюркоязычных республик завершила и издала столь капитальное исследование по истории литературы.

Впервые многовековая история узбекской литературы предстала перед читателем как непрерывный, сложный, характеризующийся преемственностью литературный процесс, в котором органически слились традиции устного народного творчества и письменной литературы, получили развитие жанры поэзии и прозы, творчески воспринятое влияние арабоязычной и ираноязычной литературы способствовало расцвету самобытной узбекской классической литературы.

Материалы по пяти томам пятитомника распределены в полном соответствии с разработанной коллективом авторов периодизацией истории узбекской литературы. Первый том охватывает период с древнейших времен (общетюркские литературные памятники и устное народное творчество) до середины XV века. Второй том целиком посвящен творчеству первого классика узбекской литературы и основоположника узбекского литературного языка Алишера Навои. Третий том включает очерки узбекской литературы XVI—XVIII веков — эпохи, когда получила развитие городская литература, связанная в своих истоках с раз-

витием и укреплением ремесленно-торговых слоев общества и характеризующаяся постепенной демократизацией литературного творчества. Четвертый том отражает развитие узбекской литературы первой половины XIX века — эпохи, богатой выдающимися литературными успехами, характеризующейся становлением демократической литературы и просветительства. Пятый заключительный том посвящен узбекской литературе конца XIX — начала XX века. В нем нашло отражение дальнейшее развитие демократической литературы и просветительства, на основе которых развивалась узбекская литература уже в советское время — после Великой Октябрьской социалистической революции.

В пятитомнике нашли соответствующее отражение все основные этапы сложного и многопланового литературного процесса в Узбекистане. Литературные традиции древних эпох; литературные памятники, являющиеся общим культурным достоянием тюркоязычных народов (орхон-енисейские рунические тексты, литературные сочинения периода караханидско-тюркской государственности XI—XII веков, как, например, знаменитые «Диван» Махмуда Кашгари и «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни) имели прямое отношение к формированию основных черт литературы XI—XV веков в Узбекистане.

Творчество «ранних» узбекских классиков — Амира, Атаи, Гадаи, Саккаки, Лютфи — очень своеобразное и самобытное, подготовило появление такого гиганта литературы, каким был Алишер Навои, закрепивший в своих произведениях достижения предшественников и предопределивший направление дальнейшего развития узбекской литературы. Страницы, посвященные творчеству Алишера Навои, весьма впечатляют впервые осуществленной на таком высоком научном уровне комплексной характеристикой его деятельности как поэта, прозаика (истолкование прозы Навои может быть отнесено к лучшим страницам пятитомника) и ученого.

Рамки рецензии не позволяют остановиться даже на основных представителях узбекской литературы последующих эпох. И все же нельзя не отметить точную и убедительную оценку, данную в пятом томе деятельности таких поэтов, как Бабура, Машраб, Андалиб, Увайси, Надира, Мунис, Агахи и др. Весьма примечательно, что авторам удалось разносторонне показать и такое характерное для узбекской национальной культуры явление, как так называемая «женская» поэзия. Много новых данных и свежих оценок содержит и та часть коллективного труда узбекских литературоведов, которая раскрывает своеобразие творчества поэтов демократического направления — Камиля, Мукумич, Фурката, Завки, Анбар Атыи. Убедительна и нова оценка предреволюционного творчества тех писателей, которым позже суждено было стать основоположниками узбекской советской литературы, — Хамзы Хаким-заде Ниязи и Садриддина Айни.

В рецензируемом труде получили обоснованное объяснение и такие существенные для развития узбекской литературы вопросы, как эволюция поэтических форм, становление отдельных черт реалистического метода, закономерности взаимоотношений письменной литературы с народным творчеством и др. Литературный процесс показан авторами на широком фоне социальной, культурной и литературной жизни всех исторических периодов развития узбекской литературы.

К несомненным достоинствам рецензируемого издания относится и то, что оно способствует осмыслению некоторых общих вопросов, связанных не только с узбекской, но и всей тюркоязычной классической литературой в целом.

Известно, что в течение длительного времени тюркоязычная литература рассматривалась как «младшая сестра» великой персоязычной литературы, на основе которой она якобы возникла и развивалась. Это весьма «спорное» мнение, и ранее подвергнувшееся критике, рецензируемым пятом томом убедительно опровергается. Вряд ли в настоящее время на современном уровне

развития литературоведения можно всерьез говорить о подражательном и «вторичном» характере тюркоязычной, в том числе и узбекской, литературы. Аргументированные и точные оценки творчества самых различных поэтов (а это — тоже достижение коллектива авторов, сумевших показать, что представление о безликости и однообразии средневековой поэзии глубоко ошибочно) убеждают в неправоте тезиса о подражательности узбекской литературы. Богатство и своеобразие исторического процесса формирования узбекской литературы, специфическое развитие в ней даже традиционных жанров поэзии, самобытная линия развития демократических и реалистических элементов литературного творчества — все это свидетельствует о самостоятельном культурном и эстетическом значении узбекской литературы — одной из богатейших среди тюркоязычных литератур.

Естественно, что в столь большом деле, как издание пятом томе истории литературы, не обошлось без отдельных просчетов и упущений. Не останавливаясь на частностях, следует указать, что можно было дать более глубоко трактовку отдельным вопросам поэтики, некоторым общим закономерностям средневековой литературы (традиционность образной системы), суфийской символике (в нашем литературоведении иногда упускают из виду, что суфийская философия в данном регионе была единственно возможной в средние века основой образованности поэтов). Возможна была бы также и более углубленная трактовка связей и взаимоотношений узбекской литературы с другими литературами (и не только арабоязычной и ираноязычной).

В целом же при оценке рецензируемого издания представляется наиболее важным тот факт, что узбекский читатель получил в свое распоряжение высококвалифицированное пособие по истории родной литературы. Успешное завершение столь серьезного труда — залог дальнейших удач узбекского литературоведения.

А. Н. Малехова

«ҚАРАҚАЛПАҚ ТИЛИНИҢ ОРФОГРАФИЯЛЫҚ СӨЗЛИГИ»

«ҚАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ, НӨКИС, 1980, 448 стр.

Рецензируемый «Орфографический словарь каракалпакского языка» является первым опытом создания подобных словарей в каракалпакской лексикографии. В него включено около 44 тысяч общеупотребительных слов современного каракалпакского литературного языка.

Словарь открывается кратким «Предисловием», в котором говорится о его назначении и составе.

Структура словаря. Слова в нем располагаются в алфавитном порядке; имена существительные приводятся в именительном падеже единственного числа. Если при их употреблении конечные согласные подвер-

гаются изменениям и при написании вызывают определенные трудности, то после реестра указываются эти формы: *китап — китабы, табель — табели* и т. д.; прилагательные и наречия приводятся с формами их степеней сравнения: *улкен — улкенирек, төмен — төменирек*; местоимения представлены со всеми семантическими разрядами. Кроме того, даются некоторые падежные формы личных и указательных местоимений, подвергающихся при склонении определенным фонетическим изменениям: *мен — мениң — маған, ол — оның — оған*. В словаре в качестве реестровых слов даются все семантические разряды имен числительных: *он, онынышы, онлаған, ондай* и т. д.; глаголы приводятся в форме имен действия на *-ый, -ий, -у*, отдельно даются залоговые формы. Формы склонения приводятся после реестрового слова в тех случаях, когда они при написании вызывают трудности: *жайый, жай, жаяды, жайыйн; жабый, жап, жабады*. Из служебных слов в словарь включены послелоги, служебные имена и отдельные союзы.

Словарь охватывает также большое количество русско-интернациональных слов, научно-технических терминов, активно употребляемых в современном каракалпакском литературном языке.

Приложения к словарю. Сюда относятся: «Краткий словарь географических названий», включающий названия населенных пунктов, гор, рек, озер, исторических местностей, лесов, каналов, возвышенностей и т. д., расположенных на территории Каракалпакии; «Краткий словарь личных имен», в котором представлены наиболее употребляемые в настоящее время у каракалпакцев мужские и женские имена;

«Орфографические правила каракалпакского языка» (составители: К. Убайдуллаев и Д. С. Насыров), утвержденные Указом Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР от 28 февраля 1957 года, с некоторыми дополнениями и исправлениями. В «Орфографическом словаре каракалпакского языка» эти дополнения и изменения учтены.

Издание первого большого «Орфографического словаря каракалпакского языка», несомненно, является значительным достижением каракалпакской лексикографии. В его составлении приняли участие все научные сотрудники-языковеды Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР.

Отметим, что наряду с достоинствами словаря, при его составлении были допущены и некоторые погрешности: 1) встречаются опечатки на стр. 53, 133, 144, 151, 310, 321, 399; 2) имеется разбой в написании отдельных слов: *кәтере — катере* (стр. 179), *өнер-кәсип — өнер кәсиби* (стр. 247), *Қошан* (стр. 412) — *Хожан* (стр. 420), *Қошабай* (стр. 412) — *Хожабай* (стр. 420), *Рза* (стр. 416) — *Ырзалы* (стр. 421); 3) затрудняют пользование словарем непонятные слова и сочетания букв (стр. 194, второй столбец, 4-й ряд). Подобные недочеты в орфографическом словаре, снижающие его ценность, должны быть исправлены в последующих его изданиях.

В целом «Орфографический словарь каракалпакского языка» является ценным пособием для учащихся школ, студентов, научных сотрудников, работников печати и для широкого круга читателей.

У. Т. Саимбетов

Р. КУНГУРОВ. СУБЪЕКТИВ БАХО ФОРМАЛАРИНИНГ СЕМАНТИК ВА СТИЛИСТИК ХУСУСИЯТЛАРИ

«ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1980, 165 стр.

Положительное и отрицательное отношение говорящего к объективной реальности или к собственному высказыванию, определенное им самим, в грамматике обозначается категорией модальности.

Отношение говорящего может выражаться различными лексическими и грамматическими средствами, а также интонацией.

В грамматиках и учебниках узбекского языка отмечается, что модальность выражается формами склонения глагола, а также некоторыми частями, способствующими выражению субъективной оценки.

Однако имеется группа слов, которые возможно использовать для выражения переносного значения, а в сочетании с аффиксами принадлежности — для выраже-

ния модальных значений уменьшительности и ласкательности. К ним относятся такие слова, как: *гул* 'цветок', *ой* 'луна', *чироқ* 'лампа', *йўлбарс* 'тигр', *бўта* 'верблюжонок', *қўзи* 'ягненок', *ғунча* 'буто́н' и т. п.

Однако при употреблении их в отдельных грамматических формах в окружении нетипичных для этих форм выражений, в определенном контексте, эти слова могут выражать отношение говорящего к объекту, к которому обращена речь. Сюда же можно отнести употребление отдельных слов в метафорическом смысле: *Бўстониңиз гули* 'Цветы моего сада'; *Очлмай сўнган гунчам* 'Не раскрывшийся мой бутон'; *Белни маҳкам боғлаймиз, чироғим* 'Крепко подпоясемся, мой дорогой'. Ср. лексическое

значение слов: *гул, чироқ, гунча, жон* 'душа' со значениями контекстуальными в составе предложений или сочетаний типа *гунча очилиб, гул бўлади* 'бутоны, раскрываясь, становятся цветами', *чироқ ёруғида ўқимок* 'читать при свете лампы'. На фоне слов, использованных в этих сочетаниях и предложениях, стилистическая окраска слов *гунча, гул, чироқ* (примеры взяты из художественной литературы) выражает отношение писателя к объективной реальности.

Кроме специальных аффиксов субъективной оценки, модальное отношение говорящего к объекту могут выражать и другие аффиксы в зависимости от контекста и основы слова, с которой они сочетаются.

Эти проблемы всесторонне анализируются в рецензируемой книге Р. К. Кунгурова «Семантико-стилистические особенности форм субъективной оценки».

В монографии исследуются и дополнительные значения грамматических форм, их синонимические отношения на разных языковых уровнях.

Работа Р. К. Кунгурова является одной из первых работ в узбекском языкознании по грамматической стилистике узбекского языка.

Посвященная одному из сложных вопросов стилистики — семантико-стилистическому описанию форм субъективной оценки узбекского языка, работа эта отличается новизной и актуальностью постановки проблем и оригинальностью их решения.

Книга состоит из двух глав.

В первой главе «Грамматическая стилистика и ее задачи» (стр. 5—32) автор останавливается на задачах грамматической стилистики, дает обзор существующей литературы, говорит об объекте грамматической стилистики, методах определения стилистических особенностей грамматических средств, стилистических свойствах грамматических форм.

Во второй, основной главе книги — «Формы субъективной оценки и их семантико-стилистические особенности» (стр. 33—165) автор дает определение субъективной оценки, рассматривает ее грамматическое выражение, выделяет группы слов, выступающих в форме субъективной оценки.

Формы субъективной оценки, к какой бы группе слов они не присоединялись, показывают либо положительное, либо отрицательное отношение говорящего к объекту действия. Момент оценки предполагает стилистическую окрашенность форм субъективной оценки.

Автор справедливо отмечает, что в формах субъективной оценки стилистическая окрашенность проявляется достаточно отчетливо. В других формах эта особенность проявляется, в основном, в нетипичном для них лексико-грамматическом окружении.

Р. К. Кунгуров, исходя из стилистических особенностей форм субъективной оценки в зависимости от выражаемого ими значения — ласкательности, уменьшительности, возвеличивания, унижения, уважения — разделяет эти формы на шесть групп: а) формы субъективной оценки со значением уменьшительности; б) формы субъективной оценки со значением ласкательности; в) формы субъективной оценки в именах лиц мужского пола, выражающие ласкательное значение; г) формы субъективной оценки в именах лиц женского пола, выражающие ласкательное значение; д) формы субъективной оценки со значением возвеличивания, торжественности; е) плеоназм формы субъективной оценки и его стилистические особенности.

Такая классификация форм субъективной оценки впервые сделана на основе столь обширного фактического материала.

Автор исследует также синонимию форм субъективной оценки, обусловленность различных дополнительных значений этих морфем контекстом, синонимические отношения диалектальных, а также морфо-огических вариантов, придающих словам экспрессивность. Принципы выбора этих средств или их взаимозаменяемости для создания желаемого стилистического эффекта и т. д., обоснованы всесторонне и убедительно.

Все теоретические высказывания иллюстрируются в работе примерами из произведений узбекской советской литературы, языка прессы, устно-разговорной речи.

Анализируя семантико-стилистические особенности форм субъективной оценки, автор поднимает ряд актуальных вопросов изучения стилистических особенностей формообразующих морфем вообще.

В работе Р. К. Кунгурова впервые в узбекском языкознании в монографическом плане исследованы стилистические особенности форм субъективной оценки; выработана методика семантико-стилистического исследования грамматических форм; определены синонимические отношения стилистических средств; исследованы возможности и выбор этих средств в зависимости от контекста и ситуации; на основе эксперимента выявлены узуальные и окказиональные значения форм субъективной оценки; эти формы исследованы трансформационным и транспозиционным методами; охарактеризованы функционально-семантические и стилистические микрополя каждой формы субъективной оценки.

Книга Р. К. Кунгурова является серьезным исследованием в области стилистики узбекского языка. Она может быть небезынтересна для специалистов-грамматистов, работающих в области и других тюркских языков.

Х. Б. Бердияров, Т. И. Курбанов

Ш. ШУКУРОВ. УЗБЕК ТИЛИДА ФЕЪЛ ЗАМОНЛАРИ ТАРАҚҚИЕТИ

«ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1976, 159 стр.

Ш. ШУКУРОВ. УЗБЕК ТИЛИДА ФЕЪЛ МАЙЛЛАРИ ТАРАҚҚИЕТИ

«ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1980, 142 стр.

Ш. Шукуровым изданы две книги, посвященные изучению форм выражения наклонений и времен глагола, зафиксированных в письменных памятниках узбекского языка.

В первой из рецензируемых книг автор стремится выяснить причины активизации использования или отмирания временных форм узбекского глагола, расширения или ограничения их значений в процессе исторического развития. Особое внимание уделяется им также составу, структуре и фонетическим разновидностям аффиксов, образующих времена глагола.

Во второй книге Ш. Шукурова выявляет все формы выражения наклонений глагола, устанавливает периоды их активного или пассивного употребления в истории узбекского языка.

Вторая монография, хотя и издана отдельно, по существу является логическим продолжением первой и составляет вместе с ней единый капитальный труд, который может быть озаглавлен «Развитие наклонений и времен глагола в узбекском языке».

Первая работа, посвященная освещению временных форм глагола, начинается с вводной части, общей для обеих книг, и содержит сведения о состоянии изученности категорий наклонений и времен глагола в узбекском языкознании, а также анализ различных точек зрения по вопросу об определении и классификации наклонений и времен в тюркологии, прежде всего — в узбекском языкознании. Одновременно излагаются имеющиеся разногласия по данному вопросу и раскрываются их причины.

Ш. Шукуров придерживается того мнения, что в истории тюркских языков невозможно провести четкую семантическую границу между наклонением и временем, что процесс формально-семантической дифференциации наклонений и времен и формирования наклонений как самостоятельной грамматической категории в современных тюркских языках окончательно не завершился и находится в стадии становления.

Категория времени исследуется автором во взаимной связи с категориями лица и числа.

Материалом исследования послужили письменные памятники узбекского языка XV—XIX веков: прозаические и поэтические произведения классиков узбекской литературы (Лугфи, Атан, Саккаки, Навои, Бабура и др.), исторические и историко-мемуарные сочинения, некоторые литературные произведения первой половины XX века, а также материалы письменных памят-

ников, созданных на территории Средней Азии в XIII—XIV веках и Золотой Орды XIV века.

Как справедливо отмечает автор в разделе «Об использованных источниках», обилие в староузбекском языке письменных памятников различных жанров является основным источником для изучения исторического пути развития узбекского литературного языка и значительно облегчает задачу создания исторической фонетики и грамматики узбекского языка. Однако недостаточная изученность этих памятников в лингвистическом плане, отсутствие их научно-критических текстов, полных описаний, значительно затрудняют изучение истории узбекского языка. От историка языка требуются вложение колоссального труда, глубокие знания, строго аргументированные суждения, широкая теоретическая подготовка. Эти необходимые качества в полной мере свойственны автору рецензируемых книг.

Исследование ведется в сравнительно-историческом плане с привлечением материалов из узбекских народных говоров, ряда современных тюркских языков и отдельных ранних письменных памятников языка огузской и кыпчакской групп — орхон-енисейских надписей, древнеуйгурских текстов и памятников XI—XII веков («Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Дивану лугатит-тюрк» Махмуда Кашгари и «Хиба ал-хаканк» Ахмада Югнаки).

Основу первой из рецензируемых книг составляет выявление всех форм глагола, употребляющихся в письменных памятниках узбекского языка. Каждому времени глагола отводятся специальные главы.

В первой главе подчеркивается многообразие форм прошедшего времени в сравнении с другими временными формами, отмечается сложность их структуры и значения. Дана сравнительно-историческая и фонетико-морфологическая характеристика каждой формы.

Касаясь дискуссионного вопроса о числе форм прошедшего времени (в работах по современному узбекскому языку число форм прошедшего времени колеблется от 6 до 9 и более), автор выделяет пять простых форм на -ды, -дук, -мыш, -ган, -б и семь сложных, то есть аналитические формы на -мыш+эрди, -ган+эрди, -ды+эрди, -дук+эрди, -б+эрди, -а+турур+эрди, (-а+дур+эрди, -а+эрди), -р+эрди (-мас+эрди).

Во второй главе — «Настоящее время» представлены все формы выражения настоящего времени: формы типа ала+турур+эн, ала+дур+эн, ала+эн, форма на

-мақда, а также описательные формы, образующиеся с участием глаголов состояния *тур-, йат-, йур-, олтур-*.

В староузбекском языке для выражения времени, как установлено автором, в основном употреблялись формы, образующиеся на основе деепричастия *-а (-й)*, нередко использовалась также форма настоящего-будущего времени на *-р*.

Форма на *-мақда* с давних пор существует в тюркских языках огузской группы (в турецком, азербайджанском), в которых она широко представлена в качестве показателя настоящего времени.

В третьей главе — «Настоящее-будущее время» автор пишет, что в тюркских языках настоящее-будущее на *-р* является одной из древних и широко распространенных временных форм изъявительного наклонения. В современном узбекском языке и ряде других языков она сформировалась как форма будущего предположительного или неопределенного будущего времени. Отрицательная форма настоящего-будущего времени образовалась путем прибавления к основе глагола аффикса *-мас/-мэс*. В памятниках XIII-XIV веков данный аффикс употребляется также с конечным звонким согласным в форме *-маз/мьз*.

Последняя — четвертая глава посвящена будущему времени, для выражения которого в староузбекском языке в основном употреблялись формы на *-ғу* и *-ғай*; использовались также форма настоящего-будущего времени на *-р* и формы настоящего времени типа *ала+турур+мэн, аладур+мэн, ала+мэн*.

Все разделы монографии отличаются богатством фактов и научно-обоснованными комментариями.

Освещение вопросов развития наклонений глагола в узбекском языке основывается на утверждении существования в узбекском языке трех наклонений: изъявительного, условного и повелительно-желательного.

Значительный интерес представляет научный подход автора к рассмотрению форм каждого лица повелительно-желательного наклонения. Отсюда делается верный вывод, что выражение того или иного оттенка основного значения зависит от конкретного лица.

Специально останавливается автор на многообразии форм выражения повелительно-желательного наклонения (для 1-го лица единственного числа — 7, множественного числа — 10, для 2-го лица единственного числа — 4, множественного числа — 4, для 3-го лица единственного числа — 2, множественного числа — 2), употреблении и семантических особенностях каждой формы.

Наличие подобных разновидностей форм повелительно-желательного наклонения в староузбекском языке, по мнению автора, связано с определенными историческими

условиями, то есть отдельные формы составляют архаизмы, некоторые являются диалектизмами или заимствованиями из других тюркских языков. Поэтому, как он полагает, большинство форм повелительно-желательного наклонения функционировало в определенный период развития узбекского языка или встречается лишь в отдельных памятниках.

Ш. Шукуров рассматривает все высказывавшиеся соображения об этимологическом составе отдельных форм и обстоятельно анализирует семантику и синтаксические функции последних на протяжении всей истории развития узбекского языка, приходя к верным выводам: например, форма типа *алғай+мэн* происходит от *алға+мэн* (стр. 18—19).

Вторая из рецензируемых работ посвящена условному наклонению, простым и сложным его формам, а также семантическим особенностям формы на *-са/-сэ*.

Отмечая ценность и полезность исследования Ш. Шукурова, нам бы хотелось отметить ясность в отдельные его положения. Так, например, автор пишет, что форма типа *алайын* (<ола-айын) в основном характерна для современного письменного литературного языка, а форма *алай* (<олай) — для разговорной речи. К сожалению, эта мысль не подтверждается материалами узбекских народных говоров («Узбек тилида феъл майллари тараққити», стр. 15).

Трудно также согласиться с тем, что безаффиксальная форма и форма на *-ғыл/-ғил* в повелительно наклонении употребляется в одном и том же значении (там же, стр. 55—56). В современном узбекском языке обе указанные формы семантически различаются между собой. Вполне возможно, что в исторических письменных памятниках узбекского языка также встречались случаи семантической дифференциации этих форм.

В узбекских говорах огузского типа аффикс *-ған/-ғән* прошедшего времени употребляется не только в форме *-йән* («Узбек тилида феъл замоналари тараққити», стр. 54), но и в форме *ан/ән гөрән* (<кўрган), *отирән* (<ўтирган), *эвлән* (<келган), *йэтән* (<ётган), *қошән* (<қўшган). Показатель отрицательной формы настоящего-будущего времени *-мар/-мэр* встречается не только в узбекских говорах карлуков на территории Таджикистана (там же, стр. 125), но и в манкентском, сайрамском говорах, в узбекских говорах Ташкентской области.

Издание двух рецензируемых книг Ш. Шукурова, подводящих итог его многолетним изысканиям в области истории узбекского языка, является заметным фактом не только для узбекского языковедения, но и для тюркологии в целом.

Ш. Насыров, К. Шарипова

АМИР МАХМУДОВ. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ МУСЫ ДЖАЛИЛИЯ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО, КАЗАНЬ, 1980, 112 стр.

Творчество выдающегося татарского поэта Мусы Джалилия является одной из ярких страниц многонациональной советской поэзии.

Многогранное творчество М. Джалилия давно стало объектом исследования литературоведов, педагогов, языковедов, искусствоведов.

Рецензируемая работа Амира Махмудова «Эстетический идеал в творчестве Мусы Джалилия» посвящена изучению эволюции эстетических воззрений поэта на протяжении всего его творческого пути. Следует отметить, что художественное наследие Джалилия в данном аспекте в советском литературоведении изучается впервые. Этим определяется и структура книги.

Исследование начинается с анализа довоенного творчества поэта. Эстетические воззрения и идеалы М. Джалилия, как указывает автор, формировались под непосредственным воздействием красоты родной природы, созидательной жизни народа, богатого устного народного поэтического творчества, произведений классиков татарской литературы — Габдуллы Тукая, Маджита Гафури и др.

«... Формирование коммунистического эстетического идеала М. Джалилия шло параллельно росту его как личности, как поэта, — пишет автор. — Эстетические обобщения в каждом новом произведении становятся более глубокими, а художественные образы его поэзии — более яркими и самобытными. Об этом наглядно свидетельствует и то обстоятельство, что эстетическое содержание произведений Джалилия в процессе дальнейшей творческой деятельности становится более высоким и разнообразным» (стр. 13).

На основе детального анализа поэзии Джалилия автор сумел правильно определить главное направление развития художественного мастерства поэта, богатство арсенала его изобразительно-выразительных средств. Стремясь полнее раскрыть особенности творческого мировоззрения поэта, А. Махмудов сопоставляет эстетический идеал Джалилия с эстетическим идеалом таких татарских советских писателей, как Х. Такташ, А. Кутуй.

Следует подчеркнуть, что А. Махмудов справедливо выделяет такие категории эстетики, как партийность, классовость и народность, так как именно они прежде всего определяют значимость творчества любого художника.

Заслуживают внимания наблюдения автора о постепенном слиянии в лучших произведениях Джалилия темы личной жизни

героев с темой жизни коллектива, о возрастании интереса поэта к внутреннему миру персонажей (поэмы «Письмоносец», «Сарвар», «Зайнап» и др.).

Большое внимание критик уделил анализу драматической поэмы «Алтынчеч», написанной на основе татарского фольклора. В этой поэме Джалиль сумел раскрыть стремления и чаяния народных масс, их идеалы. Автор справедливо считает это произведение вершиной довоенного творчества поэта: «В этой поэме Джалиль сумел правдиво раскрыть свободолюбивый характер народных масс, их борьбу против иноземных захватчиков, против деспотизма царской власти. Злободневность и актуальность этого произведения были в том, что автор окончательно завершил его перед Великой Отечественной войной и что оно по своему художественно-эстетическому значению близко к «Моабитской тетради», является отправной точкой к этому своеобразному поэтическому циклу» (стр. 35).

Исследованию «Моабитской тетради» М. Джалилия, принесшей поэту мировую известность, посвящена отдельная глава книги. А. Махмудов считает, что в этом цикле стихов синтезированы философско-эстетические воззрения поэта, воплотившие наиболее прогрессивные черты и идеалы народного творчества, поэтики восточных и западных литератур. Эстетическим идеалом «Моабитской тетради», как правильно отмечает автор, является «прежде всего представление поэта о красоте мира, воспевание верности Отчизне, духовной чистоты советского человека, уверенность в победе добра над злом» (стр. 47). Автор останавливается на своеобразии проявления в творчестве Джалилия и таких эстетических категорий, как трагическое и героическое. Знаменательно, что в «Моабитской тетради» А. Махмудов выделяет два трагических начала: трагичность судьбы самого поэта и трагичность судьбы немецкого народа, ставшего жертвой фашизма. Критику удалось раскрыть в своей книге омерзительную социальную сущность фашизма с точки зрения таких эстетических категорий, как безобразное и уродливое. Сравнительно-типологический анализ специфики эстетических идеалов Джалилия в сопоставлении с эстетическими идеалами М. Исаковского, К. Симонова, Э. Капиева, И. Нонешвили и других автором научно и всесторонне аргументируется.

Вместе с тем необходимо отметить, что А. Махмудов мог бы более подробно остановиться на особенностях проявления сатирического и юмористического начала в от-

дельных стихотворениях «Моабитской тетради», в частности, в таких стихотворениях, как «Простуженная любовь», «Хадича», «В пьаном зале».

В книге значительное место занимает анализ такой актуальной проблемы советской эстетики и литературоведения, как диалектика взаимодействия интернационального и национального в эстетическом идеале Джалиля. Теоретическое осмысление данного вопроса, как известно, требует от исследователя соответствующей теоретической подготовки, широкого привлечения документальных источников и архивных материалов. А. Махмудов, исходя из конкретных примеров, раскрывает духовное родство творчества Джалиля с русской, украинской, грузинской, казахской, башкирской литературами, высказывает мысль о том, что интернационализм эстетического идеала поэта находит воплощение в соответствующем изображении характерных черт, присущих многим народам мира. «Интернациональное и национальное находятся в поэзии Джалиля в неразрывном единстве, — пишет автор, — ибо поэт в своих произведениях ставил вопросы, актуальные для своего времени, волнующие все народы многонациональной Советской Родины» (стр. 80).

Как известно, Джалилю пришлось лицом к лицу столкнуться с фашизмом, на себе испытать все гнусное варварство гитлеровцев. Поэтому правомерен вопрос: не пошатнули ли подлость и бесчеловечность немецкого фашизма в Джалиле веру в торжество гуманизма, не привели ли к ослаблению интернационалистских мотивов в творчестве поэта?

Отвечая на этот вопрос А. Махмудов приходит к следующему убедительному выводу: интернационализм в стихах Джалиля проявился в самых высоких формах, выраженных в уважении к немецкому народу, в вере в его освобождение от фашизма. «Именно в последних своих поэтических произведениях, написанных в буквальном смысле слова под топором палача, потрясших человечество, — пишет автор, — поэт сумел выразить высокие интернациональные чувства; в этом проявился его героизм,

глубокий гуманизм и пламенный патриотизм.

Интернациональное и национальное явились основными характерными качествами эстетического идеала Джалиля, крыльями его бессмертной поэзии и способствовали высокому полету творчества героического сына татарского народа» (стр. 81).

Последняя глава книги посвящена литературно-критической деятельности Джалиля. Ценность данной главы состоит прежде всего в том, что в ней впервые в татарском литературоведении критические статьи, рецензии и заметки поэта, посвященные злободневным проблемам литературы и искусства, анализируются в аспекте эстетических идеалов поэта. А. Махмудов подчеркивает здесь исключительно большую роль эстетического идеала в формировании мировоззрения писателя, которое особенно наглядно проявляется в его литературно-критических работах. Анализируя статьи Джалиля, посвященные проблемам татарской литературы и искусства, творчеству таких писателей, как Тукай, Гафури, Такташ и других, автор прослеживает сложную эволюцию эстетического идеала М. Джалиля. Совершенно справедливо пишет А. Махмудов и о том, что отношение Джалиля к наследию больших мастеров слова в разные периоды его творчества не было однозначным. Так, говоря об оценке Джалилем поэзии Х. Такташа, автор верно отмечает, что «в начальные периоды своего творчества Джалиль не всегда с полным пониманием относился к творчеству Хади Такташа, одного из основоположников татарской советской поэзии. Впоследствии взгляды Джалиля на творчество Х. Такташа в корне изменились» (стр. 84) и он стал страстным пропагандистом его поэзии.

А. Махмудов в своей книге не обошел вниманием многие издания, посвященные творчеству Джалиля, широко опирался на архивные материалы. Исследование А. Махмудова является заметным вкладом в джалиловедение.

Л. К. БАЙРАМОВА. РУССКО-ТАТАРСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА.

ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, КАЗАНЬ, 1980, 232 стр.

Рецензируемый словарь создан на материале Полного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах и татарских переводах его четвертого издания. В словарь включено более 2800 фразеологических единиц. По широте охваченного материала данный словарь значительно превосходит существующие аналогичные работы. Так, в Указателе «Пословицы, поговорки, крылатые слова и изречения, литературные образы и цитаты» к Справочному тому сочинений В. И. Ленина дано 1126 фразеологических единиц; в диссертациях, посвященных изучению фразеологии В. И. Ленина (Н. Г. Бакановой, В. Г. Зиновьевой, М. А. Алексеева, Н. П. Панфилова), анализируются фразеологизмы ленинских произведений лишь определенного периода или одного жанра (письма, публицистика). В отличие от упомянутого Указателя, в словаре Л. К. Байрамовой отражена индивидуально-авторская ленинская фразеология («великий почин», «человек с ружьем», «герой фразы» и др.), с точки же зрения общезыковой фразеологии, данный словарь в некоторой степени дополняет и «Фразеологический словарь русского языка» (М., 1968), в который не вошли такие общепотребительные фразеологизмы, неоднократно использованные В. И. Лениным, как «шаг вперед», «корень зла», «лить воду» и др.

Важной характеристикой фразеологизмов произведений В. И. Ленина, включенных в рецензируемое издание, является указание на частотность использования В. И. Лениным того или иного фразеологизма, что способствует раскрытию существа ленинских мыслей, его активной позиции борца. Большой интерес представляют приемы использования В. И. Лениным фразеологии, различные виды фразеологической трансформации в его произведениях, описанные автором в Предисловии и раскрытые в словарных статьях, документированных соответствующими иллюстрациями — цитатами. Как видно из словаря, В. И. Ленин обращался к фразеологическим трансформациям лексического, морфологического, семантического и синтаксического характера не для «украшения» речи (традиционное представление о функции фразеологизмов), а для выражения «с удивительной меткостью» «сущности довольно сложных явлений» (В. И. Ленин. Т. 25, стр. 133). При этом хорошо подобранные в рецензируемом словаре цитаты-примеры способствуют правильному семантическому осмыслению значения фразеологизма и составляют необходимую, органическую часть словаря. Таким образом, данный словарь, представляя фразеологизмы из произведений В. И. Ленина, в нормативном употреблении составлен с учетом лингвистических требований текста. При-

водя трансформированные фразеологизмы в ленинских контекстах, автор исходит из необходимости изучать язык В. И. Ленина в динамике, в процессе функционирования фразеологизмов в речи.

Как известно, раскрытие и эксплицитные формулировки технических приемов и процедур фразеологии осуществлялись в весьма узких рамках. Теоретический вакуум, существующий в области фразеологии был заполнен небольшим количеством работ (А. М. Бабкин, А. М. Молотков, Е. Г. Багатурова, М. И. Умарходжаев). Поскольку рецензируемый словарь является научным трудом нового типа (двуязычный словарь языка индивида), рассмотрение автором теоретических и практических проблем фразеологии делает данное исследование весьма актуальным. Помимо решения вопросов статуса фразеологических единиц и принципов отбора фразеологизмов (стр. 8—9), систематизации фразеологического материала (стр. 1—11), семантизации заглавных фразеологизмов (стр. 12), без которых создание словаря, отвечающего требованиям современной науки, невозможно, автором был решен и ряд важных теоретических проблем: о критериях определения индивидуально-авторской фразеологии В. И. Ленина; о татарских эквивалентах русских фразеологизмов и способах перевода фразеологизмов произведений В. И. Ленина; о роли кальки и полукальки в переводах фразеологизмов произведений В. И. Ленина. Все это нашло реальное воплощение в рецензируемом Словаре.

Л. К. Байрамовой предложен и обоснован комбинированный способ перевода (стр. 14—15) — совокупное использование татарских эквивалентов, калек, полукалек, фразеологических заимствований и описательного метода. Комбинированный способ перевода делает лингвистическую информацию о фразеологизмах в произведениях В. И. Ленина доступной, более концентрированной и обзорной.

«Русско-татарский фразеологический словарь языка В. И. Ленина», раскрывая неисчерпаемое богатство фразеологической сокровищницы языка В. И. Ленина, прослеживает процесс развития и совершенствования татарской фразеологии, образование общего русско-татарского фразеологического фонда на основе переводов произведений В. И. Ленина. Именно поэтому в последующей фразеологической практике данный словарь может быть принят за основу при составлении двуязычных фразеологических словарей языка В. И. Ленина.

Труд Л. К. Байрамовой вносит много ценного не только в дело создания русско-национальных словарей фразеологического типа, но и развивает в своей исследователь-

ской части теорию общей фразеологии. Автор проделал колоссальную работу по фразеологической обработке и систематизации фразеологии произведений В. И. Ленина, по отбору иллюстративного материала, по его наиболее адекватному переводу на татарский язык. Л. К. Байрамова учла и использовала в своем словаре новейшие исследования в области русской, татарской и других национальных фразеологий, а также весь накопленный опыт изучения фразеологии В. И. Ленина.

Нет сомнения, что работа Л. К. Байрамовой может оказать полезную для переводчиков трудов В. И. Ленина и на языки народов Советского Союза. «Русско-татарский фразеологический словарь языка В. И. Ленина» подлинно новаторская лексикографическая работа, заслуживающая высокой научной оценки.

Г. Ц. Пюрбеев

G. DOERFER UND S. TEZCAN. WÖRTERBUCH DES CHALADSCH (DIALEKT VON XARRAB)

BIBLIOTHECA ORIENTALIS HUNGARICA XXVI, BUDAPEST, 1980, 232 стр.

«Халаджский словарь» — одна из наиболее крупных работ, посвященных халаджскому языку. Почти все исследования, связанные с этим языком, появились недавно, причем автором многих публикаций является Г. Дёрфер, благодаря активной деятельности которого в научный обиход были введены новые материалы и выдвинуты важные лингвистические проблемы. И хотя основные из предложенных Г. Дёрфером решений спорны, недостаточно убедительны или даже неприемлемы, проделанная им и его учениками работа заметно содействовала достижениям современной тюркологии и безусловно заслуживает высокой оценки.

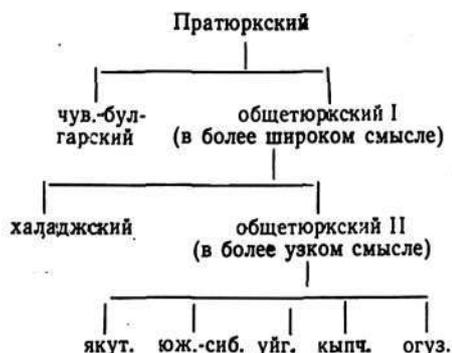
Название рецензируемой книги само уже говорит о ее характере, однако сразу же следует отметить, что собственно словарные статьи не исчерпывают содержания «Халаджского словаря». Треть книги составляет введение, в котором описаны источники словаря и различные этапы его подготовки, изложены принципы подачи материала, приведены сведения о диалекте Харраба. Значительное место занимают высказывания авторов по вопросу об отношении халаджского языка к другим тюркским языкам. Заключительный раздел введения — список сокращений и библиография, насчитывающая около сорока наименований.

Тюркоязычные халаджи, численность которых, по последним данным, не превышает 20 тысяч, живут приблизительно в 50 населенных пунктах в Центральном Иране, в 200 км на юго-запад от Тегерана, несколько западнее Кума. Небольшое количество халаджей находится среди кашкайцев. Пребывая длительное время в ираноязычном окружении, они подверглись сильной ирани-

зации. Большинство халаджей владеет не только персидским, но и азербайджанским языком. Преподавание в школах ведется на персидском языке.

Первые записи халаджских слов были сделаны В. Ф. Минорским в 1906 году и изданы им же в 1940 году¹. В 1939 году сбор материалов был продолжен М. Мокаддамом, опубликовавшим их с введением, переводом и комментариями в 1941 году². Весной 1968 года у халаджей в течение месяца находились студенты Гёттингенского университета (ФРГ) В. Кеше, Г. Шейнгардт и С. Тезджан, которые посетили 34 населенных пункта и записали на пленку тексты, предложения, отдельные слова. Материалы экспедиции вошли в опубликованный в 1971 году первый том «Халаджских материалов»³. В 1969 году к халаджам отправилась вторая экспедиция из Гёттингена в составе Г. Дёрфера и двух студентов (П. Раджаби и С. Тезджана), обследовавшая 23 населенных пункта и собравшая новые материалы. В 1970 году халаджские тексты записывались также в Гёттингене во время пребывания там М. Арабгола, информанта из Харраба. На основе этих записей был подготовлен и издан в 1980 году рецензируемый словарь.

Повышенный интерес к халаджскому языку вызван наличием в нем ряда примечательных фонетических особенностей, грамматических форм и слов. По мнению Г. Дёрфера, он в наибольшей степени сохранил черты пратюркского состояния и, занимая обособленное положение, образует самостоятельную ветвь тюркских языков, генетические связи которой могут быть изображены посредством следующей схемы:

При этом Г. Дёрфер опирается на предположение о трехчленности количественной оппозиции гласных в халаджском и пратюркском языках и констатирует противопоставление в халаджском языке в начале слова *o* (нуль)/*h*, восходящее, как он полагает, к соответствующей пратюркской оппозиции, а также называет частные отличительные признаки фонетики, морфологии и лексики: а) отражение пратюркского **b* в интервокальном положении и в конце слова в виде *d* (*hadak* 'нога', *voda* 'красить', *jud* 'запах'); б) сохранение пратюркского начального **k* без перехода в *g* или *g* (*käs* 'резать', *kez* ~ *köz* 'глаз', *kin* ~ *kün* 'день'); в) сохранение пратюркского начального **t* при наличии случаев перехода его в *d* (*täy* 'гора', *tämür* 'железо', *tiş* 'зуб', *til* 'язык', *däm* 'крыша', *dib* 'основание', 'дно', *dovuşyan* 'заяц'); г) использование необычных форм местного и исходного падежей, повелительного склонения 3-го лица единственного числа настоящего времени, например: *hävcä* 'в доме', *hävdä* 'из дома', *alta* 'пусть возьмет', *başlajur* 'начинает' и т. д.

Иная точка зрения нашла отражение в работах В. Ф. Минорского и М. Мокадама, рассматривавших халаджский язык как диалект азербайджанского. Придерживающийся последней точки зрения Ф. Р. Зейналов, не отрицая своеобразия халаджского языка, утверждает, что по своему грамматическому строю он не выделяется из среды известных нам тюркских языков и что многое из его фонетического и морфологического своеобразия имеет параллели в азербайджанских говорах⁴.

Названные Г. Дёрфером черты, будучи взятыми в совокупности, отводят халаджскому языку особое место, но отнюдь не свидетельствуют о его непричастности к огузской группе. Он действительно самостоятелен и своеобразен, однако несколько не выходит за рамки языков огузского типа, обнаруживая общие с ними классификационные признаки, например: использование формы настоящего конкретного на *-ijor* (*kälilijoruk* 'мы приходим')⁵, формы прошедшего результативного на *-туş*, определенной конструкции с глагольным именем

на *-duk*, в пределах которой аффиксы принадлежности присоединяются не к определяемому, а к определению (*käldüküm kin* 'день, когда я пришел'), употребление форм порядковых числительных типа *äkki-*

minji 'второй', наречий *buca* ~ *buoca* 'здесь', *burda* ~ *buorda* 'отсюда', *uğa* ~ *uoga* 'там', *pięä* 'где?' Приведенных примеров, на наш взгляд, достаточно, чтобы рассеять сомнения относительно принадлежности халаджского языка к огузской группе.

Трудно согласиться с утверждением, что халаджский язык — диалект азербайджанского, хотя вместе с тем нельзя не признать его наибольшую близость прежде всего к азербайджанскому языку и затем уже к туркменскому и турецкому языкам, о чем свидетельствуют: а) размеры употребления начального *h*, относимого нами к протетическим согласным⁶; б) устойчивость интервокального *y* (*oyul* 'сын', *jayuş* 'дождь', *huyl* 'собираться', ср.: азерб. *oyul*, *jayuş*, *juyul* - туркм. *ovul*, *jayuş*, *juyul* - тур. *oğul*, *yağış*, *uygul*); в) переход *ğ* в *j* (*i*) в положении между гласными (*bäjän* 'одобрять', 'считать подходящим', *äjil* 'нагибаться', 'наклоняться', *teijmän* 'мельница', ср.: азерб. *bäjän*-, *äjil*-, *däjirman*, туркм. *begen* 'радоваться', *egil*-, *degirman*, тур. *begän*-, *eğil*-, *değirman*); г) идентичность способов образования положительной и отрицательной форм возможности (*käli-bildim* 'я мог прийти', *käli-bilmädüm* 'я не мог прийти', ср.: азерб. *gälä bildim*, *gälä bilmädim*, туркм. *gelip bildim*, *gelip bilmedim*, тур. *gele bildim*, *gelemedim*); д) переход *b* в *m* в анлауте слов, содержащих носовые согласные (*män* 'я', ср.: азерб. *män*, туркм. *mep*, тур. *ben*; *miņg* 'тысяча', ср.: азерб. *miņ*, туркм. *mün*, тур. *bin*); е) избирательная спонантизация начального *b* (*var*-'идти', 'доходить', 'достигать'; ср.: азерб. *var*-, туркм. *bar*-, тур. *var*-, *vier*-'давать', ср.: азерб. *ver*-, туркм. *ber*-, тур. *ver*-, *vär*-'есть, имеется', ср.: азерб. *var*-, туркм. *bär*-, тур. *var*); ж) исчезновение начального *b* в глаголе *bol* (*uol* ~ *ol*-'быть, становиться', ср.: азерб. *ol*-, туркм. *bol*-, тур. *ol*-); з) появление протетического *v* в глаголе *ug* (*vug*-'бить', ср.: азерб. *vug*-, туркм. *ug*-, тур. *vug*-) и т. д.

Следует обратить внимание на внешний облик слов *huyl*-'собираться', *holıun*-'тамариск'. С одной стороны, здесь налично свидетельство утраты начального *j* (ср.: азерб. *juyul*-, *julıun*), с другой — убедительное доказательство протетического характера халаджского *h*, который мог развиться лишь после утраты *j*.

Важной чертой, ограничивающей азербайджанский язык и его диалекты от других огузских языков, является своеобразная огласовка лично-предикативного показателя 1-го лица единственного числа настоящего времени, будущего категорического, будущего некатегорического и прошедшего по-

вествователного времени. И в этом отношении халаджский язык примыкает к азербайджанскому, ср.: халадж. *kālmišām*, азерб. *gālmišām*, тур. *gelmişim*.

Почти то же можно сказать о выделительном местоимении *bilā*, которое до недавнего времени было зафиксировано только в диалектах азербайджанского языка: тебризском, урмийском и афшарском. Оно типично и для халаджского языка, ср.: халадж. *bilām* 'я (сам)', *bilāj* 'ты (сам)', *bilāsi* 'он (сам)', *bilātiz* 'мы (сами)'; тебриз. *bilām*, *bilān*, *bilāsi*⁷; афшар. *bilām*, *bilāj*, *bilāse*, *bilājiz* 'вы (сами)'⁸.

Халаджский язык с азербайджанским объединяет использование глагола *dānuš* ~ *dānuš-* (азерб. *dānuš-*) в значении «говорить, разговаривать». Ср.: тур. *dānuş-* 'советоваться', 'совещаться'.

Количество азербайджано-халаджских параллелей, или сходств, в области фонетики и морфологии велико и они очень существенны, так что воспринимать их как следствие относительно позднего влияния азербайджанского языка на халаджский было бы слишком ослепло.

Все сказанное выше может быть положено в основу предварительной классификации огузских языков и диалектов Ирана и Афганистана, которая, думается, будет выглядеть так: 1) азербайджанский язык (диалекты *айналлу*, кашкайский⁹, сонкорский¹⁰, афшарский, тебризский, урмийский и др.); 2) халаджский язык; 3) туркменский язык (диалекты *хорасанский*¹¹ и др.).

В рецензируемом словаре имеется около 4500 словарных статей, часть которых содержит фразовые примеры и перечни форм. Таким образом, словарь дает представление не только о лексике халаджского языка, но и о его морфологии, синтаксисе.

Анализ лексического состава показывает, что абсолютное большинство халаджских слов — персидского и арабского происхождения.

Собственно тюркская лексика представлена заметным пластом огузских слов например: *āl* 'рука', 'кисть руки', *āya* 'господин', *ayul* 'загон для скота', *aiçak* 'низкий', 'маленький', *bājān-* 'одобрять', 'считать подходящим', *bul-* 'находить', *bejyuş* 'сова', *gadun* 'шурин', *kimsā* 'некто', *tājiş-* 'изменяться', *tēmi* 'сейчас', *tynjal-* 'отдыхать', *tolıyan-* 'прохаживаться, гулять', *vaçak* 'половина', *jāvaş* 'медленный', 'медленно', *joçun* 'толстый', 'полный', *junja* 'клевер'.

Встречаются также слова, отсутствующие в огузских языках¹²: *iem* ~ *ēm* 'штаны', *kişi* 'женщина', *kissi* 'жена', *hirin* ~ *hürün* 'белый', *hark* 'экскременты', *bāluk* 'селение', *vā-* 'связывать', 'завязывать', *kidān* ~ *kūdān* 'свадьба', *sī-* 'ломать', *ū* 'сон', *kudıyū* 'муха', *alumla* ~ *alumla* 'яблоко', *dāy* 'нег', *ārin* 'губы', *berī* 'волк'. Наличие таких слов не препятствует отнесению халаджского языка к огузской группе, тем более что отдельные из приведенных слов обнаружены в староперсидских текстах и в говорах азербайджанского и туркменского языков, ср.: туркм. (диал.) *erep* 'губы'¹³, *bōgi*, *yürt* 'волк'¹⁴, *kisi* 'жена'¹⁵.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемый словарь является уникальным собранием халаджских лексических материалов и грамматических форм, ценным источником сравнительного изучения огузских языков, и поэтому будет одобрительно встречен тюркологами.

А. М. Щербак

¹ V. Minorsky. The turkish dialect of the Khalaj. — «Bulletin of the School of Oriental Studies», X, 2. London, 1940, стр. 417—437.

² M. Moghaddam. Güyishā-yi Wafs wa Aštiyan wa Tafraş. Irānkūda 11, Teheran 1318 h. š. (Текст работы М. Мокаддама воспроизведен в кн.: G. Doerfer. Khalaj materials, стр. 60—137).

³ G. Doerfer. Khalaj materials. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 115. Bloomington, 1971.

⁴ Ф. Р. Зейналов. Об одном «древнем тюркском языке» в Среднем Иране. — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 74—79.

⁵ В примеры из «Халаджского словаря» нами внесены лишь незначительные графические изменения.

⁶ Некоторые говоры азербайджанского и туркменского языков по количеству слов с начальным *h* лишь немногим уступают ха-

ладжскому языку. См., например: С. Куренов. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1959, стр. 12.

⁷ См.: H. S. Szapszal. Próby literatury ludowej Turków z Azerbajdzanu perskiego (Wstęp, teksty, tłumaczenie i słownik azerbajdzansko-polsko-niemiecki). — «Prace Komisji Orientalistycznej», Nr. 18, Kraków, 1935, стр. 79.

⁸ См.: L. Ligeti. Sur la langue des Afchars d'Afghanistan. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», VII, 2—3, Budapest, 1957, стр. 129—130.

⁹ Г. Дёрфер считает айналлу и кашкайский не диалектами азербайджанского языка, а близкими к нему самостоятельными языками («nur... aserbeidschanoid»). См.: G. Doerfer. Bericht über eine linguistische Forschungsreise in Iran. — «Türk Dili

Araştırma Jılığı». Belleten (1973—1974), Ankara, 1974, стр. 201.

¹⁰ См.: у Г. Дёрфера: «Сонкорский образует переходную ступень от азербайджанского языка Ирана к айналлу». См.: G. Doerfer. Das Sonqor-Türkische (Ein vorläufiger Bericht). — «Studia Orientalia», 47, Helsinki, 1977, стр. 50. Кстати, сонкорские материалы дают примеры выпадения конечного *n* в аффиксе исходного падежа и в личных местоимениях (*mā* 'я', *sā* 'ты') и перехода интервокального *d* в *r*. — Там же, стр. 46—47.

¹¹ См.: G. Doerfer. Das Chorasantürkische. — «Türk Dili Araştırma Yılığı». Belleten (1977), Ankara, 1978, стр. 127—204.

¹² См.: G. Doerfer. Altertümliche türkische Wörter im Chaladsch. — «I. Türk dili bilimsel kurultayına sunulan bildiriler (1972)». Ankara, 1975, стр. 255—260.

¹³ См.: С. Байлиев. Языковые особенности дестана «Саят и Хемра». Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1965, стр. 14.

¹⁴ См.: С. Куренов. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), стр. 23.

¹⁵ См.: С. Аразкулиев, С. Атаныязов, Р. Бердиев, Г. Сапарова. Туркмен дилинин гысгача диалектологияк сөзлүги. Ашгабат, 1977, стр. 113.

GRANNES ALF. LOAN COMPOUNDS IN BULGARIAN REFLECTING THE TURKISH INDEFINITE ISAFET-CONSTRUCTION.

OSLO-BERGEN-TROMSØ, 1980, 56 p. (SKRIFTER UTGITT AV DET NORSKE

VIDENSKAPS-AKADEMI. II. HIST.-FILOS. KLASSE. NY SERIE. № 15).

BIBLIOGR: p. 52—56.

Норвежский славист, языковед Альф Граннес, преподаватель факультета русского языка и литературы Университета в Бергене, известен работами по изучению турецкого лексического вклада в балканских языках.

Рецензируемая книга связана с предыдущими исследованиями автора по изучению тюркизмов турецкого происхождения в современном болгарском литературном языке¹. В данном случае автор ограничивается рассмотрением только сложных слов, заимствованных болгарским языком из турецкого и отражающих турецкие атрибутивные конструкции с определением в форме именительного падежа и с наличием в определяемом существительном притяжательного аффикса третьего лица *-i/i*, *-si/-sı* (типа болг. *gül şerbet-i* — тур. *gül şerbet-i* 'розовый шербет', болг. *джеб пара-съ* — тур. *ser para-sı* 'карманные деньги'). Подобного рода словосочетания и словосложения на болгарской почве активно подвергаются морфологической адаптации (путем отбрасывания конечного гласного или наращивания более типичного окончания), а также испытывают разного рода преобразования как

на турецкой, так и на болгарской почве: *бинек-ташъ/бинек-таш/бинекташия* — тур. *binektaş* 'камень (-taş), с которого садятся (binek-) на лошадь' (обычно находится вблизи от входа в дом).

Изафетные конструкции номинативного типа обнаруживают еще на турецкой почве тенденцию к превращению в сложные слова, что отражается и на воспринимавшей их болгарской почве, а также в других балканских языках, где имеются такие заимствования, занимающие промежуточное положение между словосочетанием и сложным словом.

Материал собран автором из словарей и произведений болгарских писателей, а также из лингвистических сочинений о тюрцизмах болгарского языка, но принципы отбора им лексического материала остаются не вполне ясными. Иногда в книгу включаются даже чисто турецкие слова, например, слово *йолпарасъ* у писателя Р. Жинзифова в следующем предложении: «Неотдавна, когато турското правителство узнало необходимостта да построи пътища, е наложен нов данък, наречен йолпарасъ, т. е. данък или пари за построяване на пътища, по шест пиастра от всеки работоспособен човек и по шест пиастра за всеки кон, магаре или вол, собственост на християнина» (стр. 17—18 книги А. Граннеса). Как видно из контекста, автор приводит турецкое название *yol parası* для обозначения специального налога на строительство но-

¹ Grannes A. Le redoublements turk a m initial en Bulgare. — «Балканско езикознание», XXI, кн. 2, София, 1978, стр. 37—50; *его же*. Étude sur les turquismes en Bulgare. Oslo, 1970.

вых дорог. Данный в болгарском написании, этот термин тут же поясняется по-болгарски. Следует заметить, что в самых популярных болгарских словарях (толковых и двуязычных) это чисто турецкое слово не фиксируется. Нет его и в специальном словаре редких слов («Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век». Под ред. на Ст. Илчев. София, 1974) и даже в словаре иностранных слов («Речник на чуждите думи в българския език». Трето издание. С предговор. към първото издание от акад. Вл. Георгиев. София, 1970).

Притяжательные аффиксы *-i/-i*, *-si/-si* опускаются иногда уже в турецких диалектах и в просторечии, но чаще всего утрата этого аффикса бывает связана с началом прочного освоения изафетных конструкций уже в качестве отдельных слов на почве болгарского языка, причем тенденцию к устранению турецких притяжательных аффиксов в этого рода заимствованиях на почве болгарского языка болгарские лексикологи считают иногда сравнительно новым явлением, справедливость чего оспаривается автором (стр. 26—27).

Под влиянием большого числа турецких сложных слов изафетного происхождения в современном болгарском языке значительно активизировалось словосложение как один из важных способов словообразования. В связи с этим следует различать заимствованные из турецкого источника сложения изафетного типа и сложения, возникшие на базе болгарского языка подчас тоже на основе слов турецкого происхождения. Сделать это можно лишь изучая историю слова на турецкой и болгарской почве.

Едва ли правомерно, например, признать образованным на турецкой почве существительное *делибашия*, употребляющееся преимущественно в форме множественного числа для обозначения турецких дезертиров, опустошавших болгарские селения (стр. 32, 33). Так же именовались и солдаты турецких нерегулярных войск, тоже занимавшиеся грабежом мирного населения (ср. несколько иное по структуре, но идентичное по внутренней форме слово *бишибузук-турецк. vaşibozuk*, представляющее собою фактически целое предложение номинативного характера)². Вероятно, на болгарской почве регулярное турецкое выражение *deli baş* 'безумная, горячая голова' испытало формальную ассимиляцию со стороны близкого ему семантически *deli başı* 'глава безумцев, горячих голов', сохранив семантику первого, но форму второго: *делибашия*, хотя встречается и форма *делибаши*. Эта форма может быть возведена к обыч-

ному *deli baş*, но могла возникнуть и в результате усечения формы с притяжательным аффиксом *deli başı*, причем более вероятна первая возможность (поскольку семантика говорит в ее пользу). Активизации именно формы *делибашия* в болгарском языке способствовало то обстоятельство, что все известные в нем турецкие сложения со вторым компонентом *-baş* 'голова' чаще всего восходят к притяжательным конструкциям и получили оформление в виде *-башия*. Благодаря употреблению слова *делибаши* у А. С. Пушкина это слово известно и в русском языке, но его следует выводить из турецкого атрибутивного сочетания *deli baş*³.

В заключение автор дает классификацию заимствованных из турецкого языка сложных слов по тематическим группам лексики, ярко демонстрирующую сугубо бытовой характер такого рода слов. Это противоречит встречающимся иногда высказываниям славистов о том, что сложные слова в славянских языках (в том числе и болгарском) принадлежат исключительно к числу книжных по своей стилистической окрашенности: турецкие заимствования болгарского языка стилистически представляют собой полную противоположность книжной лексике.

Проблема выделения среди общей массы тюркизмов сложных слов, восходящих к тюркским изафетным (атрибутивным) конструкциям, может быть поставлена применительно к изучению тюркизмов в других славянских языках. Правда, возможно, что за пределами южнославянских языков с их весьма обильным запасом заимствований из турецкого языка (османизмов) подобного рода сложных слов гораздо меньше, но они все-таки есть во всех славянских языках.

В качестве примера может быть приведено украинское редкое слово *отагас* (то же, что *личман*) 'старший пастух'; чаще: 'старший пастух овец', зафиксированное «Словарем украинского языка» под редакцией Б. Д. Гринченки (т. III. Киев, 1909, стр. 72) со ссылкой на X выпуск южнорусского литературно-ученого вестника (журнала) «Основа» (СПб., 1861—62, X, стр. 45). Этот пастушеский термин украинского языка соотносится самым непосредственным образом с известным в тюркских языках почтительным обращением к старшим типа *каз*, *ккалп. отагасы*, узб. *ўтагаси*, которое буквально значит 'старший при огне' и семантически примерно соответствует русскому «почтенный». В. В. Радлов (см. его: «Опыт словаря тюркских наречий», т. I. СПб., 1893, стб. 1105) специально отметил тесную спаянность обеих частей этого этимологически сложного слова (из словосочетания). Склонение данного слова не напоминает о

² См.: Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III, М., 1958, стр. 7, 20.

³ Неточно приведено в книге: Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в., М., 1981, стр. 93.

наличии в его составе десемантизированной аффикса принадлежности 3-го лица *-сы* (узб. *-си*), что свидетельствует о полном опрошении сложения.

А. Граннес ограничился рассмотрением только заимствований из турецкого языка (османизмов), но подобного рода сложения проникали в славянские языки и с тюркско-булгарской языковой почвы за много веков до проникновения турецких слов. Чувашско-булгарское соответствие кыпчакскому обращению *отагасы* (из *от* 'огонь' + *ага* 'старший' + аффикс принадлежности *-сы*) выглядело иначе: *ват* 'огонь' + *ага*, *аха* 'старший' + аффикс принадлежности *-и* → **ватахаш* → **ватахи*, причем последняя форма воспринималась у славян как множественное число, к которому было образовано единственное число *ватāх* [также *ватāф* (*ин*), сюда же и румын. *vătăf*].

Болгарское слово *ватах* употребляется как архаическое название главного мастера плавильной печи или предводителя группы участников русальских игрищ («главатар на русалийска дружина») и до сих пор не имело удовлетворительной этимологии (см. «Български етимологичен речник», св. II, София, 1963, стр. 123).

Весьма содержательная по своим положениям и собранному материалу книга А. Граннеса способствует привлечению внимания исследователей к грамматической природе тюркизмов в славянских языках. Это — ценное интересное исследование, имеющее значение как для славистики, так и для тюркологии.

И. Г. Добродомов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

14 мая 1982 года Институт языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР провел республиканское совещание по вопросам культуры азербайджанской речи в эпоху развитого социализма. В работе совещания приняли участие представители ряда научно-исследовательских учреждений Академии наук Азербайджанской ССР, языковедческих и литературоведческих кафедр вузов республики, Союза писателей Азербайджана, а также учителя средних школ, работники печати, телевидения, радио.

Программа совещания охватывала такие вопросы, как язык художественной прозы и поэзии, переводных произведений, язык печати, радио и телевидения, сценическая речь, язык учебников родного языка, вопросы орфографии и орфоэпии, соотношение нормированности, вариантности и живых процессов в современном азербайджанском литературном языке и др. Всего было заслушано восемь докладов, в прениях выступили двенадцать человек.

Совещание открыл академик-секретарь Отделения литературы, языка и искусства Академии наук Азербайджанской ССР М. З. Джафаров, отметивший, что благодаря торжеству ленинской национальной политики в Советском Азербайджане азербайджанский литературный язык, став достоянием всего народа, вступил на путь небывалого прогресса и расцвета. Ныне это — высоко развитый язык, отвечающий всем требованиям современной общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни республики, язык науки и техники, образования и делопроизводства, искусства и средств массовой информации. В эпоху развитого социализма уделяется все большее внимание вопросам дальнейшего совершенствования и обогащения азербайджанского литературного языка. Принятые в последние годы решения ЦК КП Азербайджана, направленные на дальнейший расцвет культуры в республике, способствовали активизации процессов развития современного азербайджанского языка и литературы.

М. З. Джафаров подчеркнул, что в развитии и обогащении азербайджанского литературного языка огромную роль играет русский язык — язык межнационального общения народов СССР.

В докладе директора Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиева «Живые процессы в азербайджанском литературном языке и язык художественных произведений (проза)» были указаны основные тенденции в нормировании современного языка в его письменной и устной формах, отмечены ненормативные варианты лексико-синтаксических единиц. Докладчик выступил против засорения литературного языка диалектизмами, просторечными словами и выражениями, а также неоправданного расшатывания твердоустановленного порядка слов в азербайджанской фразе. Борьба за чистоту языка, ясность, красоту и содержательность речи является делом общенародным. Нормы современного литературного языка должны базироваться на анализе живых процессов взаимодействия языковых единиц на фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом уровнях различных функциональных стилей и в ситуативных контекстах живого языка. Без соблюдения этих литературно-языковых норм и установления пределов вариантности и вариативности культура речи советского человека, являющаяся частью его общей культуры, немислима.

Языку поэзии был посвящен доклад М. Б. Мамедова. На основе анализа и оценки особенностей языка и стиля произведений современной азербайджанской поэзии докладчик сделал вывод, что поэтический язык за последние годы обогатился новыми выразительными средствами, шире стал использовать ресурсы народно-разговорного языка.

В. И. Асланов построил свой доклад на большом систематизированном фактическом материале языка художественных произведений, переведенных с русского языка на азербайджанский.

Докладчик остановился на основных принципах творческого перевода, утвердившихся в теории и практике советского переводоведения, отметил наиболее характерные искажения в передаче на азербайджанский язык слов и выражений, отдельных грамматических категорий русского языка.

В докладе *З. И. Будаговой* были освещены основные тенденции и перспективы дальнейшего развития языка азербайджанской печати, *З. И. Будагова* отметила, что в эпоху бурного социально-экономического развития и научно-технического прогресса язык печати обрел массовость и нормативную устойчивость. Большая часть новых слов и устойчивых словосочетаний привносится в азербайджанский литературный язык через периодическую печать, которая является могучим средством не только массовой информации, но и массового воспитания, агитации и пропаганды марксистско-ленинской идеологии. Язык печати — наиболее чувствительный барометр структурно-функционального состояния литературного языка и весьма переимчивая стихия, непрерывно вбирающая в себя новообразования, обусловленные как языковым взаимодействием, так и влиянием народно-разговорного языка.

М. А. Мамедов охарактеризовал в своем докладе природу и задачи сценической речи. Он подчеркнул, что отличительными особенностями компонентов сценической речи (орфоэпия, дикция и т. д.) являются их эмоционально-экспрессивная окрашенность и выраженное разнообразие, синтетическая образность и неразрывная связь с действием. Если жанрово-стилистические особенности пьесы запрограммированы в самой фактуре текста, язык которого зависит от драматурга, то речь как таковая формируется уже актером, являющимся творцом звучащего слова. Поэтому особенно нетерпимы небрежности в речи мастеров сцены, призванных широко использовать богатейшие ресурсы речевой практики народа и создавать яркие, запоминающиеся образы.

А. А. Ахундов посвятил свой доклад анализу языка радио и телевизионных передач. Основной тезис докладчика заключался в мысли, что культуру звучащей речи следует повышать не столько посредством рекомендаций и распространения справочных пособий, сколько за счет конкретной практики нормативного словоупотребления. И в этом смысле телевизионные передачи приобретают первостепенное значение. Так, например, своим развитием спортивная терминология в азербайджанском языке во многом обязана телевидению. В докладе отмечались и недостатки в речи дикторов, связанные главным образом с произношением языковых единиц фономорфологического яруса

ономастической терминологии и аббревиатуры.

В докладе *Т. И. Гаджиева* был подвергнут всестороннему анализу язык учебников родного языка. Докладчик отметил в целом значительное улучшение их качества, достижение большей ясности и точности языка, соблюдение методических требований. Вместе с тем в учебниках часто встречаются недостатки лексико-фразеологического характера, в них преобладают переводные тексты и весьма бедно представлена богатейшая азербайджанская поэзия.

Последний доклад «Вопросы орфографии и орфоэпии» сделал *А. Р. Эфендизаде*, подчеркнувший, что проблемы правописания и литературного произношения тесно связаны с проблемами языка и мышления, коммуникации и обучения. Вопросы орфографии должны решаться с непреходящим учетом особенностей алфавита и графики. В области орфоэпии по-прежнему сохраняется актуальность борьбы против двоякого рода нарушений произносительных норм, обусловленных в одних случаях диалектизм и в других — книжным влиянием на звучащую речь.

В развернувшихся по докладам прениях, а также с заранее подготовленными сообщениями выступили: *Х. Мамедов*, коснувшийся вопросов доступности, образности, автоматизма, авторитетности научного стиля, *М. Агамиров*, высказавший свои соображения относительно трудностей словотворчества в области общественно-политической терминологии, *В. Гукасян*, остановившийся на некоторых принципах художественного перевода, *А. Алиев* (о языке художественных произведений), *С. Бегларова* (о языке дублированных фильмов), *Э. Аллахвердиева* (о языке перевода романа *М. Горького «Мать»*), *И. С. Сеидов* (о принципах правописания составных терминов, включающих имя собственное)¹, а также *А. Ибрагимов*, *М. Аскеров*, *И. Зулфугаров*, *Г. Тагизаде*, *Г. Магеррамов*.

Участники совещания пришли к общему мнению, что впредь конференции и симпозиумы по отдельным проблемам и направлениям культуры речи следует проводить регулярно, необходимо активизировать связи между специалистами различных областей речевой деятельности, обеспечить постоянное внимание языковедов к практике функционирования живой речи.

А. К. Алекперов

¹ См.: *И. С. Сеидов*. Об орфографировании составных терминов, включающих имя собственное. — «Советская тюркология», 1982, № 1.

ХРОНИКА

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТОПОНИМИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

26 — 27 ноября 1981 года в Баку состоялась Вторая научная конференция по изучению топонимии Азербайджана, организованная Географическим обществом республики и Институтом географии Академии наук Азербайджанской ССР, на которой были заслушаны доклады, посвященные вопросам, связанным с дальнейшим развитием топонимических исследований в республике¹.

Задачей конференции являлось подведение предварительных итогов работы, проделанной научными учреждениями республики и объединение усилий ученых (географов, лингвистов, историков) для совместных комплексных исследований топонимии Азербайджана.

На конференции присутствовали ученые Москвы, Ташкента, Ашхабада, Тбилиси, научные сотрудники различных институтов Академии наук Азербайджанской ССР, а также преподаватели ряда вузов и школ республики.

Конференцию вступительным словом открыл директор Института географии Академии наук Азербайджанской ССР, президент Азербайджанского географического общества, академик Г. А. Алиев.

Выступив с докладом «Достижения топонимических исследований в Советском Азербайджане», Г. А. Алиев отметил, что за последние годы в области изучения топонимии республики достигнуты определенные успехи.

¹ Краткое содержание докладов опубликовано в сборнике «Материалы докладов II научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджанской ССР», Баку, 1981. Первая научная конференция по топонимике Азербайджана, как известно, была проведена в 1973 г. См.: «Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана», Баку, 1973.

Благодаря проведенным исследованиям удалось уточнить этнический состав как азербайджанского народа, так и других народностей, проживающих на территории Азербайджана.

Б. А. Будагов в докладе «О природных предпосылках образования топонимов Азербайджанской ССР» говорил, что образование определенных групп топонимов Азербайджана обусловлено его природными условиями: разнообразием рельефа местности, различными типами ландшафта, связанного с разными высотными поясами, каждому из которых присуще своеобразное сочетание оро-климата, почвенно-растительного покрова и животного мира. Специфика цветковых гамм отдельных компонентов природной среды, разнообразием климатические условия легли в основу образования целого ряда топонимов (*Кюнюшлю, Алунигдаг, Бозгая, Карагёл, Акдере, Истису, Союг булаг* и т. д.). С отдельными типами ландшафтов и высотной поясности связаны многие оронимы, гидронимы, зоонимы, фито-топонимы и ойконимы (*Тугай, Говаглы, Кечигаясы, Бузлаг, Союгдаг, Еллигядик* и др.).

Б. А. Будагов отметил также роль вкусовых и режимных особенностей речных, морских, озерных и родниковых вод в образовании многих географических названий (*Аджису, Тириси, Шорбулаг, Аджидере, Шорсулу, Сулудере, Гуругобу, Инджачай* и др.).

В совместном докладе Б. А. Будагова и Г. Л. Ворошила «Принципы исследования топонимии Азербайджанской ССР» подчеркивалось, что на территории Закавказья, в том числе и Азербайджана, находятся наиболее древние топонимы страны. Так, некоторые ойконимы, гидронимы и оронимы Азербайджана были зафиксированы в надписях еще урартцев (IX — VII века до н. э.) и других древних народов Передней Азии.

В связи с этим докладчики считают, что топонимии Азербайджана следует исследо-

вать на основе синтеза географических, исторических и лингвистических данных.

Р. М. Юзбашев в докладе «О плановой организации топонимических исследований в Азербайджанской ССР» говорил о том, что при исследовании географических названий применяется статистический метод: составляются таблицы, отражающие количество топонимов по языкам и видам, устанавливается топонимический фон, уточняются топонимические спектры и стратиграфия.

В докладе «Топонимия в историко-географическом изучении городов» *Е. М. Поспелов* говорил о высокой динамичности и специфике территориальной организации крупных городов, затрудняющих их историко-географическую реконструкцию. Он подчеркнул, что для достоверной реконструкции роста городов необходимо не только выявлять тождественные топонимы, но и правильно сгруппировывать их в топонимические цепочки, моделирующие положение городских границ в различные периоды истории.

В докладе «Иранско-тюркские топонимические параллели Средней Азии» *С. К. Карраев* указал, что в Средней Азии имеется два пласта иранских топонимов — древний и современный. Ныне тюркоязычные топонимические образования доминируют всюду: от Каспийского моря на западе и до Тувы на востоке, исключение составляет только территория Таджикистана. В Средней Азии в ряде случаев тюркские топонимы наложились на иранские, что привело к параллельной топонимической номенклатуре.

Г. А. Гейбуллаев в докладе «К изучению тюркских этнонимов в топонимии Азербайджанской ССР» сказал, что среди топонимов Азербайджана сохранилось большое число древнетюркских этнонимов, восходящих к гуннам, суварам, булгарам, хазарам, аварам, печенегам, кыпчакам, команам, монголам. Многие азербайджанские топонимы восходят к кыпчакским (*Тертер, Анджа, Тук, Туба, Караберк, Куч, Котян* и др.), к огузским (*Кюнгюд Джорат, Орият, Джалаир, Тангыт, Элет, Алар, Онютлу, Татарлы, Горган, Дамгали* и т. д.), а также к общетюркским этнонимам (*Абдалли, Баят, Дуванны, Тиканлы, Караман, Гылыджлы, Гардонлу, Чуллу, Гуртлар* и др.). Древность приведенных этнонимов подтверждается также древнетюркскими лексемами-компонентами многих топонимов, не сохранившихся в современном азербайджанском языке, такими как *адир, арыш, балык, бармак, баир, бой, бом, бук* и др.

В докладе «К вопросу о двойных тюрко-монгольских этнонимах» *А. Гусейнзаде* обратил внимание на то, что в исторической этнонимии тюркских и монгольских народов известны двойные этнонимы типа *дуван-табын, калчир-табын* — у башкир; *киргиз-кыпчак, сарт-кыпчак* — у киргизов;

тай-кыпчак, кенес-мангыт — у каракалпков. Он отметил, что подобные этнонимы встречаются и в других тюркоязычных республиках (*Дондар-Кушчу, Синджан-Баят* — в Азербайджане; *Киргыз-Сарай, Найман-Сарай* — в Узбекистане) и объяснил причины образования двойных этнонимов.

Ш. М. Саадиев в докладе «О сложных ойконимах с компонентами *оба* и *гышлаг*» указал, что на территории Азербайджанской ССР слова *оба* 'кочевье', 'хутор', *гышлаг* 'зимовище, зимовье', регулярно присутствуя в качестве вторых компонентов названий, образовали сложные ойконимы.

М. С. Нейматова, выступившая с докладом «Эпиграфические памятники как источник изучения палеотопонимов Азербайджанской ССР» охарактеризовала эпиграфические памятники Азербайджана, представляющие большой интерес для изучения топонимии нашей республики. Она отметила, что в надписях XIV — XIX веков встречаются имена ученых, шейхов, пиров, глав различных сект, эмиров и титулованных лиц, с которыми связано происхождение названий некоторых сел: *Пир-Джамад, Шыхлар, Шыхакаран, Пир-Вахид, Деде-Гюнаш, Амираджаны, Гамаарван* и т. д.

В докладе «Топонимика и этнонимика об этногенезе на территории Азербайджанской ССР» *К. Алиев* указал, что еще в III тысячелетии до н. э. на территории Азербайджана были известны в основном племена *луллу* и *гутиев*. Этот состав населения сохранялся здесь вплоть до I тысячелетия до н. э. Он отметил также, что население на территории Албании состояло главным образом из *албанцев, удинов, легов, каспиев*, а затем — *гаргаров* и других племен, некоторые из которых были древнейшими аборигенами Азербайджана.

В докладе *Э. К. Мехралиева* «Топонимы как источник географических терминов» отмечалось, что в топонимии зафиксированы географические термины, отражающие представления народа об окружающей природе. Многие из этих терминов не вошли в литературный и научный язык, сохранившись лишь в топонимике (например, *ахарбахар, азуша, хол, агзыбир, кудри, гуджак, джюхюр* и др.).

Изучение народных географических терминов будет содействовать развитию азербайджанской географической терминологии и пополнению словарного состава литературного языка.

Л. Г. Гулиева в докладе «Роль этнонимов в формировании русской топонимии Азербайджанской ССР» указала, что русские географические названия в Азербайджане возникли в 30 — 50 годах XIX века в связи с переселением в Закавказье русских крестьян, а также русских сектантов из центральных и южных губерний России и Украины. Большую роль в образовании форм этих названий сыграли письменные источники, специальная литература эконо-

мического, географического, этнографического характера, изданная в XIX веке на русском языке, способствовавшая возникновению терминов по схеме «азербайджанская основа плюс русский словообразовательный формант» (например: *Шихлинская канава, Ах-огланская таможня* и др.). Официальный характер источников сказывался на сфере употребления этих терминов.

С. Б. Ашурбейли в докладе «О топониме Аран» высказала предположение, что ранне-средневековый Аран наряду с ираноязычными населяли и тюркоязычные племена и что под понятием «аранский язык» подразумевался собственно азербайджанский.

В докладе «Ойконимы, отражающие некоторые черты природы Азербайджанской ССР» Н. Г. Мамедов, касаясь классификации названий населенных пунктов республики, отметил, что в 398 (8,8%) ойконимах Азербайджанской ССР нашли отражение характерные особенности орографии, гидрографии, животного мира и растительного покрова.

В докладе «Роль элатов в образовании топонимов Восточной части Азербайджанской ССР» М. М. Джафарзаде указал, что территории Восточного Ширвана и Мугани в прошлом населяли полукошевые племена элатов, падар, текле, удулу, шорбачы, хелфели и др. Они составляли основное этническое ядро племен, или же были отдельными племенами, оставившими определенный след в исторических событиях Азербайджана. Они сыграли свою роль и в возникновении большого числа топонимов восточного Азербайджана. По мнению доклад-

чика, первая часть этнопонима *Удулу* — древнетюркское слово *уд* — крупнорогатый скот, корова, а вторая — общетюркский формант-лу (второе *у* основы — протетический гласный).

С. Н. Миррахмудова в докладе «Антропонимические ойконимы (на материале ойконимов азербайджанского происхождения в Армянской ССР)» подчеркнула, что собранный ею материал позволяет ей выделить два пути образования антропотопонимов: одна часть населенных пунктов названа по именам глав родственных групп (родов), другая — по именам владельцев соответствующих селений.

В докладе «О некоторых особенностях ойконимов азербайджанского происхождения юго-восточной Грузии» М. К. Гаджихалилов обратил внимание на то, что некоторые ойконимы данной территории неоднократно переименовывались (*Сарван — Борчалы — Марнеули; Наратепе — Гаразы — Гардабани* и т. д.). Он отметил, что многие ойконимы получили названия от рядом расположенных географических объектов: *Алгет, Гарабулаг* (реки), *Даштепе, Яглыджа* (горы) и т. д.

На конференции было прочитано сорок четыре доклада. Доклады вызвали оживленные прения.

В принятом решении конференция наметила пути дальнейшего изучения топонимики республики и установила дату созыва следующей топонимической конференции — 1984 год.

Б. А. Будагов, Н. Г. Мамедов

ЦЕННАЯ РАБОТА ПО ТЮРКОЛОГИИ

28 мая 1982 года в Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялось расширенное заседание отдела сравнительного изучения тюркских языков, посвященное обсуждению книги профессора Азгосуниверситета им. С. М. Кирова Ф. Зейналова «Основы тюркологии».

Открывая заседание, директор института М. Ш. Ширалиев рассказал об успехах и перспективах развития советской тюркологии, о вкладе азербайджанского языкознания в изучение тюркских языков. Важным стимулом для дальнейших исследований, сказал он, является издание в республике

такого ответственного всесоюзного журнала, как «Советская тюркология». Современный уровень развития тюркологии требует широкого обобщения достигнутых успехов. Однако, отметил М. Ш. Ширалиев, в азербайджанском языкознании, кроме изданной более полувека назад книги Б. Чобанзаде «Введение в тюркологию», до сих пор нет значительных трудов, учебников и учебных пособий, посвященных общетеоретическим проблемам тюркологии. Поэтому заметным событием стал выход в свет книги Ф. Зейналова «Основы тюркологии».

С докладом-разбором исследования Ф. Зейналова выступил заведующий отделом сравнительного изучения тюркских языков К. Абдуллаев. Он подчеркнул, что учебник Ф. Зейналова является ценным вкладом в тюркологическую науку респуб-

¹ *Фархад Зейналов. Тюрколокијанын эсаслары. Баку, 1981.*

лики. Он сочетает в себе особенности как учебника, так и научного исследования.

В первых главах книги: «История тюркских языков», «Структура тюркских языков», «Классификация тюркских языков», «Из истории изучения тюркских языков» автор анализирует и обобщает соответствующие проблемы, а в последующих (главы V—X) описывает отдельные группы тюркской семьи языков и останавливается на каждом из них индивидуально. В книге дан анализ фонетической, лексической и морфологической структуры тюркских языков. Так, Ф. Зейналов считает наиболее верной морфолого-семантическую классификацию частей речи, исследует природу первоначального и последующего удлинения гласных, особенности этого процесса, спорные вопросы тюркского синтаксиса, специфические особенности лексических пластов и др.

В заключение К. Абдуллаев указал на имеющиеся в книге некоторые недостатки и спорные положения.

Выступившая в обсуждении З. И. Будагова отметила, что учебник «Основы тюркологии» представляет собой фундаментальное обобщение курса, который на протяжении уже многих лет ведет автор в Азгосуниверситете. Книга Ф. Зейналова является серьезным исследованием и ценным вкладом в азербайджанскую и в советскую тюркологию в целом. По мнению З. Будаговой, некоторые положения книги не бесспорны и она бы только выиграла, если бы автор не оставил без внимания ряд работ азербайджанских ученых.

А. Мамедов в своем выступлении обратил внимание на то, что страницы книги, посвященные происхождению азербайджанского языка и его историческим корням в кавказском ареале, весьма ценны в плане исследования дописьменного периода истории азербайджанского языка, его происхождения и периодизации в целом. А. Мамедов подробно остановился на исторической периодизации развития тюркских языков, предложенной автором книги. В отличие от таких известных тюркологов, как Т. Страппенберг, М. Кастрен, Г. Рамстедт, В. В. Радлов, С. Е. Малов, Н. А. Баскаков и др., Ф. Зейналов предлагает свою, совершенно новую периодизацию: 1) Древнейший тюркский период (пратюркский) — с IV тысячелетия до н. э. до V века н. э., 2) Древнетюркский период — V—X века; 3) Среднетюркский период — X—XVI века; 4) Новый тюркский период — XVI—XX века.

Г. Кулиев, коснувшись заслуг Ф. Зейналова в разработке общих вопросов тюркологии в Азербайджане, отметил, что появление книги «Основы тюркологии» — еще одно научное достижение автора, выпущенного уже более десяти монографий, в числе которых: «Принципы классификации именных частей речи» (Баку, 1959), «Служебные части речи в современных тюркских языках» (Баку, 1971), «Сравнительная грамматика тюркских языков», ч. I—II (Баку, 1973—1974), «Древнетюркские письменные памятники (среднетюркский период)» (Баку, 1980) и др.

Доцент Азгосуниверситета Ш. Халилов отметил достоинства книги как учебника для филологических факультетов вузов.

Профессор Азгосуниверситета Ю. Сеидов, подчеркнув большое практическое значение книги «Основы тюркологии», отметил, что это первый в данной области учебник, появившийся после вышедшего в свет в 1962 году и переизданного в 1969 году учебного пособия Н. А. Баскакова «Введение в изучение тюркских языков», которое давно уже стало библиографической редкостью.

Характер учебника, сказал Ю. Сеидов, требует, в основном, изложения общепринятых мнений. Однако, в книге Ф. Зейналова анализируются и спорные вопросы, высказываются новые суждения. Подробно разбираются в книге концепции азербайджанских ученых (М. Ш. Ширалиева, А. З. Абдуллаева и др.) относительно глагольных оборотов и придаточных предложений, получившие широкое признание как отечественных, так и зарубежных тюркологов. Учебник «Основы тюркологии» отвечает всем требованиям программы преподавания тюркологических дисциплин в высшей школе.

М. Мамедов в своем выступлении отметил, что книга «Основы тюркологии» содержит обширную научную информацию, касающуюся каждого из живых тюркских языков.

В обсуждении приняли участие также сотрудники института А. Тагирзаде, А. Гулиев, С. Мехтиева, А. Садыгов.

Автор «Основ тюркологии» Ф. Зейналов выразил свою признательность участникам обсуждения его книги.

Итоги обсуждению подвел М. Ш. Ширалиев.

А. Г. Гулиев, А. А. Курянян

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. А. Баскаков* (Москва). Задачи составления тюркских ареальных исторических диалектологических атласов 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Э. А. Умаров* (Ташкент). Тюркская лексика в персидских фархангах 10

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Е. И. Маштакова* (Москва). Четыре «ремесленных» поэмы Белига 15

ОНОМАСТИКА

- Г. Ф. Саттаров* (Казань). Этнолингвистические пласты татарского именника 23

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- В. Г. Адмони* (Ленинград). Сложносаянное предложение в тюркских языках 30

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- М. Ф. Чернов* (Чебоксары). Семантические типы составных терминов в современном чувашском языке 37
- Г. О. Сулеева* (Алма-Ата). О некоторых формах настоящего длительного времени в казахском языке 45
- М. Томанов* (Алма-Ата). К истории совместно-орудного падежа в казахском языке 53
- Т. Д. Потапова* (Москва). Словесное ударение в турецком языке 56
- Ю. В. Шека* (Москва). Аспектно-экспрессивные трансформации в турецкой разговорной речи 63
- Э. Н. Наджип* (Москва). Тюркский язык дельйского султаната XIV века (II) 72
- Ч. Джумагулов* (Фрунзе), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Одиннадцатая руническая надпись на камне-валуне из долины реки Талас 86

РЕЦЕНЗИИ

- А. Н. Малехова* (Ленинград). «Узбек адабиёти тарихи» 89
- У. Т. Саимбетов* (Нужус). «Қаракалпақ тилинің орфографиялық сөзлігі» 90

<i>Х. Б. Бердияров, Т. И. Курбанов</i> (Самарканд). Р. Қўнгулов. Субъектив баҳо формаларининг семантик ва стилистик хусусиятлари	91
<i>Ш. Насыров, К. Шарипова</i> (Ташкент). Ш. Шужуров. Ўзбек тилида феъл замонлари тараққиёти; Ш. Шужуров. Ўзбек тилида феъл майллари тараққиёти	93
<i>А. М. Шарипов</i> (Елабуга). Амир Махмудов. Эстетический идеал в творчестве Мусы Джалиля	95
<i>Г. Ц. Пюрбеев</i> (Москва). Л. К. Байрамова. Русско-татарский фразеологический словарь языка В. И. Ленина	97
<i>А. М. Шербак</i> (Ленинград). G. Doerfer und S. Tezcan. Wörterbuch des Chaladsch (Dialekt von Xarrab)	98
<i>И. Г. Добродомов</i> (Москва). Grannes Alf. Loan Compounds in Bulgarian Reflecting the Turkish Indefinite Isafet-Construction	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. К. Алекперов</i> (Баку). Обсуждение вопросов азербайджанской речевой культуры	104
---	-----

ХРОНИКА

<i>Б. А. Будагов, Н. Г. Мамедов</i> (Баку). Научная конференция по изучению топонимии Азербайджана	106
<i>А. Г. Гулиев, А. А. Куранян</i> (Баку). Ценная работа по тюркологии	108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Problems of composition of turkic areal historical dialectological atlases	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>E. A. Umurov</i> (Tashkent). Turkic vocabulary in Persian farhanges	10
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>E. I. Mashtakova</i> (Moscow). Four «artisan» poems of Belig	15
---	----

ONOMASTICS

<i>G. F. Sattarov</i> (Kazan). Ethnolinguistic layers of Tatar name book	23
--	----

DISCUSSIONS

<i>V. G. Admoni</i> (Leningrad). Complex united sentence in the Turkic languages	30
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>M. F. Chernov</i> (Cheboksary). Semantic types of compound terms in the modern Chuvash language	37
<i>G. O. Suleeva</i> (Alma-Ata). On some forms of Present continuous tense in the Kazach language	45
<i>M. Tomanov</i> (Alma-Ata). Towards the history of sociative instrumental case in the Kazach language	53
<i>T. D. Potapova</i> (Moscow). Word stress in Turkish language	56
<i>Yu. V. Sheka</i> (Moscow). Expressive aspectal transformations in the Turkish colloquial speech	63
<i>E. N. Nadjip</i> (Moscow). Turkic language of the Delhi Sultanate in the XIV c. (II)	72
<i>Ch. Dzhumagulov</i> (Frunze), <i>S. G. Kliashturny</i> (Leningrad). The eleventh runic inscription on a stone-boulder from the valley of Talas river	86

REVIEWS

- A. N. Malechova* (Leningrad). «Узбек адабиёти тарихи»
- U. T. Saimbetov* (Nukus). «Қарақалпақ тилиниң орфографиялык сөзлиги»
- Kh. V. Berdiyarov, T. I. Kurbanov* (Samarkand). P. Қўнғуров. Субъектив баҳо формаларининг семантик ва стилистик хусусиятлари
- Sh. Nasurov, K. Sharipova* (Tashkent). Ш. Шукуров. Узбек тилида феъл замонлари таракқиёти; Ш. Шукуров. Узбек тилида феъл майллари таракқиёти
- A. M. Sharipov* (Elabuga). Амир Махмудов. Эстетический идеал в творчестве Мусы Джалиля
- G. Ts. Pyurbeev* (Moscow). Л. К. Байрамова. Русско-татарский фразеологический словарь языка В. И. Ленина
- A. M. Sherbak* (Leningrad). G. Doerfer und S. Tezcan. Wörterbuch des Chaladsi (Dialekt von Xarrab)
- I. G. Dobrodotov* (Moscow). Grannes Alf. Loan Compounds in Bulgarian Reflectiv. the Turkish Indefinite Isafet-Construction

SCIENTIFIC LIFE

- A. K. Alekperov* (Baku). Discussion of Azerbaijanian speech cultures questions

CHRONICLE

- B. A. Budagov, N. G. Mamedov* (Baku). Scientific conference on learning toponymy of Azerbaijan
- A. G. Guliyev, A. A. Kuranyan* (Baku). A valuable work on Turkology

© «Советская тюркология» 1982 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 30.7.82 г. Подписано к печати 12.10.82 г. ФГ 09915. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5. Фг. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 5570. Тираж 2935. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

ISSN 0131-677X

Индекс
70927

1 р. 10 к.